

М 1696312

ВАЛЕРИЙ МЕДВЕДЕВ

СВЕРХПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕРХКОСМОНАВТА

МАЛЬЧИК
В ЧЕРНОМ КОСТЮМЕ

КАПИТАН
СОВР-И-Г ОЛОВА

ПОВЕСТИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1977

P2

М 42

Медведев В. В.
М 42 Сверхприключения сверхкосмонавта. Повести.
М., «Моск. рабочий», 1977.

364 с.

Кто не знает героя известной повести «Баранкин, будь человеком!»? Теперь автор этой повести — писатель Валерий Медведев создал для тебя, юный друг, еще одну новую занимательную книгу. В ней ты найдешь удивительные похождения таинственного героя, чьи необыкновенные способности могут принести добро или зло. Кто же он? Об этом ты узнаешь, прочитав его воспоминания «Сверхприключения сверхкосмонавта».

Повесть «Мальчик в черном костюме» расскажет тебе о том, как важно порой не только заявить на словах о своей дружбе, но и отстоять ее в трудном испытании.

В книгу включена и повесть о капитане Соври-голова, и ты сможешь познакомиться с его приключениями.

P2

70803-323
М $\frac{70803-323}{M172(03)-77}$ 168-77

СВЕРХПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕРХКОСМОНАВТА

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О СТАРОМ ГЕРОЕ
ЮРИИ БАРАНКИНЕ
В 22 ВОСПОМИНАНИЯХ,
НАПИСАННЫХ- ИМ САМИМ
О САМОМ СЕБЕ

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ШКОЛЬНОМ ПОРТФЕЛЕ

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ?

(Вместо предисловия)

Была весна. Я закончил работу над романом для взрослых. У меня было распрекрасное настроение. Я оделся и вышел на улицу. В марте бывают такие дни, когда власть переходит то в руки весны, то зима перейдет в наступление, запуржит, но в этот день зима как раз отступила в тень заборов и зданий, в Тимирязевском парке среди деревьев попряталась. Я направился к парку, напевая себе под нос, и, остановившись возле сугроба, осевшего от солнца, стал думать о том, какую книгу буду писать. Но я думал об этом совсем недолго, меня заинтересовал сугроб, вернее, не сам сугроб, а то, что из него торчало, а торчало из сугроба что-то похожее на школьный портфель. Согласитесь, что не так уж часто в жизни из сугробов торчат школьные портфели, да еще не совсем старые, а вернее, совсем не старые. Я подошел поближе, разгреб снег и, ухватившись за ручку портфеля, вытащил его из снега и потряс, как бутылку, будто бы ждал, что внутри портфеля что-то забулькает. Содержимое портфеля молчало, но я чувствовал по весу, что в нем что-то есть. Может быть, думал я, вспоминая поговорку: «Случай редок, но щедр», может быть, это и есть тот самый щедрый случай, который так редко выпадает на долю писателя.

Присев на лавочку, я долго возился с заржавленным замочком портфеля. Наконец открыв застёжку, заглянул внутрь и увидел целую стопку школьных тетрадок, извлек их на свет. Сначала я подумал, что это обыкновенные ученические тетради по русскому, алгебре, геометрии, заброшенные в сугроб вместе с отслужившим свой срок портфелем, но, перелистав странички, я даже присвистнул от любопытства. Все тетради были исписаны буквами на каком-то непонятном мне языке, хотя буквы в словах были все русские. От долгого лежания под снегом строчки расплылись, буквы потеряли свое очертание, было трудно разобрать то ли это «г», то ли «ч», то ли «ш», то ли «щ». Судя по нумерации, многие страницы были вырваны или потеряны.

Первая страница выглядела так:

Эсчщщя эмг энчсгря юкшчл мкгчмлэпэяль ечтпэууплппскогнз юсюкшчлопнкерпмьяспгланкршрпчяшярфгфауяу кэфшфлг млярк пшфр фхвл фз опэыз фхнчефмуяхяррпфсрпб щшглп упщщя лпчнчшучслпопопэпшхечщплп шпппщфчлпэянфгф оплпсуфркфуупрчerp мпэнчсрр.— фуф азяшптцчрмряятп пкьюмрфль опескаочнэфф рякчстч егшпхчсономфоф мэ нум нчдфт ряофмяль п мчюч эпмомсфрярфа шчтп элпс елп а хя мэмбцфхрь очнчефлят нерь српщп урфщпцфхрфхясчялчтьрызтбшчф ляу српб онпфлярп ряонфсчн...

От одного вида страницы сердце мое застучало учащенно, вероятно, как у археолога, обнаружившего впервые египетские настенные надписи, или клинопись, или загадочные письмена племен Майи. Что таилось за всем этим, уже расшифрованным, люди знали, а что таилось за таким набором таинственных даже не словосочетаний, а буквосочетаний?.. Что скрывалось вот, например, за таким перепутанным алфавитом: эмчщщяэпэмч, энчсура, юкшкл?

Над чем работать мне как писателю, такой вопрос уже больше не вставал передо мной во весь свой загадочный рост. Пусть пока останутся на полках моего шкафа сюжетноносные папки с задуманными мною рассказами для взрослых, продолжение повести о капитане Соври-голова с его говорящей собакой и новая повесть о роботе и некрасивой девчонке отодвинулись на задний план.

Загадочно сочетающиеся буквы: «эмчщяэп...» — покорили мое воображение. «ЭМЧ! ЩШ! ЯЭП! ЯЭП!» — проговорил я, бережно опуская тетради в портфель и с усилием замыкая проржавевшие замочки. «Сейчас направляюсь к дому, сейчас сяду за стол, расшифрую тетради, — легкомысленно подумал я, — и... и что... И то!...» Что станет мне ясно?.. Я не знал, что станет мне ясно, я шел и думал: вот кто-то, какой-то мальчишка, ну, конечно, мальчишка, не девчонка же. Будет девчонка зашифровывать десять или сколько там тетрадей. И так, какой-то мальчишка зашифровал. Что мог он зашифровать?.. Первую мечту?.. Первое чувство?.. Первое! Я еще не знал, что первое... Но, конечно, это было что-то первое, что-то, наверное, важное и, конечно, секретное. А может, это дневник, который откроет мне после расшифровки какую-нибудь интересную и яркую личность. И с этими мыслями я поднялся к себе в квартиру...

Моя надежда, что я сразу же разберусь в этих загадочных «ЭМЧ-ах» и в «ЯЭП-ах», рухнула примерно через полчаса. Не помогло и зеркало, которое я приставлял к тетради, думая, что текст зашифрован так, как были когда-то зашифрованы дневники Леонардо да Винчи — он записывал свои мысли таким способом, что их можно было прочитать лишь при зеркальном отражении. Может, автор загадочных тетрадей приставлял к слогам знакомых слов какие-нибудь буквы для

искажения смысла или даже несколько букв, но эта догадка мне тоже не помогла. На другой день после бесплодно проведенной ночи я уже втянул в разгадку тетради всех своих знакомых, показывая им переписанные мной отрывки, но, увы, тетради молчали, никто не мог ухватиться хоть бы за ниточку расшифровки.

— Да розыгрыш все это,— сказал мне один приятель,— это композитор Суесловский тебя разыгрывает, нарочно написал как придется, какими хочешь буквами и подбросил тебе, а ты голову ломаешь.

Неправда, буквы жили, дышали. За буквами шло чье-то существование, я это ощущал, чувствовал. Помощь пришла неожиданно: другой мой приятель показал зашифрованный текст одному полковнику в отставке, он служил в Отечественную войну шифровальщиком, и тот тоже не сразу, но нашел разгадку этого, как он выразился, «кроссворда». Вся трудность оказалась в простоте шифровки.

— А парень голова,— сказал мне полковник по телефону,— молодец, я такого простого и загадочного шифра еще в жизни не встречал. Леонардо да Винчи перехитрил.

После телефонного разговора ключ шифра был у меня в руках. Он действительно до великого прост: нужно было взять алфавит и написать столбиком все буквы от А до Я, а потом взять этот алфавит и еще раз его написать от Я до А, только теперь начиная с буквы Я. Таким образом, все буквы первого алфавита в словах заменены буквами второго алфавита. Вместо букв А везде будет буква Я, вместо букв Б — буква Ю и т. д. и т. п. Исписав двумя столбцами алфавита бумагу, я достал из письменного стола стопку таинственных тетрадей и углубился в их расшифровку...

Как пишут в книгах: прошло несколько месяцев... И когда последнее слово было расшифровано, то на столе передо мной лежали... что бы вы думали? Дневники? Нет, не дневники! Описания первого чувства? Нет. Передо мной лежали воспоминания. Да-да, воспоминания! И не старичка пенсионера, или пожилого человека, или даже просто взрослого. Это были воспоминания мальчишки — Юрия Иванова. Воспоминание о себе самом и написанное им самим. Нет, не обмануло меня мое писательское чутье, и рукопись, найденная в школьном портфеле, оказалась очень интересным материалом. Конечно, кроме расшифровки мне пришлось крепко ею позаниматься, как говорится, дать ей литературную обработку, но и только. За автора я ничего не дописывал. Там, где были вырваны страницы или безнадежно зачеркнуты целые куски текста, я их не дописывал и не додумывал за автора. Мне кажется, что Юрий Иванов, по тому как он сам вспоминает о себе и мыслит о своем будущем, представляет большой интерес. Кстати, я долго размышлял, как назвать всю эту историю, и очень пожалел, что на экранах наших кинотеатров уже шла кинокартина, которая называлась «Воспоминание о будущем». Пожалел, потому что все, что описано в тетради Юрия Иванова, в самый раз было бы назвать «Воспоминания о будущем Юрия Иванова» или «Сверхприключения сверхкосмонавта» тоже неплохо, потому что «сверх» — это любимое слово автора зашифрованных тетрадей. Итак, на этом я заканчиваю свою речь и передаю слово Юрию Иванову и его повести, которую смело можно назвать:

«СВЕРХПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕРХКОСМОНАВТА»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СВЕРХПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕРХКОСМОНАВТА

ВОСПОМИНАНИЕ ПЕРВОЕ

Воспоминания о воспоминаниях

Всегда, во все времена будет существовать человек, которому первому будет поручено самое трудное задание, и я, как увидите, стану одним из этих первых! (Из речи, сказанной мною где-то, когда-то, перед кем-то, по поводу чего-то.)

Дорогие товарищи потомки, ну и, конечно, современники! Я вам должен сначала объяснить, почему я, первый на земле чедоземпр-пси́п и свёркс, решил написать о себе воспоминания: дело в том, что я за свою жизнь перечитал очень много книг о жизни замечательных людей. Мною прочитана, например, вся литературная серия, которая так и называется: «Жизнь замечательных людей». Кроме этих книг я прочитал еще сиксильен всяких воспоминаний. Среди них больше всего люблю книгу про Александра Александровича Любичева. Там рассказывается про его жизнь. А в его жизни очень много общего с моею. Он тоже был один против всех. Он нападал. Я тоже. В общем, есть что вспомнить и ему, и мне... Только я прошу меня понять правильно, я пишу о себе, о Юрии Иванове, воспоминания не из какого-нибудь там тщеславия или чего-нибудь в этом роде. Я пишу, желая облегчить в будущем работу исто-

риков, которые начнут собирать материалы о моей жизни: где был, что говорил, просим всех, знавших Юрия Иванова, прислать в Центральный архив управления «Чедоземпр-пси-п-один» все, связанное с жизнью знаменитого чедоземпра, известного псипа и единственного в мире сверкса. К мысли написать о себе воспоминания я пришел простым путем. Дело в том, что я вообще не люблю художественную литературу, я люблю только учебники, научное и всякое «вспоминательное» чтение или, как говорят взрослые, мемуары. Кроме трудов по космонавтике я люблю читать Большую советскую энциклопедию. Я ее знаю наизусть, у меня, вообще-то, удивительная и, может быть, даже уникальная память. Мне достаточно один раз увидеть страницу, чтобы запомнить на всю жизнь, только я это от всех скрываю, правда, иногда, чтобы всех озадачить, устраиваю, например, такой цирк. Подходит ко мне, скажем, Маслов и говорит:

— Ну, Угрюм-башка,— он мне такое прозвище дал,— скажи мне, кто такой Рыльке?

— Какой Рыльке? — начинаю я строить из себя дурачка.— Который из девятого класса?

— Не из девятого,— поправляет меня Маслов,— а из Большой советской энциклопедии.

— А! Из Большой. Так бы и говорил, что из Большой... Рыльке... Это,— говорю я, как бы вспоминая,— Рыльке — это Станислав Данилович, родился в 1843 году, умер в 1899 году; русский геодезист и астроном. Генерал-майор. Известен работами по вопросам земной рефракции и нивелирования. В 1898 году предложил оригинальную теорию земной рефракции, учитывавшую возмущающее тепловое воздействие почвы.

После моей справки все разевают рты, естественно, и кто-нибудь тихим от удивления голосом, спрашивает:

— А «все или ничего» — закон?

Я отвечаю:

— «Всё или ничего» — закон в физиологии — ложное положение, согласно которому возбудимая ткань (нервная и мышечная) в ответ на действие раздражителей якобы или совсем не отвечает реакцией, если величина раздражения недостаточна (ниже порога), или отвечает максимальной реакцией, если раздражение достигает пороговой величины; с дальнейшим увеличением силы раздражения как величина ответной реакции, так и длительность ее протекания якобы не меняются... — и пошел я, и пошел.

В энциклопедии объяснение довольно большое, поэтому я решил его договорить все до конца, а Кашин заткнул уши и заорал:

— Не надо «все»! С меня хватит и «ничего»!..

Но это я отвлекся, о чем я вспоминал?.. Ах да, я вспоминал о том, что я люблю воспоминания великих людей. Но вот какую странность я заметил: в этих воспоминаниях чаще всего пишут о себе не сами великие люди, а те, кто их знал или о них слышал, иногда пишут и сами великие люди, но обычно в старости. Вообще я убежден, что о таких людях, как я, надо писать мемуары как можно раньше (с первого дня рождения, желательно). И не только писать, но и почаще фотографировать, а воспоминания, я повторяю, должен писать сам, — я настаиваю на этом, — сам воспоминаемый. А то попросите других, вот, например, моих соучеников, что они стали бы обо мне писать для Истории? Вы знаете, сколько у меня было врагов?.. Я подсчитал: сто двадцать человек, нет, сто девятнадцать, мама у меня друг, а папа — враг. Одним словом, кто меня знал, тот меня и ненавидел, повторяю, кроме моей мамы. Только доверься моим врагам, в том числе и моему папе! И вообще, я бы не всем разрешал писать воспоминания обо мне, даже моему папе. Возьмем наш класс, всех его уче-

ников. Предложите им написать обо мне. Я убежден, что эти воспоминания начались бы так:

«...Нам даже и вспоминать не хочется этого типа Иванова, но уж если вам, товарищ История, хочется, чтобы мы вспомнили, то пожалуйста. Ну, во-первых, какая у него была внешность?..

Здесь посыплются реплики:

— А бог его знает...

— Он такие гримасы строил, что его лицо и разглядеть-то нельзя было!..»

Кстати, в тот исторический день, с которого я окончательно решил начать писать о себе воспоминания, я сидел в пустом классе и думал: неужели же я не доживу до той поры, когда люди будут судить о других не по поступкам, а по мотивам поступков, потому что если обо мне судить только по поступкам, не думая о том, какие мотивы толкнули меня на это, то получится, быть может, совсем другое впечатление. Сами посудите, у нас с начала учебного года заболела Алла Астахова, староста нашего класса. На ее должность временно назначили ученика нашего класса с двойной фамилией. У нас есть такой ученик Кириллов-Шамшурин. Вообще-то он всегда рвался быть старостой нашего класса, но его почему-то не выбирали раньше. А тут Алла заболела, и ему, конечно, поручили быть временно старостой. При Алле Астаховой наш класс был вполне приличным классом. А когда ее заменил Кириллов-Шамшурин, то он, вероятно, решил из нашего класса сделать что-то образцово-показательное. При Алле Астаховой у нас было так: ребята потихоньку разговаривали на уроках или даже писали друг другу записки. А Кириллов-Шамшурин решил, чтобы ребята не разговаривали и записки тоже не писали. Поэтому он однажды подошел ко мне и сказал:

— Слушай, Иванов, ты все можешь... как мне сде-

лать так, чтобы ребята на уроках не переговаривались и не писали друг другу записки?

Я, даже не думая, сказал, что это очень просто.

— Научи меня,— попросил Кириллов-Шамшурин.

— Пусть все ребята учат азбуку Морзе. И если кому-нибудь надо будет что-нибудь передать в классе во время урока, то пусть он поморгает тому, кому нужно, по системе Морзе. Прimitивно и бесшумно.

— Ты гений! — сказал мне Кириллов-Шамшурин и пошел к ребятам делиться моим изобретением, выдав его, кстати, за свое.

Ну разве я думал, что советую Кириллову-Шамшурину плохое? Разве я знал, что ребята воспользуются этим в своих интересах и самым невероятным способом?!

Вскоре в классе действительно наступила мертвая тишина, такая мертвая, какой не было при Алле Астаховой. Зато какие бесшумные разговоры начались! Каждый передавал азбукой Морзе другому всё, что ему в голову взбредет. И кончилось тем, что стали просто подсказывать друг другу на уроках. Успеваемость поднялась, все стали четверки и пятерки получать. Кириллов-Шамшурин был произведен в герои. Если бы не наша биологичка Анна Петровна, то я вообще не знаю, чем бы все это кончилось. Но Анна Петровна, оказалось, была когда-то на фронте радисткой и очень быстро разобралась в обстановке. Очень быстренько разоблачила всю эту историю. Тут Кириллова-Шамшурина взяли, конечно, за жабры и, конечно, спросили, как он только додумался до этого? И тут, конечно, Кириллов-Шамшурин все свалил на меня. Дня три тому назад в школе был скандал по этому поводу. Меня вызывали к директору, и всю эту историю записали в дневник... в мой. Я всегда задумывался, почему у людей бывает двойная фамилия? Не знаю, как в других случаях, но в

этом случае с Кирилловым-Шамшуриным была двойная фамилия, наверное, потому, что в нем жили два человека: Кириллов и Шамшурин.

Я, товарищи потомки, вообще-то, не уделил бы этой истории своего драгоценного времени ни секунды, тем более на запись в дневнике. Но к Кириллову-Шамшурину я все-таки подошел и сказал:

— Ну, признавайтесь, Кириллов-Шамшурин, — сказал я, — признавайтесь, кто из вас двоих меня предал? Кириллов или Шамшурин?.. — И еще я ему сказал, что ему привет от змеи. Он очень удивился и спросил:

— От какой еще змеи?

— Информирую, — сказал я. — На мясной рынок одного бирманского города, что стоит у одного из притоков дельты реки Иравади, охотники доставили редкостный экземпляр выловленного в джунглях питона длиной более пяти метров. Один горожанин, сжалившись над судьбой такого красавца, которому предстояло быть проданным на мясо, выложил запрошенную цену и отправился на окраину города, чтобы выпустить змею на свободу. Но не успел он открыть крышку корзины, как хозяин джунглей мощными кольцами обвил шею и плечи незадачливого натуралиста. С трудом спасли его вовремя подоспевшие прохожие... Знаешь, в чем у тебя сходство со змеей? — спросил я Кириллова-Шамшурина.

Но он вместо ответа быстро побежал по коридору и скатился вниз по лестнице. А я побрел к себе в класс и сел за парту.

Вообще-то этот прием передачи мыслей на расстоянии с помощью радиоазбуки Морзе я готовил для себя, вернее, для инопланетных путешествий: я думал, что во время разговора с инопланетянами, если мне нужно будет что-то незаметно сказать своим, то я и поморгаю им свою мысль. Не все же можно будет говорить ино-

планетянам. И потом, может, не все инопланетяне будут к нам хорошо относиться, не все они будут хорошие, может быть, среди инопланетян тоже есть такие, вроде Кириллова-Шамшурина. Вот видите, товарищи потомки, как все получается: мотивы у меня были самые хорошие, когда я давал совет Кириллову-Шамшурину, а поступок получился совсем не таким, каким был мотив этого поступка.

А вчера я сорвал урок пения. Сначала я несколько раз сбежал с урока, а когда сбежать не смог, то сорвал, чтобы меня учительница больше не заставляла даром терять время. Ну зачем, скажите, пожалуйста, заниматься мне тем, чем я никогда не буду заниматься? Обо мне петь будут, а я никогда... Это раз! Во-вторых, я, например, могу попасть в милицию за то, что торгую цветами, то есть я сам не торгую, а помогаю одной старушке торговать за небольшое денежное вознаграждение. Моя подготовка под кодовым названием «Чедоземпр-пси-сверкс» требует больших тайных денежных расходов, и я трачу на нее все карманные деньги, которые мне дают мои родители. Если я буду просить дополнительную сумму, то начнутся расспросы: да зачем тебе, да к чему, да деньги портят человека. Мы тебе и так много даем! Поэтому я вынужден зарабатывать деньги своими силами, но я же в милиции тоже не смогу рассказать, по каким мотивам я, вместо того чтобы заниматься чем-нибудь полезным, занимаюсь цветами. (Это я-то «вместо того чтобы заниматься чем-нибудь полезным!...») Вот так, значит, я сидел и думал о сорванном мною уроке пения и о своей торговле цветами. В это время в соседнем классе раздался шум и знакомые мне голоса продолжали, по-видимому, давно начатый разговор. Уж не обо мне ли идет речь? Прислушался и тут же убедился, что речь шла как раз обо мне. И о том, что со мной в последнее время происходит!..

ВОСПОМИНАНИЕ ВТОРОЕ

Кто же это такой, Юрий Иванов?

Интересно, интересно, что же это со мной в последнее время происходит? Я подошел ближе к стене, разделяющей классы. Спорили долго, но все споры можно было свести к четырем версиям. Борис Кутырев — есть у нас такой тип в классе, тип с сатирическим уклоном, писателем хочет стать, сатириком, вроде Гоголя или Салтыкова-Щедрина, — так вот он, этот Гоголь-Моголь, заявил, что я, по его мнению, попал в дурную компанию. Этому Кутыреву везде дурные компании мерещатся. Вера Данилова после долгих меканий сказала, что, по ее мнению, я влюбился и поэтому выкидываю всякие такие фокусы, какие выкидывают все влюбленные. Лев Киркинский (с натуралистическим уклоном) заявил, что просто меня какая-то муха укусила и он постарается выяснить, какая это муха меня укусила. А Маслов, этот будущий космонавт! Будущий космо-ха-ха-ха-навт изрек, что я просто с отклонением. Ну, ну, доверьте этим, с позволения сказать, землянам воспоминания обо мне!

Маслов хотел, очевидно, подробнее объяснить, почему он меня считает с отклонением, но его оборвал Колесников (тот самый Колесников, что увлекается антологиями всевозможных таинственных случаев). Колесников оборвал его и сказал:

— Вы со своими детскими лекциями меня просто поражаете: попал в компанию, влюбился, муха какая-то укусила или что Иванов с отклонением. Глупости вы все говорите. Дело, по-моему, гораздо серьезнее, чем вы думаете.

— Ты, Колесников, свидетель минувших эпох, — сказала Алла Астахова, староста нашего класса. Алла

у нас с газетным уклоном, поэтому очень любит выражаться какими-то заголовками. — Ты, Колесников, себя сразу расшифровывай, а не тяни.

— Пожалуйста, я могу не тянуть, я могу вам прямо сказать: Юрий Иванов — это не Юрий Иванов, то есть это не тот Юрий Иванов, за которого мы его принимаем.

За стеной поднялся какой-то невероятный шум, и ни одного слова больше нельзя было разобрать. Потом снова наступила тишина, и Колесников продолжал:

— Мне кажется, что вместо нашего Юрия Иванова кто-то подсунул другого Иванова.

— Кто это нам подсунул другого Иванова? — спросили за стеной.

— Ну кто нам может подсунуть другого Иванова? — переспросил сам себя Колесников. — Другого Иванова нам могут подсунуть только инопланетяне. Я убежден, что однажды темной ночью они на неопознанном летающем предмете приблизились к нашей Земле, спустились на нее, похитили Юрия Иванова, а вместо него оставили нам на Земле его двойника. Поэтому и удивляться ничему не приходится...

За стеной снова забушевал шум, пока его не оборвал голос Сергея Жарикова. Он у нас самый рассудительный парень, с физико-математическим уклоном. Жариков сказал:

— Ну, знаете, вы, вообще, знаете, договорились до бог знает чего: от полета мухи до полета неопознанного летающего предмета!

— Да, пришелец он! Пришелец! — крикнул Колесников. — Пришелец с летающей тарелки!

— Пришелец, — передразнил Колесникова Жариков. — На днях в Америке вышла книга, автор которой совершенно математически доказал, что никаких неопознанных летающих предметов около нашей Земли

не появлялось — это раз, а два — не такой человек Юрий Иванов, чтобы его можно было увести в летающей тарелке. Если бы на Землю прилетел даже целый летающий сервиз, то и он бы не справился с Юрием Ивановым.

— Так в чем же дело? — спросила Алла Астахова. — Что будет на следующей станции?

— На следующей станции? — заговорил Жариков. — Вы, конечно, знаете, что я, ну, как это, по-старому говоря, вундеркинд, что ли. Объясню: вундеркинд — это такой молодой человек, который опережает своих сверстников в развитии умственно на три года. Так вот... Если я вундеркинд, то кто же такой Юрий Иванов, ведь он же меня в своем развитии опережает года на 33!.. Вот в чем загадка! Как ему удастся опережать нас всех на 33 года? Что это такое? Трюк? Феноменальные способности? За счет чего он опережает и где он берет время опережать всех нас? И клянусь вам, что я эту загадку разгадаю, где он берет время.

— Ладно, Жариков, — сказала Астахова, — у нас у каждого своя версия. Предлагаю каждому, кто остановился на своей версии, проверить ее, а ты, Жариков, проверь свою.

Даже представить нельзя, товарищи потомки, что могли обо мне навспоминать эти жалкие ченеземпры. Дочитайте мои мемуары, поймете. А позавчера я обнаружил в кармане курточки сложенный вчетверо листок бумаги. Когда я его развернул, то увидел, что весь листок исписан... чем бы вы думали? Тем, что я ненавижу больше всего на свете... Да-да, стихами... Сти-ха!-ха!-хами! Вот полюбуйте, что я обнаружил в своем кармане:

«Давным-давно когда-то,
Закованные в латы,
Съезжались рыцари на бой.

Но вдруг один сказал: «Постой!
Хочу смотреть в глаза людей,
В глаза избранницы моей,
Хочу в глаза смотреть судьбе,
Тебе, мой враг, в глаза тебе!»

Идешь на бой,
Лицо открой! —
Вот смелости начало,
Своей рукой
Над головой
Я подниму забрало!

Прошло веков немало
С эпохи феодалов.
Забыты латы и мечи,
Но повторяют смельчаки:
«Хочу смотреть в глаза людей,
В глаза избранницы моей,
Хочу смотреть в глаза судьбе,
Тебе, мой враг, в глаза тебе!»

Идешь на бой,
Лицо открой! —
Вот смелости начало,
Своей рукой
Над головой
Я подниму забрало!»

Прислали человеку, у которого из-за его сильной программы самообучения весь день занят и расписан до секунды, — смотрите мой бортжурнал¹ — прислали мне стихи. И главное, я их был вынужден прочитать и даже записать первый раз в жизни и первый раз в бортжурнале. «12.30—12.35 — читал стихи. 12.35—12.40 — думал о том, зачем и кто их мог мне прислать!» Нет, сти-

---

¹ Между прочим, никакого бортжурнала в портфеле, к сожалению, я не обнаружил! (Авт.).

хи — это явная провокация. Явная провокация, только зарифмованная. И она может быть истолкована вами, потомками, совершенно неправильно, как неправильно — это я потом напишу. Пока скажу так: конечно, лучше, чтобы ченеземпры меня и не вспоминали, но не вспоминать обо мне совсем нельзя. Ведь мои младенческие годы и так остались незаписанными; что я говорил в три годика, о чем думал, о чем мечтал — не помню. Ни папа, ни мама не догадывались записать хоть что-нибудь. Вот вам и результат, значит, уже какая-то часть моей жизни осталась в лапах времени. Я у кого-то читал: что записано, то вырвано из лап времени. Только, товарищи современники и потомки, не подумайте, будто я собираюсь вести какой-нибудь там дневник или что-то в этом роде, какие пишут обычно девчонки или которые обычно советуют писать безвольным людям. Я читал недавно один детский журнал, впрочем, что это я пишу какие-то глупости про себя? Читал?! Не читал я этого журнала, а так, просматривал. Так вот, в этот журнал одна девчонка письмо написала, что, мол, делать? Как избавиться от безволия? Ей в журнале отвечают так: этот вопрос, мол, серьезный, он волновал еще и Льва Толстого, который в юношеском дневнике тоже упрекал себя в слабости и искал способ укрепить волю. Ну, а дальше девчонке дали ряд советов, и среди них — вести дневник. Он, мол, поможет ей сформировать волю и характер. Дневник, мол, это в первую очередь разговор о самом себе: так ли, мол, живу, как надо?.. Ну и так далее и тому подобное. Мне, конечно, смешны презируемые мною ченеземпрские советы. Надо сказать, что я все человечество делю на две части — на ченеземпров и чедоземпров. Ну, потомки будут с моей помощью знать, что такое ченеземпры и чедоземпры, а вот современники, может, и не успеют познакомиться с объяснением этих слов, потому объяс-

няю: ченеземпр — это человек, недостойный земного притяжения, а чедоземпр — это человек, достойный земного притяжения. К ченеземпрам я отношу, ну, во-первых, всех до одной девчонок, поголовно, всех до одной без исключения. И мальчишек, не всех, конечно, а всяких там лириков, антимоников и прочих. Их я тоже отношу к ченеземпрам, а остальных, очень немногих, я называю чедоземпрами. А чтобы вы поняли и разделили мое отрицательное отношение к девчонкам, я прилагаю к своим воспоминаниям заметку о мнении Всемирного фонда охраны природы, которая появилась в Париже по поводу деятельности Кристиана Диора — этого всемирно известного законодателя мод. Вот эта заметка:

«Законодатель парижских мод Кристиан Диор был недавно публично обвинен в том, что его деятельность наносит серьезный ущерб животному миру не только Франции, но и других стран. Это обвинение содержалось в открытом письме, направленном на его имя руководством Всемирного фонда охраны природы. Появление каждый год с легкой руки Диора все новых и новых моделей всевозможных изделий из меха, шуб, а также плащей из натуральной кожи ведет к тому, что вследствие хищнического истребления на потребу моде некоторых разновидностей редких млекопитающих они могут вскоре вообще исчезнуть с лица Земли».

Представляете: могут исчезнуть с Земли!.. А может, и в скором времени исчезнут по вине девчонок, которые, я знаю, все до одной модницы... Хотя, впрочем, должен взять несколько слов обратно. Дело в том, что, пожалуй, не все до одной, например в нашем классе учится Аня Брунова. Она у нас с литературным уклоном, будущий писатель: сказки сочиняет, рассказы, один ее рассказ даже в каком-то журнале был напечатан. Но больше всего она любит сочинять сказки, она

у нас в школе на вечерах самодеятельности всегда исполняет разные небылицы собственного сочинения. Так вот, на днях с ней произошел случай, после которого я ее, хоть она и девчонка, хоть я их всех и ненавижу, хочу я того или не хочу, но должен, даже обязан зачислить в чедоземпры! А в общем, судите сами, товарищи потомки, мог ли я ее не признать чедоземпром после того, что она совершила. А история с ней произошла такая... Совершенно чедоземпрская история!

Кстати, это, может быть, именно она и напишет обо мне роман из какой-нибудь вновь открытой серии, вроде «Сверхжизнь сверхзамечательных»!.. Но не будем отвлекаться от моих воспоминаний...

ВОСПОМИНАНИЕ ТРЕТЬЕ

Что такое ПСИП-1?

Итак, я вспоминал о чем? О том, что Брунова у нас большой сочинитель и выступает на вечерах самодеятельности. Она мои воспоминания о воспоминаниях Ани Бруновой, как она в космос летала (записанные мною со слов девчонок из нашего класса), однажды прочла на вечере в школе.

Полет этот начался очень просто: Брунова сидела с девчонками на лавочке. Разговор зашел о Николаевой-Терешковой — о первой женщине, которая стала космонавтом.

— А я, между прочим,— сказала Брунова,— тоже в космос летала...

Наступила пауза. Девчонки знали, что Брунова за словом в карман не полезет, но чтоб такое сморозить...

— А почему об этом в газетах ничего не писали? — спросила ехидно одна из девочек.

Брунова хотела уже ответить, но не успела. Из-за ее спины мальчишеский голос с насмешкой произнес:

— Потому что она все врет, никуда она не летала, поэтому и в газетах ничего не писали.

— А вот и летала,— повторила упрямо Брунова.

Аня обернулась и увидела за своей спиной мальчишку, который не верил, что она летала к звездам. С ним рядом стояло еще несколько ребят. Брунова и не заметила, когда они подошли к скамейке.

— Ты это девчонкам заливай насчет полета,— повторил мальчишка, по-видимому, самый главный в компании.— Они чему хочешь поверят, а мы лучше тебя знаем, летала ты в космос или нет.

— Почему это вы лучше ее знаете? — стали заступаться за Брунову девочки.— Да наша Брунова, если хотите знать, никогда не врет.

— А вот и врет! Мы ведь — космонавты,— сказал самый Главный Мальчишка.— То есть будущие космонавты,— поправился он.— А пока на космонавтов учимся. Даже мы еще в космос не летали!

— Только еще собираемся лететь! — поддержали теперь все мальчишки своего самого Главного.

— Вы еще только собираетесь,— упрямо повторила Брунова,— а я уже летала.

— А вдруг мы возьмем и проверим, как ты летала в космос,— сказал самый Главный Мальчишка.

— А как вы проверите? — заинтересовалась Брунова.

— Очень просто,— сказал Главный Мальчишка.— Есть тут одна ракета учебная, мы тебя — в ракету, а ракету — к звездам. Так и проверим.

— Проверяйте,— согласилась Брунова.

Конечно, Брунова не врала, она хотела рассказать девочкам сказку о том, как она летала в космос. Но ведь и мальчишки, которые грозились ее проверить,

тоже выдумали что-то такое, похожее на сказку. А Брунову хлебом не корми, дай ей только поучаствовать в новой сказке. Поэтому она охотно и сразу согласилась.

Согласилась и не пожалела... Но об этом после.

Брунова, значит, согласилась, чтобы мальчишки ее проверили.

— Только мы тебя с закрытыми глазами проверять будем,— сказал Главный Мальчишка.— Не побоишься?

— Подумаешь,— сказала Брунова, хотя сама немножко, как потом призналась, и трусила. Ей ведь было неизвестно, какие испытания ждут ее впереди.

Мальчишки завязали Бруновой глаза темной повязкой и куда-то повезли вместе с подругами-девчонками.

Судя по всему, она с мальчишками сначала ехала на трамвае, потом на метро, потом на троллейбусе. Потом еще немного прошли пешком. Потом остановились.

— Хочешь увидеть ракету, на которой полетишь в космос? — услышала Брунова голос Главного Мальчишки.

— Конечно, хочу.

Нет, то, что она хотела рассказать о своем полете в космос, было сущим пустяком по сравнению с тем, что Брунова увидела, когда открыла глаза. Она увидела настоящую ракету. Ракета стояла на настоящей взлетной площадке. Вокруг ракеты суетились обыкновенные рабочие, и было видно по всему, что ракету готовят к взлету.

Не успела Брунова ахнуть от восторга, как ей снова завязали глаза. Потом куда-то повели, подняли на лифте, ввели в какую-то комнату и стали надевать на нее костюм космонавта.

Потом спустили опять на лифте, куда-то повели и опять стали поднимать на лифте.

— Это мы в кабину космонавта поднимаемся,— услышала она голос Главного Мальчишки. Лифт загудел и остановился. Дверца открылась и захлопнулась.

— Лезь за мной в люк,— услышала Брунова снова голос Главного Мальчишки. И она полезла в люк.

Затем ее усадили в кресло космонавта. Главный Мальчишка с ней попрощался и вылез из кабины. Люк захлопнулся.

И Брунова осталась в кабине космонавта одна.

Что она испытала при взлете, после рассказала девочкам:

— Ой, девочки, сначала я испытала ужасную тяжесть. Потом меня закрутило, закрутило, закрутило, как на карусели. Потом стало поднимать. А потом я поплыла, как рыба в воде. Поплыла, поплыла. Голова, конечно, кружится, в ушах звенит. Меня спрашивают: «Как самочувствие?» А я громко, на весь мир, отвечаю: «Самочувствие космонавта Бруновой отличное!» Тут и посадка уже началась. Вот когда в плотные слои атмосферы входила, тут было тяжело.

— А посадка? — спросили девочки.

— А посадка была мягкая. Как будто на пуховую подушку села...

— Слезай, приехали,— произнес голос Главного Мальчишки. Мальчишка снял с Бруновой шлем, развязал повязку. Брунова огляделась по сторонам — находилась она в какой-то большой комнате.

— Где же моя кабина? — спросила Брунова.— Где я?

Главный Мальчишка засмеялся и сказал:

— На съемочной площадке. Здесь кино снимается о полете мальчишек и девчонок в космос. Тут все, как настоящее. Мы тебя по-космонавтски проверяли.

— В космос ты, конечно, не летала, но испытание выдержала,— сказал кто-то из ребят.

— Нет, ребята,— не согласился Главный Мальчишка.— Раз она испытание выдержала, значит, она в космос к звездам летала. Она же не знала, что она не летит в космос. А ты молодец, как тебя... Брунова, что ли?.. Молодец, что согласилась. Ты, наверно, и в самом деле полетишь в космос... по-настоящему...

Ну и как вы считаете: после всего этого Анна Брунова из нашего класса человек, достойный земного притяжения? Хотя мне и неприятно произносить это, но я первый сказал громко про себя: «Да! Достойна!»

А насчет земного притяжения вообще тут объяснять нечего. Ведь земного притяжения достойны немногие люди, но больше всех земного притяжения достойны мы, псипы, первым и пока единственным представителем которых являюсь я — Юрий Иванов. Теперь я должен объяснить вам, что же это такое — псип. Такого человека пока нет, но будет. Будет человек. Он, как птица, без всяких самолетов, просто, взмахнув руками, будет взмывать в небеса, с неба будет нырять в море и плыть под водой, как дельфин, со скоростью семидесяти километров в час, затем выпрыгнет на берег, как летающая рыба, и помчится по земле со скоростью гепарда. Гепарда... Одним словом, у природы должен перенять все самое ценное: даже под землей обязан проползать, как проползают кроты.

«Внимание! Внимание!

Слушайте, народы!

Человек — природы Властелин.

Он — Полное Собрание

Изобретений Природы,

Или, сокращенно, ПСИП-1.

Если можешь, как птица, взлететь

И летать над землей своей,—

Ты должен локаторы иметь,

Как у летучих мышей.

Внимание! Внимание!
Слушайте, народы!
Человек — природы Властелин.
Он — Полное Собрание
Изобретений Природы,
Или, сокращенно, ПСИП-1♦.

Теперь о том, почему я зашифровал мои воспоминания. Ну, во-первых, скромность, она, как говорится, тоже украшает человека; во-вторых, писать воспоминания — самое, может, и время, а читать их, может, еще и рано; и третье — из соображения секретности. Сами понимаете, каждой стране хотелось бы иметь такого человека. Цитирую сам себя: «Всегда, во все времена будет существовать человек, которому первому будет поручено самое трудное задание!!!»

Так что из соображений секретности, я бы подчеркнул — совершенной секретности, можно даже считать, из соображений военной тайны, я решил закодировать мои воспоминания. Как сказал я однажды самому себе: «Есть, товарищ Иванов, летчики-испытатели, которые испытывают самолеты, вы же, товарищ Иванов, испытываете себя, как самолет. А это не одно и то же».

Теперь о том, как я решил проблему сохранить мои воспоминания для потомков. Решил так: воспоминания зашифровываю под копирку, ведь если писать воспоминания в одном экземпляре, то они могут потеряться, сгореть во время пожара, да мало ли что может случиться с ними?! Я долго думал, кому доверить второй экземпляр моих воспоминаний, и решил отдать их нашей школьной уборщице, Степаниде Васильевне. Ей и передаю мои зашифрованные воспоминания по частям.

Теперь самое главное: как я готовлюсь стать психом. И где я храню материалы по психипизации. Сами понимаете, что я их не мог доверить не только Степаниде Васильевне, но и никому на свете, поэтому я их...

В этом месте в тетрадке было вырвано пять страниц, так что какие тренировки проводил Юрий Иванов по программе «Чедоземпр-пси-п-сверкс», в чем они заключались и где Юрий хранил их описания — все это так и осталось в тайне.

ВОСПОМИНАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

На стыке наук

«...Какая-нибудь чувствительная личность могла сказать, что это был несчастливый день. Но у нас, чедоземпров, не принято считать дни счастливыми и несчастливыми. Просто пришлось больше попотеть, и все. Истратить больше калорий...». Вот о чем думал Юрий Иванов, то есть я, сидя в пустом классе, уставившись в страницу с подсунутыми мне кем-то стихами. Я старался расшифровать значение присланных мне стихов. Ну и жизнь! — вздохнул я. Мало, что мне приходится ежесекундно зашифровывать мою жизнь, мысли и поступки, так тут я должен еще расшифровывать какие-то зарифмованные строчки. Вообще-то, я ни за что в жизни не стал бы ломать голову над стихами, но в тех, что лежали передо мной, был какой-то намек, словно человек, писавший эти стихи, знает тайное про меня... «Давным-давно, когда-то...» — в этой строчке нет ничего особенного, но вот в словах «закованные в латы, съезжались рыцари на бой...» был явный намек на меня... Съезжались рыцари на бой, закованные в латы... Я ведь действительно как бы закован в латы. И дальше тоже про меня: «Но вдруг один сказал: «Постой!...» Ну, про избранницу — это можно пропустить, это, конечно, не про меня, а вот: «Хочу в глаза смотреть судьбе, тебе мой враг, в глаза тебе! Идешь на бой, лицо открой! —

Вот смелости начало!..» Смелости начало!.. Я что, значит, трус?.. Может, по почерку удастся разгадать, кто сочинил эти стихи? Я в который раз всматривался в листок бумаги, но почему-то он мне ничего не говорил. В нашем классе, пожалуй, ни у кого нет такого почерка. Ну, узнаю, кто осмелился подсунуть мне эту стихотворную провокацию, я не знаю, что сделаю с этим человеком!.. Впрочем, знаю, что сделаю: не возьму с собой на выполнение самого сверхтрудного задания на Земле.

Так я сидел в пустом классе и ломал голову над стихотворной загадкой. Это вообще, а, в частности, кроме расшифровки стихотворения я еще думаю над тем, как разрешить мои денежные затруднения. Старушка, которой я помогал торговать цветами, вот уже целую неделю не появлялась на Центральном рынке. Навестить ее под Москвой, где она жила по Рязанскому шоссе, у меня не было времени. Что же делать? Это во-вторых «что же делать?» А в-третьих, я тренировал кисть левой руки, сжимая в ней теннисный мяч. В-четвертых, я тренировал стопу правой ноги, наступая носком на второй теннисный мяч, как на педаль.

Где-то выше этажом, наверное в актовом зале, раздавались звуки ненавистной мне музыки. «Всё отвлекает и все отвлекают от основной цели и идеи», — думал я.

Под девизом: «Все физики — все лирики!» — вся школа готовилась к какому-то сверхвечеру самодеятельности. Тут человек готовится к Самой Деятельности, да еще соревнуется в этом виде деятельности с соседней школой. Лучше бы каждый подумал о том, что будет делать каждый из них вокруг меня, когда я буду по моей сверхпрограмме «Чедоземпр-пси-сверкс» выполнять самое трудное задание на земном шаре... «Что они все будут делать?» — подумал я.

В это время в коридоре за дверью раздались гром-

кий топот, голоса и звук гитары. Дверь дернулась и открылась. В освещенном параллелепипеде дверей показались фигуры мальчишек и девчонок.

— Никого! Вот здесь и порепетируем! — пропел под гитару знакомый девчачий голос.

Щелкнул выключатель. Стало светло.

— Ребята! Да здесь Угрюм-башка сидит! — раздался за моей спиной голос Кашина. — «Печальный демон! Дух изгнанья!»

Но я на его голос даже не повернул головы. Я только подумал про себя: «Приперлись!.. Тоже мне лирики!..»

— Как — никого? Иванов здесь, — сказал Борис Кутырев.

— Иванов — это все равно что никого, — сказала Данилова Вера.

На такой выпад я, конечно, не мог промолчать.

— Всякие там лирики утверждают, что себя нужно непременно посвящать литературе, поэзии или искусству, ибо только они могут сделать жизнь человека поистине содержательной, интересной, — сказал я, иронически улыбаясь.

— А всякие там физики убеждены, что нет большей силы на свете, чем точные науки, на которых, как они уверяют, держится мир, — отпарировал Лев Киркинский.

— И никто не знает, как долго длится этот спор. И никто не знает, сколько он будет длиться еще, — сказала Вера Гранина.

— Но есть на свете наука, приверженцы которой могут сказать: «Спорьте не спорьте, а истина, как всегда, лежит посередине». А поскольку на стыке всех дисциплин находится лишь одна наука, то, значит, она и есть самая прекрасная. Имя ее — ЭКОНОМИКА, — сказала Нина Кисина (я все никак не мог до этого разобраться, с каким она уклоном, но если она серьезно верит в те

слова, которые она произнесла с умным видом, то у нее был явно экономический уклон).

И тут мне, конечно, нужно было сделать такое заявление, на которое никто бы не смог ответить, поэтому я заявил следующее:

— Знаете, есть такие рыбки — пираньи? — спросил я всех сразу. — Так вот, эта маленькая рыбешка — гроза тропических рек Южной Америки. Пасть этой хищницы полна острейших зубов. На животное, пытающееся переплыть реку, мигом обрушивается стая свирепых пиратов, и спустя несколько минут от него остается обглоданный скелет. Эти маленькие рыбки более кровожадны, чем акулы и крокодилы. И не случайно индейцы присвоили одной из рек, в которой они водятся, имя СМЕРТЬ! Так вот, бросил бы я вас к ним... во время отлива!..

Все замолчали, и никто не попытался даже ответить мне на мое заявление, одна Кисина только пискнула:

— Ну, знаешь, чем это пахнет, Иванов?! Это уже пахнет не злостью, а какой-то просто ненавистью...

После слов Кисиной я с еще большей яростью молча стал сжимать рукой теннисный мяч, а ногой чуть не вдавил другой мяч в пол.

Хотя Вера Данилова (между прочим, она с артистическим уклоном, мечтает стать киноактрисой) сказала, что я — это, в общем-то, какая-то пустота, но все не сводили с меня глаз, особенно после моего заявления о том, что бы я сделал со всеми. Но смотрели на меня все по-разному. Одни смотрели на меня как на человека, попавшего в дурную компанию, другие — как будто я влюбился, третьи — словно меня и вправду какая-то муха укусила. И лишь только тихая и болезненная Лена Марченко, с педагогическим уклоном — между прочим, я ее не люблю больше всех девчонок в классе, потому что она красивая: вырастет, наверняка будет ист-

реблять животный мир на модные шубки, — так вот, она одна на меня даже не взглянула. «А напрасно! — подумал я про себя. — Надо на меня смотреть, смотреть и запоминать. Да-да, запоминать».

Мои мысли оборвал голос Кашина:

— «И не повернув головы кочан!.. И чуйств никаких не изведав!..» — продекламировал он. — Слуша-а-а-ай, Иванов! — пропел на какой-то дурацкий мотив Кашин под гитару. — То-о-о-пал бы ты отсю-у-у-да!.. У нас здесь бу-у-у-дет репетиция.

— Ученые Сибири, — сказал я, — открыли, что во время опытов живые клетки общались друг с другом с помощью электромагнитных сигналов на загадочном языке...

Я люблю вот так неожиданно взять и ошеломить своих современников какой-нибудь новостью.

Как всегда в таких случаях, наступила пауза. Все переглянулись, а Вера Данилова сказала:

— «И звезда с звездой говорит...» Это еще когда поэт заметил... И тоже на неизвестном языке.

— Хорошо, что эти клетки хоть неслышно болтают между собой, — добавил Кашин. — Представляете, если бы все наши клетки вслух стали разговаривать, вот бы поднялся шум.

— Чем мне нравится этот Иванов, — сказал Виктор Маслов, — от него всегда можно почерпнуть какое-нибудь неожиданное сведение.

— Слушай, Кроссворд! — сказала Нина Кисина. — Действительно, шел бы ты отсюда, у нас будет сейчас репетиция. По некоторым причинам я бы тебе не советовала оставаться.

Вы не замечали в зоопарке, как тигр смотрит на людей? А я заметил. Тигр смотрит на человека сквозь, как будто человек прозрачный, словно стекло. Вот так я посмотрел на Данилову, на Кисину и, ко-

нечно, на Марченко. Я так вообще на всех девчонок смотрю. Как тигр.

Тут будущий артист Кашин подросел Кисиной на мощь снова.

— Слуша-а-а-ай, Иванов! — опять запел он на дурацкий мотив под гитару. — То-о-о-опал бы ты отсю-у-уда! Тут сейчас люди будут занима-а-а-аться де-е-е-елом!

И Кашин стал ждать, когда я соизволю подняться и уйти из класса. Все ждали. Весь драмкружок. Во главе с сатириком Кутыревым стояли и ждали. А я тоже ждал, когда они уйдут. Сидел и ждал. Сидя даже удобней ждать. Пусть стоят, раз пошли на характер. Они пошли на характер, и я пошел на характер. А характера у меня, может, больше, чем у всех, вместе взятых, людей на всем земном шаре, поэтому мне придется уточнить, что такое характер (признак, особенность). Характер — это совокупность основных наиболее устойчивых психических свойств человека, которые проявляются в его действиях и поступках.

Так вот я потому и пошел на наибольшую устойчивость и на совокупность моих психических свойств, потому что они у меня самые совокупные и устойчивые в мире.

Первым сдался Маслов, который у нас с космическим уклоном, поэтому у него соображение сработало лучше, чем у других.

— Да ладно, — сказал Маслов, — с ним не договоришься. Пусть сидит... Может, он захочет принять участие в вечере.

«Ну, распустились мои современники, — подумал я про себя, — ну распустились, развинтились. Кажется, пора мне начать завинчивать гайки». А вслух я произнес вот что:

— Ну, с вами, товарищи, — сказал я, обращаясь как бы к никому и ко всем сразу, — с вами определенные

круги никогда не связывали никакой надежды. Но вот на товарища Маслова, понимаете, определенные круги имели, да и пока еще имеют определенные виды. Так сказать, героическая массовка, отдельные поручения... и так далее и тому подобное,— загадочно намекнул я, укоризненно качая головой.— Нехорошо, Маслов, нехорошо! Кажется, зря определенные круги на товарища Маслова рассчитывают, зря, понимаете ли...

Все опять переглянулись между собой в смысле: «Влюбился! Попал в дурную компанию. Интересно, какая все-таки муха укусила этого Иванова! Может, это действительно не земной Иванов, а инопланетный?!»

В это время я все еще продолжал читать нотацию Маслову, но меня уже не слушал не только Маслов, меня уже вообще никто не слушал.

— А как же мы про него будем репетировать... при нем? — спросила Акимова.— У нас же сатира на Иванова?

— Ну и что,— сказал Кутырев,— пусть сидит и смотрит. Может, что-нибудь подбросит. Он же себя лучше знает, чем мы. Впрочем, может, действительно лучше с ним посоветоваться?

Я при этом разговоре, конечно, и бровью не повел, я просто замолчал, но в голове у меня так и запрыгали целые фразы: «Что? Что? Что? Сатира на меня, на Иванова? Раньше драмкружок себе этого не позволял. Видно, я где-то отпустил гайки». Хорошо, что я пошел на характер и ни за что не ушел из класса. Ничего, сейчас они увидят, разрешу ли я к исполнению эту сатиру.

Пока я принимал решение не... не делать на меня никаких пасквилей-масквилей, ко мне подошел Кутырев и сказал:

— Слушай, Иванов, мы тут хотим тебя в одной сценке... Ну, у нас в представлении есть такой раздел «Кому

что снится?». Так вот. Мы хотим тебя в одной из сценок... ну, что ли, симитировать, что ли, спародировать, что ли. Ты, наверное, знаешь, что имитатор схватывает не только внешние черты образа, он проникает в характер, в самую душу изображаемого лица. Так вот, мы хотели бы с тобой посоветоваться, что ли...

— Видишь ли, Кутырев,— сказал я неторопливо,— это, конечно, правильно, что вы решили со мной посоветоваться. Это даже как-то мудро, что ли, с вашей стороны. Но, прежде чем со мной посоветоваться, я должен знать, что же вы хотите на меня сделать, имитацию или пародию? Конкретнее: вы меня хотите симитировать или спародировать?

— Видишь ли, Иванов,— сказал Кутырев как-то смущенно,— я думаю, что для тебя не будет большой разницы, что мы будем делать — имитировать тебя или пародировать.

— Вот, вот, Кутырев, вот в этом ты и ошибаешься. Для меня очень даже большая разница, что вы будете делать — имитировать или пародировать меня. Потому что, раз ты смешиваешь в одну кучу понятия «симитировать» и «спародировать», то я тебе должен объяснить, растолковать, что имитация... Ты правильно говоришь: имитатор схватывает не только внешние черты образа, он проникает в самый характер, в самую душу образа иного лица. А пародирование — это утрированное изображение чего-то, злое или добродушное передразнивание. Ты, Кутырев, учиываешь разницу или нет?

— Учиываешь...

— Очень хорошо... Уж если ты в пародировании не разбираешься, но учиываешь, и то хорошо. Имитацию я еще вам позволю, а никакого пародирования я вам позволить не могу, тем более всякого там передразнивания. Дилетанты, ни в чем не разбираются,— сказал я в сторону.

— Видишь ли, Иванов,— замялся Кутырев,— ты же знаешь, что в науке, как известно, открытия все чаще делаются на стыке — на стыке математики и физики, химии и биологии... Так что, может, и у нас что-нибудь произойдет... на этом... — Кутырев на этих словах замолчал.

— На чем на этом? — переспросил я.

— Ну, на стыке,— пояснил Кутырев.

— Чего «на стыке»? — переспросил я.

— Ну... имитации и пародии...

— Ну, ну... — сказал я,— давайте попробуйте... на стыке... Только имейте в виду, что бывает такой стык, за который можно получить и втык!..

— Ты, Иванов,— сказал Кутырев, потирая задумчиво макушку,— ты такой человек, что от тебя можно получить втык и без всякого стыка.

— Ну, это ты уж зря,— сказал я,— потому что человек, которому будет когда-то... — сказал я многозначительно,— имеет право на то, чтоб сейчас ему было... — я многозначительно замолчал.

Кутырев переглянулся с ребятами, словно стараясь понять, что может означать фраза «что человек, которому будет когда-то, имеет право на то, чтоб сейчас ему было...». Хотя недоговоренная мной фраза была очень простой по смыслу, она означала: что человек, которому будет когда-то труднее всех, имеет право на то, что бы ему сейчас было не так уж трудно.

Отойдя от меня на некоторое расстояние, Кутырев стал о чем-то тихо совещаться с ребятами, а я...

А я уселся на стуле удобнее и стал, как всегда, делать сразу пять дел: 1) терпеливо сидел и ждал на себя сатиры; 2) правой рукой сжимал в кармане теннисный мяч для укрепления ладонной мышцы; 3) обдумывал свои денежные затруднения; 4) вдавливал левой ногой теннисный мяч в пол; 5) выяснял мысленно, кто же

все-таки подsunул мне это проклятое стихотворение?

Из всех этих пяти занятий денежная проблема мучила меня больше других. Вообще-то все несекретные расходы, расходы по моим подготовкам к выполнению сверхтрудного сверхзадания, моя мама, сама того не зная, взяла на себя. Ну, во-первых, ЧЕПС (ЧЕПС — это сокращенно от Чедоземпр-псип-сверкс!) должен знать карту звездного неба, как свои пять пальцев. (Моя мама покупала мне билеты на все лекции в планетарий.) ЧЕПС должен быть по профессии физиком и геодезистом. (Моя мама накупила мне целую полку книг по физике и геодезии.) ЧЕПС должен уметь обращаться с кинокамерой. (Моя мама купила мне киноаппарат «Ладога».)

Но ведь были еще расходы и секретные. И какие расходы! Сандуновская термокамера в бане стоила мне каждый раз 30 копеек, измайловская центрифуга на аттракционах — один заезд 30 копеек, в Центральном парке «Мертвая петля» на самолете — 30 копеек. И так каждый день. То одно, то другое, то третье! А в воскресенье — и одно, и другое, и третье — все сразу! И по нескольку раз. Хорошо, что я два года тому назад организовал ФЧН (Фонд ЧЕПС Накоплений!), сэкономив на завтраках, билетах в кино, на мороженом и так далее. Этих накоплений мне еще месяца на два хватит. А дальше что? Может, поступить куда-нибудь на работу? Между прочим, между пятью делами, которыми я занимался, сидя на стуле, было еще и шестое: я, правда, не очень внимательно, но прислушивался к разговорам моих одноклассников, — они уже начали репетировать. К доске вышла та самая Анна Брунова, которую я причислил к чедоземпрам, и такая стала рассказывать про меня, что я вынужден к воспоминаниям о себе приложить этот пасквиль, написанный самым что ни на есть эзоповским языком...

ВОСПОМИНАНИЕ ПЯТОЕ

Воспоминания о пасквиле Анны Бруновой, записанные мной самим с ее слов

Еще ранней-ранней весной я заприметила во дворе одного мальчишку.

Сами понимаете — ранняя весна: вроде и жарко и в то же время очень холодно. Кто одет еще по-зимнему, кто по-весеннему, а мальчишка в джинсах, в майке и кедах — совсем по-летнему.

И когда его ни увидишь — он все бегом и бегом. В школу бегом, в магазин бегом, из школы бегом, из магазина бегом. И неизвестно куда — все равно бегом.

Не вытерпела я, остановила его однажды и сказала: — Ты что же, еще холодно, а ты вон как одет. Простудишься. Здоровье беречь надо.

— А чего его беречь? — сказал мальчишка. — Зачем его беречь?

— Ты что, физкультурник? — спросила я у мальчишки.

— Вот еще! — ответил мальчишка.

— Я бы на твоём месте прямо сейчас спортом занялась. Ты уже закаленный — и холода не боишься, и бегаешь... пожалуй, быстрее всех.

И, знаете, то ли мои слова на мальчишку так подействовали, то ли он сам решил, но в самом деле спортом занялся. По-настоящему. Так, что его и во дворе больше нельзя было увидеть. Промелькнет, как метеор, и даже толком не разглядишь — он или не он.

А потом весна промчалась, и лето — ну вот как этот мальчишка.

И я куда-то уходила, приходила, уезжала, приезжала, прилетала...

И только осенью уж, перед самым началом школь-

ных занятий, я увидела такую картину. В солнечный, жаркий августовский день с улицы во двор вошел кто-то в теплом свитере, в клетчатом костюме, в полуботинках и вдобавок шея шарфом замотана. Как же удивилась я, когда узнала в незнакомце того мальчишку, который, помните, еще холодной весной бегал по двору в майке, в джинсах и кедах.

Я так удивилась, что даже выпрыгнула из окна и побежала к Боре. Я забыла вам сказать, что мальчишку звали Борей.

— Боря, это ты? — спросила я.

— А кто же еще? — неприветливо ответил Боря.

— Боря! — еще больше удивилась я. — Ты что же это: такая жара, а ты вон как вырядился. Ты зачем так?

— Темнота, — сказал Боря. — Я по твоему совету спортсменом стал.

— Знаю, слышала, — сказала я. — А почему же ты так тепло одет?

— Не почему, а для чего. Я не простой спортсмен, я чемпион, — пояснил Боря. — Мне рекорды ставить надо.

— Ах, чемпион? — сказала я. — А ведь когда-то весной...

— Ну так тогда мне не надо было беречь здоровье. Боре Самойлову не с кем было здесь соревноваться. Меня знаешь, как ребята зовут? Многоборя.

— За что ж они тебя так?

— А за то, что я в каждом виде спорта — первый. Многоборец я. И мне тут соревноваться совершенно не с кем. Всех победил. Мне только с самим собой можно соревноваться. Ну, а как с самим собой посоревноваться?

— Ах, с самим собой, значит? Это, конечно, трудно. Но, пожалуй, возможно, — сказала я. — Устрою я тебе соревнование с самим собой.

— Как устроишь? Когда? — удивился Боря.

— Да хоть сейчас! — сказала я. — Идем.

И я направилась в свою квартиру. Боря, ничего не понимая, пошел за мной.

Удивительная это была комната! Боря первый раз видел такую. Комната была оклеена не обоями, а рисунками обложек книг. Просто глаза разбегались.

Боря стал разглядывать обложки книг.

— Ну вот, — сказала ему я. — Сейчас.

— Что — сейчас?

— Сейчас полетим.

— Куда это мы полетим? — удивился Боря.

— На физкультурную планету. Там ты сможешь соревноваться с самим собой, раз тебе здесь соперников нет.

— А как мы полетим? На чем?

— На звездолете воображения, со скоростью сказочной мысли, — сказала я Борису.

— Звездолет воображения? Какой же это звездолет?

Боря не успел оглянуться, как очутился в звездолете вместе со мной с помощью моего и своего воображения. И звездолет этот уже летел с какой-то самой невероятной скоростью. Не успел Боря понять, что он летит, как звездолет уже прилетел.

— Слезай, — сказала я Борису. — Приехали.

— Как приехали? Куда приехали?

— Прилетели со скоростью мысли на другую планету.

— А разве такая скорость бывает?

— Все мысли могут перенести тебя в любое место со скоростью мысли, — сказала я. — Мы с тобой летели со скоростью сказочной мысли.

Мы с Борей вышли из звездолета и очутились на стадионе физкультурной планеты.

Стадион был пуст. Боря огляделся и сказал:

— Так мне и здесь не с кем соревноваться.

— С чего хочешь начать?

— С бега на сто метров.

— Пожалуйста,— сказала я.

И сразу же на дорожке стадиона появились судья со стартовым пистолетом и еще пятеро участников забега. Боря посмотрел на участников и чуть не ахнул. На дорожке стояли пять его двойников, пять Борисов, пять Самойловых.

— Это что же получается? — тихо спросил Боря у меня.— Это, выходит, я должен сам себя обгонять. Я так не согласен.

— Не согласен? — переспросила я.— Тогда... Давай в футбол!..

И Боря оказался на футбольном поле, в центре нападения, в майке с номером девять на спине. Боря огляделся и увидел с ужасом, что за ним стоят десять игроков и все они — Бори Самойловы. Но самое главное — и у противника на другой половине поля, и в чужих воротах стояли Бори Самойловы.

— Это что же,— сказал Боря,— я сам себя обводить буду? Сам себе голы забивать? Сам себе подножки ставить? Подкаты делать? Я не согласен!

— Ну, тогда...

И Боря очутился на боксерском ринге в красном углу, а в синем углу стоял такой же Боря, такой же Самойлов и тоже в боксерских перчатках.

— Ну, начинай,— сказала я Борису.

— Чего «начинай»?

— Чтoб на первой секунде — нокаут.

— Как нокаут? Самому себе нокаут? — струсил Боря.

— Как получится: или сам себе или себе сам.

— А мне жалко себя бить. И вообще, я пошутил, мне и дома есть с кем соревноваться. Зачем мы сюда прилетели? — захныкал Боря. — Я хочу домой!

— Ах, домой! Пожалуйста! — сказала я.

И вот уже я и Боря стояли снова у своего дома, во дворе, прямо под окнами моей квартиры.

Боря посмотрел на солнце, размотал шарф, снял клетчатый пиджак.

— Что-то жарко, — сказал он мне. — Пойти переодеться, что ли?

И Боря зашагал к своему подъезду.

И минут через пятнадцать грянул какой-то фантастический, сказочный дождь, и я увидела, как гигантскими шагами мимо моих окон пробежал Боря в джинсах, кедах и майке.

— С ума сошел, дождь такой холодный! Здоровье надо беречь, — крикнула я вслед Борису. — Ты же чемпион!

— А зачем его беречь? — отозвался Боря. Он еще что-то кричал на бегу, но я не расслышала...

ВОСПОМИНАНИЕ ШЕСТОЕ

Действие равно противодействию

«Так, так, так, — подумал я про себя. — Интересно, что же будет дальше?...» Интересно! Интересно?! А дальше было вот что:

— Дорогие ребята! У нас в классе, — донеслось до меня, — учится загадочный ученик Юрий Иванов, он у нас загадочен тем, что учится все лучше и лучше. У нас, вернее, у наших учителей уже отметок не хватает. Один учитель ему уже ставит не только пятерки, но и шестерки, и семерки, и восьмерки, и даже один раз

поставил ему десятку. Это, конечно, удивительно! Но еще удивительнее: чем лучше Юрий Иванов учится, чем больше он знает, тем хуже себя он ведет. И становится агрессивнее и агрессивнее! А если его еще вдобавок шлепнуть, то что из этого получится, просто представить страшно. Но мы этого представлять не будем, так как в последнее время Юрий Иванов не только учится сам, но и стал учить учителей. Мы предлагаем вам посмотреть сценку под названием «Что снится Юрию Иванову, а может, и не снится».

Между прочим, все это сказал Виктор Сметанин, он у нас с физкультурным уклоном, поэтому ему, вероятно, и доверили сказать так обо мне. Он самый сильный у нас в классе, ну, не считая меня, конечно.

— Роли исполняют, — сказал Сметанин, — Юрия Иванова будет имитировать Маслов, а учителей — ученики нашего класса. Кто из них кто — у каждого написано на транспаранте.

Что произошло дальше, дорогие товарищи потомки, мне, собственно говоря, и рассказывать-то особенно не хочется. Не очень интересно произошло все это, по моему.

Драмкружок во главе с Масловым дальше показывал, как будто я экзаменовал учителей и задавал им вопросы. Причем, перед тем как я начал задавать вопросы, якобы сказал, что при ответах учителям можно пользоваться шпаргалками, учебниками, журналами, можно звонить по телефону знакомым профессорам, можно звонить в Академию наук, в любую академию на земном шаре. А вопросы, которые задавал я, были, по моему, не очень-то умные и тем более не очень-то остроумные. Ну, во-первых, я будто бы спросил учителей, как спят рыбы — с открытыми глазами или с закрытыми?.. Затем я будто бы спросил учителей, как они считают, молекула воды сухая или мокрая?.. И третий, самый

главный вопрос, который я задал учителям, был такой: почему в малахите мало хита?..

При этом Маслов, который играл меня, задал этот вопрос голосом, настолько похожим на мой, что все стоящие и все сидящие за партами, расхохотались и не только расхохотались, но даже зашлись от смеха. Хотя каждый по своей роли, вероятно, должен был делать что-то другое. Пока они хохотали, Маслов-Иванов сделал шаг в сторону и молчал с самым страшным выражением лица, как, бывало, делал и я. После «моего» вопроса, почему в малахите мало хита, все учителя устроили мне какую-то немую сцену. Мне учителя часто устраивают какие-то немые сцены, как в спектакле «Ревизор». Маслов от моего имени тоже закатил учителям такую же немую сцену. И так похоже на меня, что все ребята и девчонки вскочили и стали этого Маслова-Иванова чуть ли не качать.

— А сейчас вашему вниманию предлагаю посмотреть сатирическую сцену, написанную Борисом Кутыревым, под названием «Симпозиум Юрия Иваслова», — сказал Виктор Сметанин.

Послышался смех. «Значит, то был пасквиль, а теперь... Не иначе, как сатира на меня начинается», — спокойно подумал я.

— Роли исполняют, — повторил Сметанин, — Маслов играет Иваслова, учительницу истории — Глебова. Все остальные играют самих себя... Итак, представьте себе, что вы находитесь в классе на уроке истории...

Сметанин еще раз почему-то фыркнул и отошел в сторону. Я насторожился. Мне сразу не понравилось, что действие происходит как бы во сне и что Маслов играет какого-то Иваслова. Уж не из этой ли интермедии стихи... Началась репетиция.

Я отыскал глазами Маслова, который должен был играть Иваслова, но, к своему удивлению, вместо Мас-

лова-Иваслова я увидел у классной доски самого себя... Как будто я фантастически раздвоился и одновременно находился и у доски, и сидел за партой.

В жизни между мною и Масловым не было ничего общего. Я хочу сказать, что мы с ним совсем не походили друг на друга. Я в жизни черный-пречерный брюнет, а Маслов — блондин. Все равно как мой негатив. В общем, мы с ним совсем не похожи друг на друга. А здесь я смотрел на Маслова, будто на свое отражение в зеркале. Сначала я даже не сообразил, что произошло. Потом догадался. Я понял, что это меня Маслов копирует. Он у нас в классе вообще всех копировал. Всех, кроме меня, конечно. Потому что со мной шутки плохи. Я ему не Шадрин! И не Василянский! И не Орлов! И не Брендер! Может, он за глаза меня и копировал. А на глазах боялся. Попробовал бы не побояться! Хотя чего же «попробовал бы», когда он уже без всякого «бы» попробовал. Вон он сидит за столом с моим выражением лица. Сидит в моей позе. Даже делает сразу, как и я, три дела... Конечно, три. Читает — раз!левой рукой жмет теннисный мяч. А правой записывает что-то в тетрадь.

«Ну, Иванов,— налетел я сам на себя,— ну и распустил ты этих лириков. Тебя, по словам Кутырева, имитируют, а ты сидишь и спокойно смотришь!»

Первый раз в жизни я увидел со стороны, глядя на Маслова-Иваслова, как я стою у доски. И как я при этом смотрю на учителей. Кто-то из них на педсовете сказал, что каждый раз, когда я вылезаю из-за парты, ей или ему становится просто страшно. Теперь я понимаю, почему они боятся часто вызывать меня к доске. А я не могу на них иначе смотреть. И пусть хоть совсем не вызывают. И пусть не отнимают у меня время.

— Ну-с, голубчики,— сказал я, то есть не я, а Мас-

лов от моего имени, молча бросил на учителей такой взгляд, что у них затряслись поджилки.

Маслов-Иваслов молча и в моей манере так среагировал на второй вопрос, что Глебова и все остальные, кто находился вместе со мной в классе, стали опять смеяться. Хотя по своим ролям они должны были делать что-то другое. В это время я положил правую руку на пульс левой и стал считать... Пульс у меня был самый что ни на есть сверхчеловеческий и сверхкосмонавтский. Глубокого наполнения. Ритмичный, как сигналы точного времени из обсерватории имени Штернберга. Пятьдесят два удара в минуту. В это же время мой мозг четко анализировал все, что увидели мои глаза, и все, что слышали мои уши.

«Ну, во-первых, это не имитация, как тебе обещали,— говорил мне мой мозг,— а пародия, и довольно злая, и, во-вторых, какую это задачу мы с тобой задали учителям?.. Мы, конечно, можем задать такой вопрос, ответ на который знаем только я, да ты, да мы с тобой. Но не такой же глупый вопрос мы бы задали учителям... И это у них называется стык?.. За такой стык,— поддерживали мой сверхинформационный мозг мои крепкие и сильные руки,— можно сделать и втык!»

Тем временем Маслов сказал:

— Подождите, ребята, я хочу повторить финал сцены, что-то у меня в конце не получается, что-то я себя не совсем хорошо чувствую...

«Сейчас, Маслов, ты себя совсем нехорошо будешь чувствовать!» — подумал я.

Потом я сжал кулаки, сказал про себя: «Действие равно противодействию» — и, преобразив умственную энергию в механическую, зашагал к Маслову. К этому презренному скомороху. К этому самому жалкому ченеземпру из ченеземпров... А еще в кружке юных космонавтов тренируется...

ВОСПОМИНАНИЕ СЕДЬМОЕ

Пульс глубокого наполнения

Люди обычно судят друг о друге по поступкам, а не по мотивам этих поступков, и это очень плохо. И очень неправильно. Сами посудите: примерно через полминуты я подойду к Маслову и задам ему трепку. Если рассудить этот поступок, не вникая в его мотивы, то это неправильный поступок. Просто какая-то хулиганская выходка. А раз выходка хулиганская, и если судить обо мне по этому поступку, я, значит, сами понимаете кто. Это, если обо мне судить по поступку. Если же начать разбираться не в поступке, а в его мотивах, то получается совсем другая картина. В классе сидит человек, первый на Земле псип, свёркс и чедоземпр. Он весь день тренировался на центрифуге и в термокамере, а вечером еще занимался в школе. У человека ноют все мышцы, а от занятий болит голова. Вместо того чтобы отдыхать, он и сейчас продолжает трудиться: он решает сразу несколько очень серьезных задач — как же ему все-таки быть с денежными затруднениями и так далее и тому подобное. Да еще накачивает мышцу левой руки и правой ноги. Да еще решает космический кроссворд.

В это время в класс врываются во главе с Масловым презренные лирики и начинают над ним строить всякие шаржики-маржики. Да еще дают всякие прозвища. Справедливо это? Несправедливо! А если это несправедливо, то дать за это по первое число! Справедливо? Справедливо! Я стал грозно и неторопливо приближаться к драмкружковцам со словами:

— Удар, его воздействие на тела изучал еще Леонардо да Винчи, но он, понятно, не располагал техникой наблюдения быстро протекающих процессов, и он, и Исаак Ньютон, живший на два столетия позднее,

исследовали движение, предшествующее удару, и его результат: деформацию, изменение структуры тела,— продолжал я сыпать скороговоркой,— но постичь процесс распространения ударной волны в теле, а тем более измерить его они, конечно, были не в состоянии.

Как раз на этой мысли я успел подойти к Маслову и со словами: «И знание! И сила!» — стукнул его как следует, чтобы он в следующий раз знал, как меня передразнивать. Я в то же время громко развивал идею удара:

— Со временем необходимость измерений этого процесса становилась все более настоятельной, вырастала в проблему: ведь удар — одновременно созидаящая и разрушающая сила, и его способность разрушения нужно контролировать.

Думаю, что больше от разрушительной силы моих ударов, чем от созидательной, все девчонки сразу с визгом разбежались, конечно, в разные стороны. Только одна Т. Т. почему-то осталась бесстрашно стоять на месте. Я думал, что весь драмкружок распадется после первого же распространения моей ударной волны в их телах, но Бегунов, Ломакин, Кашин и Дудасов сплотились, словно хоккейная команда. И бросились, как один, на выручку Маслову, издавая жалкие выкрики:

— Ах ты, Угрюм-башка!

— Кроссворд!

— Дух изгнания!

На что я им ответил:

— Ударные волны распространяются в твердом теле примерно так же, как звуковые в закрытой комнате — отражаясь, интерферируя (то есть накладываясь), усиливая или ослабляя друг друга. Ударное ускорение в разных точках тела различно, его далеко не всегда можно предвидеть, рассчитать. Вот почему важно уметь его измерить. Этим и занимаются ученые лаборатории из-

мерений параметров удара Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии имени Д. И. Менделеева в Ленинграде.

Конечно, делать сразу четыре дела лучше в спокойной обстановке, чем во время потасовки. Но я и здесь не терял даром времени: сыпал удары направо и налево (нырок! уклон! обманное движение! удар!), читал лекцию «Как измерить силу удара», решал кроссворд (созвездие южного полушария неба из восьми букв?) и думал о денежных затруднениях (Что же делать мне с деньгами? Что делать?).

Было еще и пятое дело, если быть точным. Кроме ударов, которые я наносил, были еще удары, которые я получал, или, как говорят боксеры, пропускал. Один из таких ударов пришелся мне в лоб. Это был отличный удар. Такой мощный и результативный, что вопрос о сурдокамере, где бы я мог тренировать себя в тишине изолированного пространства, вдруг как-то разрешился сам собой: СУРДОКАМЕРУ МОЖНО Ж УСТРОИТЬ ЛЕТОМ В ДЕРЕВНЕ! У БАБУШКИ! В ПОГРЕБЕ! В ДЕРЕВНЕ! В ДЕРЕВНЕ ПОД ЗЕМЛЕЙ НАВЕРНЯКА СТОИТ ПОЛНАЯ ТИШИНА! И ПРОДУКТЫ ТАМ ЕСТЬ!..

«Да, кто-то очень удачно съездил меня по лбу. Даже непонятно, кто из этих желторотиков может обладать таким хорошо поставленным ударом?» — подумал я, разбрасывая всех в разные стороны и загоня Маслова и Дудасова в геометрическую фигуру, образованную углом класса. «Так, Иванов! Так! Разделяй и властвуй, Иванов!» К сожалению, мою программу мне удалось выполнить только наполовину. Именно в тот момент, когда я разделил всех самодеятельников и собрался над ними властвовать, в класс в сопровождении наших девочек вошла классная руководительница. По закону инерции (открытому Галилеем еще в 1632 году!) я еще

некоторое время, конечно, продолжал драться и даже договорил до точки следующий абзац:

— Но длительность ударного процесса весьма кратковременна — от сотен миллисекунд до нескольких микросекунд. И тут на помощь метрологам приходят запоминающие осциллографы. Их осциллограмму можно наблюдать и фотографировать с экрана хоть через несколько суток после того, как произведено измерение! Однако ударное ускорение, основной параметр удара, осциллограф не может учесть, так как оно возникает уже после того, как сработал прибор. Полученную осциллограмму нужно описать математически, вложить информацию в перфоленду, обработать ее на ЭВМ — и лишь после этого можно считать, что работа закончена.

— Это еще что такое? Что здесь происходит? — сказала громко Зинаида Ефимовна.

Подумать только, как часто люди задают друг другу множество самых ненужных вопросов! По-моему, это все из-за того, что они просто не умеют ценить и экономить свое и чужое время. Возьмем, к примеру, нашу классную руководительницу. Она входит в зал и видит, что на сцене дерутся ребята. Видит, что дерутся, и все-таки спрашивает: «Это что здесь происходит?» Что происходит? Драка происходит! Я понимаю, если бы этот вопрос задал наш химик. Он подслеповатый. Это могло бы оправдать вопрос. А у Зинаиды Ефимовны очень даже хорошее зрение. Хорошо, что в сверхкосмонавтских науках это невозможно. Там вопросы надо задавать точно. И отвечать тоже точно и без лишних слов.

Обо всем этом я успел подумать, пока Зинаида Ефимовна читала мне нотацию о том, какое безобразное впечатление производят на нее в последнее время мои поступки. Вот к чему все сводится, когда о поступках человека судят только по его поступкам. К безобраз-

ному впечатлению. Я уже хотел было посоветовать Зинаиде Ефимовне судить обо мне, хотя бы на этот раз, не по моим поступкам, а по мотивам моих поступков, но не успел. В это время в моей голове промелькнула более важная для моих будущих сверхкосмических полетов мысль. Я вспомнил о своем пульсе.

Ничего. Я и так все выдержу. Я — Чедоземпр! Я вас не понял! Не перехожу на прием!

Зинаида Ефимовна продолжала все еще транслировать свою нотацию, когда, значит, в моей запыхавшейся голове мелькнула мысль о пульсе. С этими разговорами я совсем забыл о том, что я, по моей программе, должен был делать сразу же после драки. Я положил большой палец правой руки на пульс левой и, выбрав момент, когда Зинаида Ефимовна набирала в себя воздух, сказал:

— Зинаида Ефимовна, помолчите, пожалуйста, одну минуту.

— А что такое? — спросила меня Зинаида Ефимовна очень строго.

— Пульс! — сказал я, переводя взгляд на свои наручные часы и прислушиваясь к ударам.

— Тебе что, плохо? — спросила Зинаида Ефимовна.

В ответ на вопрос я мотнул неопределенно головой, стараясь не сбиться со счета. Вообще-то пульс был хороший. Глубокого наполнения. Ритмичный, как сигналы точного времени из обсерватории имени Штернберга. Вокруг все стояли молча, поэтому я быстро перемножил количество ударов на секунды и получил в итоге пятьдесят два удара в минуту. Ну и сердце у меня! Отличный мотор. Сами посудите: до драки — пульс пятьдесят два! После драки — пятьдесят два. Кто-то, когда-то, где-то будет доволен очень таким пульсом...

— Ну, что? — волновалась Зинаида Ефимовна. — Тебе действительно плохо?

— Все в порядке! — отрапортовал я Зинаиде Ефимовне. — Говорите! — И про себя добавил: «Вы Земля! Я Галактика. Перехожу на прием».

Мое самочувствие так же, как и моя подготовка, было, конечно, от всех засекреченным, поэтому на вопрос Зинаиды Ефимовны я промолчал. Я только про себя сказал голосом Левитана: «Самочувствие сверхкосмонавта Юрия Иванова хо-ро-ше-е!» — и громко добавил, обращаясь к Зинаиде Ефимовне:

— Говорите, Зинаида Ефимовна! Я вас продолжаю слушать!

Никогда я не думал, что такая простая фраза, как: «Говорите, Зинаида Ефимовна! Я вас продолжаю слушать», вызовет у всех, как говорят врачи, такую преувеличенную реакцию (гиперреакцию!).

Фразы возмущения так и полетели в меня со всех сторон:

— Ребята! Вы слышите, как он разговаривает с учительницей?

— Командует, и все: подождите! помолчите! говорите!

В общем, бесновались все ченеземпры. Весь драмкружок во главе со своим главным скоморохом Масловым. Не возмущалась только одна Зинаида Ефимовна. Потому что ее реакция на эту фразу была, видимо, еще более сложная, чем у остальных. После моих слов ее всю так затрясло, словно у нее под ногами был не пол, а вибростенд.

Вообще-то, до этого разговора я к Зинаиде Ефимовне относился нормально. Она хоть совсем молодая учительница, но физику очень точно и здорово преподает. И спортом интересуется. И в планетарий ходит. Я ее там с сыном несколько раз видел. И вообще, она — чедоземпр! Я ее понял не сразу, конечно, сначала пригляделся, а потом понял и постепенно зачислил в чедо-

земпры. А потом я еще долго к Зинаиде Ефимовне присматривался и даже решил, что, когда начнутся первые пассажирские полеты в космос, она полетит, пожалуй, одна из первых. Но сейчас я уже так не думаю. Да, с такой вибрацией нервной системы не то что в космос, а на порог монорельсовой дороги не допустят.

— Иванов, дай дневник! — сказала Зинаида Ефимовна, очевидно придя в себя. — Твой отец из командировки приехал?

Я молча изобразил на лице, что мой отец из командировки приехал.

— Хороший будет для него подарок... — сказала Зинаида Ефимовна, возвращая мне дневник с длинной записью красными чернилами.

Я взял дневник и, не сходя с места, внимательно прочитал запись, которую сделала Зинаида Ефимовна. В дневнике было написано вот что: «Подрался. Сорвал репетицию драмкружка. Вел себя дерзко и вызывающе!» И подпись: «З. Таирова».

Ну что же! Зинаида Ефимовна судила о моих поступках не по мотивам... Значит, все точно, как у нее на уроке.

— Ну, что ты думаешь делать, Иванов? — спросила меня Зинаида Ефимовна. — Сейчас... и вообще?..

— Я сейчас хочу уснуть, — сказал я.

— Как уснуть? — ужаснулась Зинаида Ефимовна.

— Очень просто, — пояснил я. — Лягу на парту и усну... Ведь после драки и после такой записи в дневнике никто не смог бы уснуть, а я усну. — С этими словами я, не дожидаясь согласия Зинаиды Ефимовны, взобрался на парту, расслабился по своей системе псипов и... уснул.

Вокруг меня все зашумели, и каждый в духе своего «уклона». Они думали, вероятно, что шум мешает мне уснуть.

— Очевидное... невероятное,— сказал кто-то из девочек.

— От очевидного к невероятному,— поправил я, не открывая глаз.

— Время искать и удивляться!

— Время искать и удивлять,— еще раз вмешался я в разговор.

— У него не нервы, а черт знает что такое! — сказал Маслов.

Эти слова мне понравились. «Что и требовалось доказать!» — хотел сказать я, но промолчал.

Последнее, что я услышал,— это спор между кем-то: уснул я или не уснул, и голос Колесникова Сергея.

— Это же не чел..., а целая АТС! — сказал он, и как показалось мне, с явным восхищением в голосе.

— Ну при чем здесь автоматическая телефонная станция? — удивилась Вера Гранина.

— Да я не про эту АТС, я про антологию таинственных случаев! Там, где Иванов, там обязательно случается какая-нибудь таинственная антология. Заснуть после драки... и после всего! И в присутствии Зинаиды Ефимовны!

— АТС это или не АТС, но я должна поставить вопрос об Иванове на педсовете,— сказала Зинаида Ефимовна.

— А зачем на педсовете? — удивился Николай Ботов.— С ним даже драться интересно и полезно. У него и во время драки можно что-нибудь полезное узнать. Сколько раз учитель говорил про теорию удара, я не запоминал, а тут, пожалуйста, все запомнил до единого слова,— и затем Ботов словно пропел — и все наизусть: «Удар, его воздействие на тела изучал еще Леонардо да Винчи. Но он, понятно, не располагал техникой наблюдения быстро протекающих процессов. И он, и Исаак Ньютон...»

— Это он тебе эти знания в голову вбил! — объяснил Маслов. — Так что ты можешь взять этот метод на вооружение, душка-тенор.

После этих слов я услышал снова голос Веры Граниной (с медицинским уклоном):

— Сейчас проверю, спит или нет?.. Может, притворяется, — я почувствовал, как ее рука прикоснулась к моей. — Ну и пульс... Очень глубокого наполнения, как у спящего...

Больше я ничего не слышал. Когда я проснулся, то Зинаиды Ефимовны уже в классе не было, а все остальные мои соклассники сидели и молча смотрели на меня. А я встал и потянулся. Потом я открыл портфель, положил в него дневник. Достал космический кроссворд и вписал в него созвездие южного полушария. Затем соскочил с парты и при полном молчании моих современников вышел из класса.

ВОСПОМИНАНИЕ ВОСЬМОЕ

Все хорошо, но где чувство юмора?

В коридоре меня догнал Борис Кутырев (с сатирическим уклоном) и сказал, хватая меня за курточку (он всегда пускает в ход руки, когда разговаривает):

— Слушай, Иванов, ты, конечно, знаешь, что мне в тебе все не нравится. Но знаешь, что мне в тебе больше всего не нравится?

— Что? — спросил я и добавил: — Отвечай, пожалуйста, коротко и ясно, ты стоишь не возле доски, а возле Юрия Евгеньевича Иванова!

— Больше всего мне не нравится в тебе — эта магия величия... Отличаешься ты скорее угрюмостью, чем серьезностью. Чувства юмора тебе не хватает, понима-

ешь, все в тебе безнадежно мрачно. Вот сейчас ты продемонстрировал нам... свое засыпание. Мы, конечно, все понимаем твой трюк: ты договорился с Граниной, чтобы она подтвердила твой сон, и она его подтвердила. Но это все мрачно. А если бы все было с шуткой, с юмором, то и не оставило бы такого гнетущего впечатления.

Кутырев помолчал немного и, видя, что я помрачнел, сказал:

— Ну вот, ты стал еще мрачнее, а ведь «хорошо будет смеяться тот, кто будет смеяться последним».

— А может, на земшаре уже есть человек, который будет смеяться самым последним из всех,— сказал я и, повернувшись к Кутыреву спиной, зашагал по коридору. Машинально я засунул руку в боковой карман. В кармане ощутил какой-то листок, хотя знал точно, что никакого листка в карман не прятал. Я сбежал с лестницы, вышел на улицу и извлек листок из кармана, при этом екнуло сердце. Неужели, подумал я, неужели опять... Быстро развернул листок... Стихи! На листке были написаны стихи! Мне стало ясно: кто-то, вероятно, решил отравлять мое существование этой рифмованной пачкотней. Я разволновался, правда совсем спокойно прочитал стихотворение:

«Находят птицы без приборов гнезда
Сквозь облака, туманы и дожди.
Летят они в рассвет и ночью поздней,
Прodelав в небе сотни миль пути.
Им ветер не сопутствует,
Земные не зовут огни...
Значит, они чувствуют,
Значит, что-то чувствуют,
Только что же чувствуют они?
Спасают нас, людей, в морях дельфины,
Ведут меж рифов в гавань корабли.

А в девять баллов вынесут на спинах,
Оставив нас на берегу Земли.

Им ветер не сопутствует,

Земные не зовут огни...

Значит, они чувствуют,

Значит, что-то чувствуют,

Только что же чувствуют они?»

Значит, снова прислали стихи человеку, у которого из-за его сильной программы самообучения весь день занят и расписан буквально до секунд. И я снова эти стихи вынужден был прочитать и даже записать второй раз в жизни и второй раз в бортижурнал: «С 5.30 до 5.35 читал стихи... С 5.35 до 5.45 думал о том, зачем и кто бы мог их мне прислать».

Я стал сравнивать первые и вторые стихи. Такое впечатление, что кто-то и что-то обо мне уже знает или, по крайней мере, догадывается о чем-то... В первых стихах написано: «...Идешь на бой, лицо открой! — Вот смелости начало...» А во вторых стихах: «Находят птицы без приборов гнезда». Обратите внимание, «находят без приборов гнезда», летят «сквозь облака, туманы и дожди», «летят они в рассвет и ночью поздней», проделав сотни миль в пути и, главное, что «им ветер не сопутствует», я подчеркиваю: «не сопутствует». Это уже просто какой-то намек и еще, что «земные не зовут огни». А дальше про чувства: «Значит, они чувствуют, значит, что-то чувствуют, только что же чувствуют они?» Похоже, кто-то просто хочет ввинтиться мне в душу и узнать, что же я чувствую и чувствую ли я что-нибудь вообще?.. Вот так, разгадывая эту стихотворную загадку, я шел к дому по тротуару, стараясь шагать по линии лунного терминатора. (Терминатором называется граница света Солнца и тени Луны, падающих на Землю.) Шагать по земному терминатору неинтересно. Температура солнечного света и лунной тени, наверно, одина-

ковая. Интересней, конечно, шагать по терминатору Меркурия. Там на освещенной стороне температура плюс пятьсот градусов... а в тени — минус двести... На этой мысли я остановился. Терминатор терминатором, а кто же за мной все-таки крадется?.. Кто-то охотится, вероятно, за секретами моих тренировок. В нашей школе не только Маслов, но и многие другие ребята хотят стать космонавтами. Поэтому, наверно, я и Самсонова как-то на карусели встретил с девчонками. Но он просто катался. А второй раз без девчонок был. И на меня все время подозрительно смотрел. В Сандунах Дудасов прошлый раз сказал: «Ты что это пятый раз па-ришься?»

Ничего, если они и будут космонавтами, то самыми обыкновенными... с дублерами... А я буду, как мне ясно, сверхкосмонавтом. Лидером я буду. Первым в мире. Первым и самым подготовленным к сверхкосмическим сверхполетам из всех людей на всем земшаре. Размышляя об этом, я завернул за угол и, прыгнув с терминатора в тень, спрятался в первом попавшемся подъезде. Расчет был простой: ничего не подозревающий шпион выскочит из-за угла и тем самым раскроет свою жалкую личность. Не успел я об этом подумать, как из-за угла появился Сергей Колесников. Я его сразу узнал по длинной шее, даже в темноте. Антолог таинственных случаев. У Колесникова шея была длинная, как у жирафа, и вертячая. Когда Колесников скрылся из виду, я вышел из своего укрытия и поспешил домой.

По своему железному расписанию я каждый день в десять часов вечера уже лежу в постели. Пусть даже в это время по телевизору передают запуск новой ракеты в космос, все равно я сплю. Если хочешь стать сверхкосмонавтом и чедоземпром, приходится себе во многом отказывать.

ВОСПОМИНАНИЕ ДЕВЯТОЕ

Антология самого таинственного случая

Наш дом находится совсем недалеко от школы. Поэтому сегмент земного шара, залитый асфальтом и именуемый Садовым кольцом и отделяющий мой дом от школы улицей Воровского, я проскочил пулей.

Я торопился, так как по жизненному расписанию моего сегодняшнего вечера время несколько уплотнилось. Я уже говорил, что каждый день в десять часов вечера, что бы ни случилось, я должен лежать в постели. А до сна я должен был еще успеть позаниматься геодезией и астрофизикой. И самое главное, провести первую тренировку терминатора планеты Меркурий. Я, конечно, вполне мог уложиться в расписание, если бы мне не надо было предъявлять дневник моему П. (папе!). Прочитав дневник, мой П. обязательно затеет со мной разговор, который совсем не предусмотрен моим расписанием. Потом в наш разговор вмешается моя М. (мама!). Моя М. начнет меня защищать, мой П. начнет с ней спорить. И на это тоже можно потратить уйму такого нужного времени.

Когда я влетел в прихожую, ни П. ни М. дома не было. Я сделал по расписанию первым делом вот что: налил в металлическую мензурку простейшее соединение водорода с кислородом. Довел до точки кипения. В фарфоровый тигель всыпал шесть граммов синепсиса. Смешал синепсис с тремя ложками полиозы. Тонкую пластинку, содержащую элементы фосфора и кальция, соединил с толстой пластинкой аминокислот и... ну, в общем, короче говоря, это я просто выпил стакан чаю с сахаром и съел бутерброд с сыром! Потом я положил дневник в папиной комнате на стол, на самом видном месте. Я уже собирался вернуться в свою комнату, ког-

да заметил на столе кипу газет. Читая газеты, папа всегда подчеркивает в них отдельные статьи, фразы и даже слова. Я пересмотрел, что и где он подчеркнул на этот раз: в «Известиях» и в «Комсомолке» в основном он подчеркнул статьи о воспитании подростков. Во вчерашней «Вечерке» был подчеркнут какой-то фельетон на финансовую тему (мой папа, дорогие товарищи потомки, работает фининспектором и часто выезжает делать ревизии. Кроме того, он всегда занят, потому что работает над диссертацией. Меня он тоже часто ревирует, так как считает, что я стал «невозможным человеком», «невозможным» — это слово мы, конечно, оставим на его совести!).

Итак, в «Вечерке» подчеркнута статья на какую-то финансовую тему и еще был обведен красными чернилами какой-то фотоснимок и рядом поставлен жирный вопросительный знак.

Минуточку, минуточку! На фотоснимке, между прочим, изображены я и мой тренер по самбо. А вопросительный знак стоял потому, что физиономия на снимке в газете была моя, а имя и фамилия под снимком не мои. Я занимался в кружке самбо под чужой, конечно, фамилией. И главное, я сфотографирован без моего ведома и согласия. Я даже на этого корреспондента и внимания-то не обратил. Когда же это он успел меня щелкнуть? Я еще раз перечитал надпись под снимком: «Заслуженный мастер спорта Алексей Рогунов, в прошлом известный самбист. Сегодня он тренер спортивного комплекса «Самбо» в микрорайоне Чертаново. Алексей Рогунов подготовил несколько спортсменов-разрядников. На снимке А. Рогунов с группой новичков перед началом тренировочных занятий. В правом углу портрет Коли Горлова — одного из самых способных спортсменов». И ниже: «Фото В. Федорова».

Ну, знаете, товарищ Федоров, если вы и другие фо-

токорреспонденты уже сейчас начнут меня снимать во всех кружках, в которых я занимаюсь (к примеру, скажем, в планерном, в парашютном и так далее и тому подобное), и в каждом, естественно, под другой фамилией, если эти снимки и другие начнут появляться часто в нашей прессе, то я буду вынужден со всей категоричностью поставить вопрос перед ТАСС ребром: или Я! или фотокорреспонденты!..

Я и так имею неприятности. В воскресенье шел с отцом по улице Горького, вдруг передо мной и моим отцом вырастает один парень из парашютного кружка и говорит: «Семен Старовойтов, привет! Завтра прыжки с крыши!» Сказал и, как ни в чем не бывало, пошел дальше. У отца, конечно, очки сразу же на лоб полезли.

— Почему он тебя называет Семеном?.. Да еще Старовойтовым? Да какие прыжки?.. Да с какой крыши?.. И почему с крыши?..

— С какой крыши?.. С какой, с какой?.. Ну, вышку мы так называем! Парашютную вышку! Слэнг это. Жаргон это!

— А почему он тебя называет Семеном Старовойтовым?..

— Ну, обознался! Ну, за другого принял! Ну, похож я на какого-то Семена Старовойтова!

И почему нужно все обязательно превращать в трагедию?! Неужели нельзя из этого сделать хотя бы героический эпос? Ну, что бы отреагировать на слова того паренька, хотя бы вот такими словами:

«А ты у меня, оказывается, сынок, не только Юрий Иванов, ты у меня еще и Семен Старовойтов!» — и добродушно рассмеялся бы при этом. И я бы тоже ухмыльнулся сурово и сказал: «Да, папа, я у тебя не только Юрий Иванов, я у тебя еще и Семен Старовойтов, и Николай Горлов, и еще Костя Филимонов, и Сергей Тарасов...»

«Значит, так надо, сынок?»

«Значит, так надо, папа!»

«И обрати внимание, сынок, что я у тебя не спрашиваю, почему ты у меня и то, и другое, и третье...»

«Так это я в тебе и ценю, папа!»

Теперь вы понимаете, товарищи потомки, мало мне этих случайных встреч на улицах Москвы, так теперь этот Коля Горлов — лучший самбист Чертановского района, и его портрет в вечерней газете. Рано еще, рано, товарищи, помещать мои фотографии. Когда можно будет, я скажу, дам, как говорится, сигнал. А сейчас — преждевременно!

Нет, снимать меня надо, и снимать меня надо как можно больше, но вот помещать снимки в газетах и журналах еще рановато. И эта встреча на улице Горького, и история с «Вечеркой», и запись в дневнике о драке в школе — все было одинаково неприятно для меня. Но неприятнее всего была для меня запись о том, что я подрался с Масловым. Впрочем, все зависит от того, как на эту драку посмотрит мой отец. Вот если бы он посмотрел вечером мой дневник, а утром зашел в школу и сказал нашей классной руководительнице только одну достойную истинного чедоземпра фразу: «Зинаида Ефимовна! Драки, как и войны, бывают справедливые и несправедливые!» И все! Потом бы повернулся и молча пошел к двери, а у двери опять повернулся и сказал: «И вообще, о человеке надо судить не по поступкам, а по мотивам его поступков!» Сказал бы и ушел!

Зинаида Ефимовна сразу бы занервничала, а в классе все заволновались. Зинаида Ефимовна побежала бы за папой. Весь класс побежал бы за Зинаидой Ефимовой.

«Евгений Александрович! — сказала бы Зинаида Ефимовна моему отцу. — Вы нас, конечно, извините, но мы просто не знаем, как нам быть с вашим Юрием.

Дело в том, что он все мотивы своих поступков от нас скры-ва-ет...»

«Вероятно, он это делает в интересах нашего государства!» — сказал бы мой отец и, сухо попрощавшись, вышел из школы.

«Да, ребята,— сказала бы Зинаида Ефимовна,— придется нам всем извиниться перед Юрием... А за тебя, Маслов, мне стыдно, очень стыдно!»

«Зинаида Ефимовна,— сказал бы Маслов,— да если б я знал, что Иванов ударил меня в интересах нашего государства, разве я стал бы ему давать сдачи?!»

Да, но до такого разговора мой папа еще не дорос. Тяжело вздохнув, я прошел в ванную комнату, достал два ведра и стал готовиться к тренировке терминатора планеты Меркурий. Вообще-то вы запомнили или нет, что терминатором называется граница света и тени? Терминатор планеты Меркурий самый контрастный. Сами посудите: Меркурий ближе всех планет к Солнцу. Атмосферы нет. Суточного вращения нет. На освещенной стороне температура плюс пятьсот градусов.

Я опустил правую ногу в ведро с горячей водой. На теневой стороне около минус двести... Левую ногу я опустил в ведро с холодной водой... Бр-р-р... Ну и ощущение, прямо скажем, не из приятных... Вы, конечно, догадываетесь, что холодная вода должна была изображать температуру теневой стороны Меркурия, поэтому я и опустил левую ногу в ведро с холодной водой, а правую — в ведро с горячей водой: оно должно было изображать температуру освещенной стороны. Закрыв глаза и стал представлять, что я нахожусь не в ванной комнате, а на планете Меркурий, на линии терминатора. Неприятное самочувствие. Впечатление такое, как будто два разных ощущения разрывают тебя на части... М-да... Действительно!.. «...Им ветер не сопутствует, земные не зовут огни... Значит, они чувствуют, значит, что-

то чувствуют, только что же чувствуют они?...» Ой-ой-ой!.. Сейчас бы того, кто эти стихи писал, голыми ногами в горячую и холодную воду сунуть...

В это время в прихожей затрещал звонок. Судя по трезвону, звонил кто-то посторонний и звонил так настойчиво, что мне пришлось прервать на время опыт по своей «терминаторизации», прошлепать босыми ногами в прихожую и открыть дверь.

На площадке стоял Колесников из нашего класса.

Колесников сразу же вытянул длинную шею и завертел ею. Потом, смешно изогнув ее, он как-то подозрительно осмотрел мое раскрасневшееся лицо и особенно мои ноги.

— Вот какая антология каких таинственных каких случаев...— сказал он.— Ты, конечно, знаешь, что такое «шестиугольник Хаттераса»?

— Колесников,— ответил я холодно, но спокойно,— не задавай детских вопросов. Много опасности таит в себе океан, но ничто не наводит такой страх на моряка, как «шестиугольник Хаттераса» (морская территория у берегов американского штата Северная Каролина, к северу от так называемого «бермудского треугольника»). На памяти только нынешнего поколения в этом районе исчезло не менее тысячи судов.

— Или вспоминается случай с «Кэррол Диринг»,— оживился Колесников.— Эта шхуна, построенная на верфях в штате Мэн в 1921 году, пересекая Атлантику, неожиданно исчезла. Ее обнаружили в районе «шестиугольника». Паруса на всех пяти мачтах подняты, но на борту ни души.

— Да, на борту не было ни души,— подхватил я.— И по сообщению такого источника, как журнал «Нэйшнл джиографик», катер морской пограничной службы, наткнувшийся на шхуну, не обнаружил на судне никого, кроме двух кошек. На камбузе стояла

свежеприготовленная пища. Судьба экипажа и по сей день — загадка.

— И это ты знаешь, — засмеялся Колесников и, хитро прищурившись, добавил: — Но я знаю, чего ты можешь не знать!..

— Это чего я, например, могу не знать? — надвинулся я на Колесникова стеной.

— Ты можешь, например, не знать, — стал растягивать слова Колесников, — ты можешь не только не знать, но даже не иметь никакого представления.

— Это я-то могу не иметь никакого представления?

— Есть, например, у твоей мамы лавровый лист или нет? — Колесников рассмеялся, довольный собой.

Я очень спокойно, но совсем незаметно, конечно, разозлился на самого себя, так ловко поддел меня Колесников.

— Можешь ты, Колесников, иногда сказать что-то путное?

Колесников всматривался в меня, а я не спускал с него глаз и подумал: «Не он ли уж подбрасывает эти стихи из антологии своих таинственных случаев?» Так мы уставились друг на друга молча и не мигая. У Колесникова уже через минуту из глаз полились слезы, а я нарочно еще минуты три, после того как он захлопал своими ресницами, я еще минуты три, а может, и все пять запросто смотрел на него не мигаючи. Вообще-то я бы этому Колесникову сейчас с удовольствием дал вместо лаврового листа и этого «кто кого переглядит», дал бы как следует. Прервать такой важный опыт из-за какого-то лаврового листа для супа.

— А может, все-таки есть лавровый лист? — спросил Колесников, вытягивая шею и заглядывая через мое плечо в ванную комнату и приносясь.

— А чего это у тебя одна нога такая красная, а другая — белая-белая? — спросил еще подозрительней Ко-

лесников.— Это из антологии таинственных случаев, да?

В это время на лестнице с сумками в руках показалась моя мама. Колесников сразу выхватил из рук мамы обе сумки и потащился за ней на кухню, бормоча все те же жалкие слова про лавровый лист. Проклиная Колесникова, из-за которого я потерял столько времени, я прикрыл дверь ванной и ждал до тех пор, пока этот шпион, получив лавровый лист, не убрался из нашей квартиры. «Лавровый лист, лавровый лист,— подумал я,— когда-нибудь вы из него венок мне на шею наденете. А вообще, лавровый лист — это только предлог. Колесников определенно хочет что-то выведать. Чудак. Шел бы с такой шеей в цирк. Вертел бы там ею на сто восемьдесят градусов».

— Валяй,— сказал я Колесникову, открывая дверь.

Колесников с лавровым листом в руках выходил на лестничную площадку как краб, боком, но я все же входную дверь сумел захлопнуть так ловко, что она успела в самый последний момент дать Колесникову чуть ниже спины. А я посмотрел ему вслед в дверной глазок и запер дверь на ключ. Колесников чертыхнулся, а я пошел в ванную комнату, с тем чтобы вылить из ведер остывший, а в другом ведре согретый терминатор планеты Меркурий.

ВОСПОМИНАНИЕ ДЕСЯТОЕ

А я открыл, что рядом есть девчонки

В это время в прихожей появилась моя мама. В дверях ванной я столкнулся с ней. Она посмотрела на мой синяк под глазом, взялась двумя руками за мои уши и сказала:

— Юрий, что это у тебя под глазом?

(Видит, что синяк! Знает, что синяк! И все-таки спрашивает!) Вместо ответа я принес в столовую портфель, вытряс из него на стол учебники, принес из папиной комнаты дневник, раскрыл и молча показал его маме. А сам пошел в ванную.

— Кто тебе поставил этот синяк? — спросила еще раз мама.

Мама у меня молодец! Еще не было в жизни случая, чтобы она осудила хоть один мой поступок. Потому что она не знает, но чувствует, какие серьезные и нечеловечески трудные и, можно сказать, героические мотивы скрыты за моими поступками.

— Этот синяк мне поставил театральный кружок! — сказал я.

— Так! — сказала она за дверью. — Теперь они стали на тебя нападать целыми кружками. А завтра они начнут нападать целыми школами. — Мама вошла в ванную. — Это тебе еще нужно, — кивая головой в сторону ведер, спросила меня мама, — или можно вылить?

— Можно! — сказал я, доставая из кармана пижамы пятак и прикладывая его перед зеркалом к синяку. Через мое плечо в зеркало заглянула и моя мама и снова впилась глазами в синяк. (Так как мой П. (папа) еще не вернулся с работы, а я по расписанию уже должен был готовиться к отбою, я направился в свою комнату.)

— Юрий, погоди! — сказала мама, взяла меня за руку и подвела к телефону. — Я сейчас же соединюсь с твоей учительницей... Подожди минутку!

— Мама, — ответил я строго, — ты же знаешь, мой сон священен.

— Знаю, знаю, — сказала мама, — но сейчас придет папа. Нам нужны будут подробности.

Мой наручный будильник прозвонил отбой.

— Это чудовищно! — сказала мама. — На тебя напал целый кружок! Я заставлю твоего отца пойти вместе со мной в Министерство просвещения!

Наручный будильник все еще продолжал звенеть. Я повернул часы циферблатом к маме и сказал:

— Завтра!

В прихожей раздался звонок.

— Вот и папа пришел... — Мама перестала набирать номер телефона и постучала пальцем по дневнику: — Может, ты все-таки...

— Завтра! — сказал я и, сделав рукой что-то среднее между «спокойной ночи» и «до свидания», направился в свою комнату, юркнул под одеяло и стал расслабляться по системе Йогов. В это время в прихожей раздались папин и мамин голоса. «...Родина слышит, Родина знает, где в небесах ее сын пролетает...» — пропел отец. Отец был в хорошем настроении. В хорошем настроении отец всегда поет эту песню. Отец прошел в свою комнату, и некоторое время там было тихо. Я услышал, как к двери подошла на цыпочках моя мама и ласково прошептала:

— Юра... Может быть, ты поужинаешь с нами вместе... Еще рано... Папе будет приятно...

Я промолчал, продолжая расслабляться. В комнате отца по-прежнему было тихо. Видимо, отец еще не посмотрел мой дневник, поэтому и молчит. Между прочим, он напрасно медлит. Сейчас я сделаю перед сном легкое расслабление, потом на моих наручных часах «Сигнал» на двенадцати камнях прозвучит звонок и — окончательный отбой! И уже никакая сила не заставит меня нарушить железное расписание моего боржурнала. В середине моего расслабления из соседней комнаты начали поступать неясные сигналы, говорящие о том, что мой П. расшифровал запись в моем дневнике и, судя по всему, делится об этом с мамой, а мама, как

всегда, защищает меня, судя по ее голосу. Но как раз в это время мои часы просигналили окончательный отбой! Я стал быстро засыпать. Но здесь я услышал, как распахнулась дверь в мою комнату и раздался сердитый голос моего отца:

— Ну-ка, вставай с постели и марш в столовую!

Мама стояла рядом и шипела на папу:

— Не буди его! Не буди! Не буди!

А папа повторил свою фразу, наверно, раз пятнадцать. Но вы же, товарищи потомки, немного знаете мой характер: если уж в моей сильной программе самообучения никакой разговор с моим папой не наметен, то никакого разговора и не будет.

— Не буди его,— сказала еще раз мама.

— Как это «не буди»?! Как это «не буди», когда такая запись в дневнике?!

— Это какое-то недоразумение,— сказала мама.— Пусть он сейчас спит, а завтра все выяснится.

— Не завтра,— сказал я из-под одеяла,— а лет через двадцать пять.

— По-моему, единственный человек на всем земном шаре после такой записи в дневнике может спать. И этот единственный человек — мой сын...

«Насчет «единственного» — это ты, папа, сказал удивительно, можно сказать, пророчески верно,— подумал я.— Только единственный на всем земном шаре... Единственным-то... им ветер не сопутствует,— продолжал думать я дальше, но это уже, вероятно, я думал во сне, не мог же я наяву думать стихами: —

Им ветер не сопутствует,

Земные не зовут огни...

Значит, они чувствуют,

Значит, что-то чувствуют,

Только что же чувствуют они?»

Еще я услышал, как отец сказал маме:

— Почему мы никогда не ходим вместе в театр или, наконец, в кино? Почему в доме тихо? Почему никто не смеется? Почему не звучит музыка?! Почему никто не поет?! Почему к моему сыну никто не ходит в гости?

Впрочем, может быть, эти слова, мне просто приснились...

Судя по очень плохо сохранившимся страницам воспоминаний Юрия Иванова, на следующий день он проснулся в пять часов утра и чем он занимался до школы, было записано, как всегда, в недошедшем до нас борт-журнале. Затем по отдельным фразам можно понять, что он был в школе. На уроке алгебры он, вероятно, пытался учить чему-то учителя алгебры — об этом запись сделана в школьном дневнике учительской рукой. Еще в дневнике было записано: «Читал учителю естествознания свою версию о происхождении человека (кстати, очень любопытную), но на вопрос: «Сколько в среднем живет человек» — ответил: «Не знаю!» Такой ответ считаю издевательством», — и подпись учительницы.

Затем Юрий Иванов, судя по его записям, после окончания уроков снова обнаружил у себя в кармане неизвестно каким образом туда попавший листок бумаги с новым стихотворением. Текст стихотворения сохранился плохо, но разобрать его удалось. Вот оно:

«Открыли люди, что от трения

Вспыхивают искорки огня.

Я, как Ньютон,

Открыл закон

Такого тяготения,

Что это просто страшно для меня.

— Постой, постой! Я не могу понять — о чем ты?

Постой, постой! Что ты открыл — не понимаю я...

— А я открыл, что рядом есть девчонки,

И с этим сделать ничего нельзя!
Открыли люди, что в движении
Будет вечно бабушка-Земля.
Я, как Ньютон,
Открыл закон
Такого тяготения,
Что это просто страшно для меня.
— Постой, постой! Я не могу понять — о чем ты?
Постой, постой! Что ты открыл — не понимаю я.
— А я открыл, что рядом есть девчонки,
И с этим сделать ничего нельзя!
Есть атмосферное давление,
Которое все давит на тебя.
Я, как Ньютон,
Открыл закон
Земного тяготения,
Но только неземного для меня.
— Постой, постой! Я не могу понять — о чем ты!
Постой, постой! Что ты открыл — не понимаю я.
— А я открыл, что рядом есть девчонки,
И с этим сделать ничего нельзя!»

На двух следующих страницах, содержавших скорее всего комментарий стихов, все слова расплылись до неузнаваемости, зато на третьей странице удалось восстановить следующий текст:

«...Заезжал к Пелагее Васильевне за цветами. Она оказалась больной, поэтому не торгует цветами. Сходил в аптеку за лекарством для нее, затем она написала мне доверенность на торговлю цветами...»

Затем строк тридцать неразборчиво и затем разборчиво:

«...Я шел по земле: по большому постоянному магниту с огромным букетом гладиолусов для продажи. Перейдя подземный переход у станции метро «Дзержинская», я выбрал возле магазина «Детский мир»

оживленный угол (как раз напротив памятника перво-печатнику Федорову) и начал торговлю. Место для меня было самым счастливым. С этого угла очень хорошо просматривались проспект и переулок, так что появление милиционера или дружинника не могло застать меня врасплох. А если они все-таки появлялись, то я легко скрывался, смешиваясь с толпой прохожих.

Должен сказать, что у меня уже накопился некоторый опыт продажи цветов.

Правда, сегодня мне что-то не везло. Все время приходилось закрывать торговлю — то и дело появлялся милиционер, и мне время от времени нужно было скрываться от него в переулке... Конечно, я бы ни за что не попался со своими гладиолусами, если бы не...»

На словах «если бы не...» страница закончилась, а на двух следующих страницах нельзя было разобрать ни одной буквы — все расплылось, лишь в конце второй страницы удалось прочитать несколько фраз:

«...Зря бежал от милиционера! Это же такое счастье, что меня пригласили в милицию, и как это я сам не догадался зайти туда раньше и поставить в известность...»

Затем снова ничего не разобрать. Дальше, через две страницы, на третьей, Юрий вспоминает, как он находился в милиции, в детской комнате, и женщина-милиционер беседовала с ним:

«— Тебе бы с твоей скоростью бега спортом заниматься,— сказала она мне,— а ты цветами торгуешь.

— Между прочим,— отчеканил я,— прошу зафиксировать в протоколе, что до бега и после бега пульс у меня был пятьдесят два, ритмичный и глубокого наполнения, и никаких вазомоторов и никакой вегетатики!..

— Да, да,— согласилась дежурная по детской комнате,— ты спекулируешь цветами, и с таким, я бы сказала, нечеловеческим спокойствием.

— Я не спекулирую,— ответил я.— Я помогаю Пелагее Васильевне торговать. У нее есть разрешение, а она меня попросила помочь ей, потому что она болеет, и даже доверенность написала.

— А где у тебя доверенность? — спросила женщина-милиционер.

— Потерял.— Я действительно где-то посеял эту бумажку.

— Ты мне зубы не заговаривай,— сказала женщина-милиционер,— говори имя, фамилию, где живешь, почему торгуешь цветами, где взял гладиолусы.

Я, конечно, на все эти вопросы не ответил. Начнешь с объяснений, а кончать придется тем, что попросит раскрыть мои секреты чедоземпрских, псиповских и сверских тренировок. Но, когда женщина-милиционер настойчиво попросила все-таки открыть мое имя и мою фамилию, я сказал как можно дипломатичнее:

— Ну подождите немного — скоро узнаете.

— Это как же скоро?

— Ну лет через тридцать или даже через двадцать.

— Так я уже на пенсию уйду,— сказала женщина, хитро улыбнувшись.

Это она меня хотела разжалобить: молодая, а говорит о пенсии. Но меня не разжалобишь, не на такого напала.

— Вы знаете что,— посоветовал я,— сейчас, вместо того чтобы выяснять, кто я, вы меня лучше запомните и когда придете домой, то напишите обо мне...

— Что же написать о тебе?

— Ну это... воспоминание...

— Воспоминание? — женщина даже рассмеялась.— Воспоминание о том, как ты гладиолусами торгуешь? Между прочим, ты вот цветами торгуешь,— продолжала она,— а не знаешь, что революционные работницы еще при царе лозунг такой носили

на демонстрациях: «Хлеба и роз!» Ты слышал об этом?..

— В оранжерее при университете на сельскохозяйственном факультете недавно начат необычный эксперимент,— сказал я.— Электронно-вычислительной машине доверено управлять автоматической установкой, заменяющей во многом человека в выращивании ирисов, тюльпанов и гладиолусов. Установка, управляемая компьютером, передвигается по оранжерее в восемьсот квадратных метров по уложенным вдоль стен рельсам и выполняет самые разнообразные операции. Вы, конечно, об этом ничего не слышали?

— Как не слышала,— сказала женщина,— очень даже слышала.

— От кого? — удивился я.

— А от тебя, от тебя слышала!

Я даже на одну, может, миллионную долю секунды растерялся, так меня ловко поддели с ответом, но женщина в милицейской форме продолжала:

— Про электронно-вычислительную машину и про ее применение ты кое-что знаешь, но вот о себе ты почти ничего не знаешь.

— Как это не знаю? — обиделся я.

— Ну вот не знаешь, как твое имя, твоя фамилия, где живешь,— принялась она опять за свое.

— Вы лучше скажите мне, кто может быть автором вот этих стихов,— сказал я, доставая из внутреннего кармана листок со стихами.— Наука же утверждает, что в почерке отражаются индивидуальные особенности личности и что каждый имеет свой почерк, я правильно говорю? А то я, значит, себя зачедоземприваю, а меня хотят во что бы то ни стало расчедоземприть! — проговорился я.

— Чего, чего? — насторожилась дежурная.

— Да это я... я просто так говорю,— прикусил я свой язык.

— Говоришь ты правильно,— подтвердила женщина,— а поступаешь...

Но я ей не дал договорить.

Вот, товарищи потомки, теперь вы поймете, почему я сначала расстроился, а потом сразу обрадовался, что меня пригласили в милицию. Мне бы давно самому сюда прийти с этими стихотворениями.

Женщина прочла все три стихотворения и сказала:

— А зачем же это по почерку устанавливать автор? Хорошие стихи...

— А затем, что они без подписи,— объяснил я.

— А зачем, чтобы они были с подписью?

— А затем...— сказал я.— Ну, что бы вы сказали, если бы при расследовании какого-нибудь преступления вашим милиционерам не надо иметь никакого суплеса...

— Ты и суплес знаешь?

— Суплес,— отчеканил я,— это гибкость тела. Вырабатывается специальными тренировочными упражнениями, способствующими увеличению подвижности позвоночника и эластичности межпозвоночных хрящевых дисков, всего суставно-связочного аппарата и мышечной системы.

— Значит, не надо никакого суплеса? — переспросила меня дежурная.— А что же надо?

— А надо, чтобы был псип, которым обладает... то есть будет обладать скоро один человек,— поправил я сам себя.— Псип — полное собрание изобретений природы,— пояснил я, не дожидаясь вопроса, и тут же стал объяснять главное: — Значит, при расследовании какого-нибудь преступления милиционер выскакивает из отделения, он человек-ищейка, у него отличное верхнее

чутье, как у ищейки. Что такое верхнее чутье? — спросил я дежурную.

— Верхнее чутье — это способность собаки улавливать запахи по воздуху, а не по следу, — отчеканила дежурная.

— Правильно, — похвалил я ее. — Затем милиционер вглядывается, словно кошка, в темноту!.. Что вы знаете про кошек? — спросил я дежурную.

— Что они в восемь раз лучше видят в темноте, чем человек, но зато кошки видят все в черно-белом изображении! — ответила дежурная без запинки.

— Очень хорошо! — похвалил я дежурную и продолжил: — Затем милиционер со скоростью гепарда бросается вдогонку за преступником. Преступник — в лес, милиционер взмывает соколом в небо и коршуном пикирует на врага! Что вы знаете про гепарда, сокола и коршуна?

— Постой, кто кого допрашивает? — опомнилась вдруг дежурная по детской комнате...»

Дальше пропущена целая страница, а через страницу записана следующая фраза дежурной:

«...— Товарищ капитан, меня допрашивает задержанный! Дайте мне кого-нибудь на помощь, я одна с ним не могу справиться!...»

Затем нельзя было разобрать еще две страницы, на которых сохранились только отдельные слова. По-видимому, на помощь дежурной капитан все-таки пришел, и дальнейшая беседа велась втроем. Беседа, впрочем, тоже исчезла. От нее остались три обрывка:

«...— И вот, чтобы вся наша милиция обладала тем, о чем я вам рассказывал, надо знать, что все это зависит от человека, то есть меня! Вот почему я не могу, скажу больше, не имею права называть свое имя и

свою фамилию... Все-таки кругом есть еще и иностранные разведчики.

— Ну знаете,— сказал капитан,— видел и слышал я на своем веку много...»

Затем сохранились фразы Юрия Иванова:

«— Вы у меня взяли в долг один час и пять минут из моего бортжурнала, где я теперь возьму это время?...»

«— На вашем месте я не мешал бы мне, а охранял! — посоветовал я работникам милиции...

— Ты вот что, ты не говори, что тебе делать с нами, а говори, что нам делать с тобой, говори свою фамилию и где живешь,— сказал капитан, когда я уже собирался уходить.

Я, конечно, в сотый раз ответил на эти слова презрительным молчанием, тогда он со словами: «Сами узнаем!» — взял воротник моей ковбойки, отвернул его и заглянул мне за шиворот, как будто у меня на спине было написано, где я живу и моя фамилия. Между прочим, этого капитана, если он меня хорошо попросит, я занесу в список чедоземпров! Вы даже не представляете, товарищи потомки, как он меня подловил с этим воротником. На спине у меня, конечно, написано ничего не было, но к воротнику ведь была пришта метка, с которой мы сдаем в стирку белье. А по метке и узнал капитан мои координаты проще простого. Позвонил в прачечную и узнал...»

На этом воспоминания о встрече с дежурной по детской комнате в отделении милиции обрываются. Как и чем же все закончилось — пока неизвестно. Снова пропущено десять страниц. Дальше воспоминания о вечере, когда Юрий Иванов после занятий по своей программе псип переходит ко сну.

ВОСПОМИНАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Даю вам десять минут на разговоры!

В этот, в общем-то для меня нормальный в смысле перегрузок, день я решил назначить себе сон пораньше. «...Закрываю глаза и распускаю мышцы. Тело как плеть висит безвольно...» Вы, товарищи потомки, может быть, не знаете, что такими словами описывал свое состояние за несколько мгновений до того, как будет поднята рекордная штанга, олимпийский чемпион Юрий Власов. Я у Юрия Власова научился понимать вот это состояние — близкое соседство яростного взрыва физической мощи с полным покоем и полной расслабленностью. Дело в том, что всякая физическая деятельность человека — это поочередная работа разных групп мышц (впрочем, смотрите об этом в моем бортжурнале). Сейчас я начал как раз вспоминать не о том, как я расслаблялся, а о том, что расслабиться по-настоящему мне помешал папин голос за стеной. Дело в том, что, когда я перед сном положил папе на стол дневник с записями (помните: «Учил учителя алгебры... Читал лекцию... Не ответил, до каких лет в среднем живет человек!»), он взял в руки мой дневник и сказал:

— А... библиотека авантюрного романа. Почитаем, почитаем...

Потом я вышел из комнаты, а отец замолчал так надолго, что я подумал: «Уж не учит ли он мой дневник наизусть?» Затем слышал, как он там за стеной говорил с мамой, затем, хлопнув дверь, мама вышла из папиной комнаты. Папа почему-то стал разговаривать сам с собой вслух. Раньше я за ним этого не замечал. Я уже про себя одиннадцатую формулу расслабления повторял: «Мои пальцы и кисти расслабляются и теп-

леют». Вдруг дверь в мою комнату открылась, и отец громко крикнул:

— Ты, в конце концов, собираешься выйти или нет? Я тебе уже сто раз об этом кричу.

Я продолжал делать свой практикум по самовнушению расслабления, притворившись, что сплю, хотя мысленно не переставал повторять про себя одиннадцатую формулу: «Мои пальцы и кисти расслабляются и теплеют!.. Мои пальцы и кисти расслабляются и теплеют!..» Но отец тоже не переставал повторять мне громко одну и ту же свою формулу. Тогда я не выдержал и как бы во сне, но громко произнес:

— Мои пальцы и кисти расслабляются и теплеют...

В это время в комнату вошла мама и тоже громко сказала:

— Послушайте! Интересный материал в газете:

«...В этой связи вспоминается мне история с восьмиклассником одной московской школы. Немало хлопот доставлял он всем. Мог какой-нибудь выходкой сорвать урок. И вот как-то в походе по Подмосковию он проявил себя с неожиданной стороны. Одна из девочек поскользнулась и упала в холодный осенний ручей и основательно промокла. Мальчик помог ей, отдал свои теплые вещи, чтобы она согрелась!..»

— Нет,— сказал я, приподнимаясь на постели, но с закрытыми глазами,— в таких условиях ни один ни псип, ни чедоземпр, ни сверкс не смог бы предельно расслабиться, в таких условиях можно только предельно напрячься!

— Что он говорит! О чем он все время говорит?! Что это за псипы, чедоземпры и сверксы-мерксы? Может, кто-нибудь на земном шаре объяснит мне, что это все значит? — вскрикнул отец и опять принялся за свое: — Ты собираешься вставать или нет?

Я посмотрел на свои часы. На часах было ровно две-

надцать (24 часа 00 минут!). Несколько секунд я мучительно размышлял о том, что же мне делать дальше. Я не мог нарушить и свое расписание. И, учитывая грозную интонацию отцовского голоса, не послушаться его я тоже не мог. Значит, безвыходное положение! Как бы не так! У нас, сверхкосмонавтов, безвыходных положений не бывает. Выход есть! Хорошо! Я встану, но я им всем покажу, даже отца родного не пожалею! Сейчас будет жалкий разговор, который я запишу на магнитофон, и пусть со временем потомки видят, то есть слышат, как меня не понимал никто, даже самые близкие люди.

Я встал с постели, не открывая глаз. Отыскал на столике два теннисных мяча и положил их в карман пижамы, взял магнитофон, ощупью по стене добрался до дверей и вышел в столовую. Нащупал руками спинку стула, опустил на сиденье и сказал:

— В рационе долгожителей, которых в Грузии свыше двух тысяч, преобладает растительная пища. В западных районах Грузии, например, старики не употребляли первых блюд, которые богаты экстрактивными веществами. Куриное, говяжье, изредка баранье мясо долгожители едят в основном в вареном виде. Сырые овощи, фрукты, свежая зелень и сушеные пряные травы, богатые витамином С, обязательная принадлежность их стола в любое время года. Долгожители едят мало сахара и много меда. Постоянное потребление молока, сыра, овощей и фруктов создает естественный барьер против склероза. Именно этим объясняется низкий процент случаев атеросклероза у столетних.

— Если наш сын во сне изрекает такие вещи,— сказала с гордостью мама,— то что он может изречь, когда проснется.

«Пусть думают, что я сплю»,— подумал я про себя. А еще подумал: «Может, я действительно говорю, ду-

маю, делаю и вообще живу как псип только во сне, но уж, как я проснусь...» Даже мне было страшно представить, что я смогу наделать, если проснусь, поэтому сказал:

— Даю вам десять минут на разговоры со мной,— я поставил на стол микрофон и незаметно включил под столом магнитофон.

— Попрошу без ультиматумов,— грозно произнес отец.

— Юрий! — воскликнула мама испуганным голосом.— Почему ты не открываешь глаза?

— По расписанию,— ответил я.

Мама начала было поднимать панику в том смысле, что не повредили ли мне в драке зрение, но папа сказал:

— Пусть сидит с закрытыми глазами... По крайней мере, я буду думать, что ему стыдно смотреть мне в лицо...

Я, конечно, промолчал. Но, чтобы не терять зря время, стал заниматься четырьмя делами сразу. Дремать! Слушать отца! Левой рукой сжимать теннисный мяч в кармане пижамы! Правой ногой, упираясь на носок, накачивать мышцу ноги!

В комнате наступило какое-то противное молчание, которое наконец-то нарушил голос отца.

— Ну, говори! — сказал он, обращаясь, очевидно, ко мне.

Я молчал.

— Так,— сказал папа,— перед началом разговора проведем небольшую инвентаризацию лица нашего сыночка: презрительно сжатый рот — один, царапин — пять... или шесть? Шесть. Синяк — один... Закрытых глаз — два...

Я чуть слышно скрипнул зубами и еще плотнее зажмурил глаза.

— Юрий,— снова спросила меня мама испуганным голосом,— а почему ты сидишь с закрытыми глазами?

— По рас-пи-са-нию,— снова ответил я, но с такой интонацией, что папа даже дернулся на стуле.

Мама снова начала поднимать панику в том смысле, что не нанес ли мне этот кружок хулиганов серьезную травму, но папа вовремя остановил ее.

— Начнем разговор... — сказал отец.

Наступила опять противная пауза, которую я не собирался нарушать.

— Ну, говори! — обратился отец, очевидно ко мне.

— А чего говорить, задавайте вопросы! — сказал я, сдвигая правой ногой и левой рукой теннисные мячи.

Даю голову на отсечение, что после этой фразы отец посмотрел на маму, а она стала ему делать какие-то знаки руками. Я это почувствовал по движению воздуха.

— Перестань трясти ногой и рукой,— потребовал отец.

Сами же говорят: «Жизнь коротка! Берегите время! Не теряйте ни минуты зря!» А когда начинаешь «не терять» и «беречь», то придираются.

— И вынь руки из карманов, когда разговариваешь со взрослыми! И открой глаза! — сказал папа, повышая голос.

— Нет,— сказала мама,— я все-таки считаю, что бы там ни писала учительница, наш Юрий очень серьезный мальчик!

— Чарлз Дарвин тоже был серьезный мальчик, и однажды он очень сильно об этом пожалел! — возразил отец.

Но тут отец не прав. Первый раз слышу, чтобы человека обвиняли в серьезности. В легкомыслии — это другое дело.

— Женя, ну зачем ты так? — сказала мама. — Да-

же враги Юрия признают, что у него во всем и ко всему выдающиеся способности.

— Есть люди,— сказал отец,— есть люди,— повторил он,— в которых с детства заложен неприятный талант делать жизнь окружающих будничной и безрадостной!..

После этих слов у меня пропала последняя надежда, что я могу услышать от него фразу: «Драки, как и войны, бывают справедливые и несправедливые!» Сквозь прищуренные глаза я посмотрел на циферблат моих часов. С начала разговора прошло уже три минуты. Интересно, как папа может уложиться в семь минут, если он еще и не начинал говорить о дневнике?

— Я повторяю,— сказал папа, делая опять большую паузу.

«У него осталось семь минут на разговоры, а он еще повторяет»,— подумал я.

— Вчера они напали на него целым кружком! — вмешалась в разговор мама. — И ничего особенного, что мальчик дал волю кулакам. В конце концов, у нас даже в законе есть право на самооборону!

— Я повторяю,— сказал отец,— в третий раз повторяю...

Но мама и на этот раз не дала повторить отцу ни слова.

— Французам и итальянцам, например,— сказала моя мать,— время от времени необходимо разрядиться вспышкой ярости или выкричаться...

— Я повторяю,— сказал папа, не обращая внимания на мамины слова и повышая голос,— я повторяю в четвертый раз...

Именно в это время на моей руке зазвонил будильник. Я встал со стула. Пользуясь тем, что папа все еще обдумывал что-то, я произнес:

— Папа, у тебя осталось две минуты, но ты не рас-

страивайся. Ты можешь все остальное договорить мне завтра утром.

— Как утром? Почему утром? — опешил отец. — И это он мне разрешает не расстраиваться!

— Мальчик устал, — поддержала меня мама. — Поговорим с ним утром, действительно. Пусть он лучше отдохнет.

— Никаких завтра! — крикнул папа. — Только сегодня! — продолжал он четкой и громкой скороговоркой. — Ты читаешь лекции учителям, вероятно потому, что думаешь, что знаешь больше всех учителей!

— Но я действительно решил задачу по-своему, учитель такого решения не знал. И я решил быстрее учителя, — заступился я за себя.

— Но почему ты не ответил на вопрос, до каких лет в среднем живет человек! — возмутился отец. — Отвечай: до каких лет в среднем живет человек?

— Не знаю, — ответил я. — И знать не хочу. Потому что чедоземпр все знает, все умеет и все может из всего того, что он хочет знать, уметь и мочь!..

— Боже мой! — простонал папа. — Кто мне ответит: ну почему мой сын не знает и не хочет знать такой простой вещи?!

— Узнаете через средства массовой информации почему... со временем узнаете, — объяснил я сурово.

— Но я хочу знать сейчас! — воскликнул отец. — И вообще, я просмотрел все иностранные словари — там нет слова «чедоземпр». Что такое чедоземпр?.. Ну давай, давай записывай, — взглянув на маму, засмеялся отец и тут же обратился снова ко мне. — Пока она записывает глупости, которые ты говоришь, ты преодолей свое ослиное упрямство и ответь мне: до каких лет в среднем живет человек?..

Отец свой вопрос повторил несколько раз, и я тоже несколько раз ответил на русском языке, что я не знаю,

до каких лет в среднем живет человек. И даже когда отец заявил, что поможет мне с ответом и пояснил, что человек в среднем живет до семидесяти пяти лет, я все равно сказал, что я не знаю, до каких лет в среднем живет человек. Это произвело на отца ужасное впечатление, мне даже его стало жалко. После очередного вопроса: «До каких же в среднем лет, черт возьми, живет человек?!» — я решил нарушить клятву, данную самому себе: отвечать на такой вопрос только словами «не знаю!» Тут, дорогие товарищи потомки, должен вам объяснить, почему я, вернее, какие мотивы руководили моим нежеланием отвечать на вопрос о средней продолжительности жизни человека словами «не знаю». И не было ли в этом ответе действительно глупого и ослиного упрямства, на которое в разговоре со мной намекал мой отец? Не знаю, дорогие товарищи потомки, как будет с возрастом у вас, но у нас в мое время было форменное безобразие! Посудите сами: у нас в среднем человек и вправду доживал до семидесяти — семидесяти пяти лет. А хотите знать мое мнение, почему так мало? Я вообще-то хотел обнародовать свои идеи не сейчас, а в другой исторический период моей жизни, но мне просто стало жалко отца, и потом, может, я не имею права скрывать это мое открытие от родителей, они ведь у меня тоже могут в среднем дожить до семидесяти пяти лет, а не как я до... ну, скажем, грубо-ориентировочно, до, скажем, семисот лет... Не сразу, конечно, а постепенно, со временем.

И вот здесь, дорогие товарищи потомки, я сбегал в свою комнату и принес с собой тетрадь, в которой на обложке было написано: слева гриф «Совершенно секретно», в скобках — «Для потомков» и ниже объяснительная записка, почему я на вопрос о средней продолжительности жизни человека на земле отвечал «не знаю».

Итак, я откашлялся и хотел уже прочитать вслух, но негромко, чтобы не подслушали ненароком через стену соседи, но в самую последнюю минуту раздумал. Хорошо, предположим, я бы прочитал: «Дорогие товарищи потомки! Я, конечно, и вы, конечно, знали, что человек на земле жил до семидесяти — семидесяти пяти лет. Но вот почему он жил только до семидесяти — семидесяти пяти лет, никто не знает, а я знаю. По-моему, люди живут до таких лет, до таких малых лет, я бы сказал, потому что они словно бы сговорились считать, что в семьдесят и семьдесят пять лет человек является как бы стариком. В два годика — это малыш, в десять — это мальчишка, в семнадцать — это юноша, в тридцать — это взрослый человек, в пятьдесят — шестьдесят лет — пожилой человек, а в семьдесят — семьдесят пять — это уже старик. Я глубоко убежден, если бы люди были внимательнее и не знали, что в семьдесят — семьдесят пять лет человек является уже стариком, то они в эти годы не чувствовали себя такими и не были бы стариками. По моему глубочайшему убеждению, если взять младенца с Земли и отправить на какую-нибудь планету, где люди живут до тысячи лет, и там, где младенец не знал бы, что он в семьдесят лет уже будет стариком, то этот младенец вместе с другими тоже мог прожить тысячу лет». На этих словах я оторвал бы свой взгляд от тетради и убедительно и победительно посмотрел на моих родителей и сказал: «Теперь вам понятно, почему я на вопрос о средней продолжительности жизни человека отвечал словами «не знаю»?»

Наступила бы пауза, во время которой мама вскочила бы со стула, хлопнула в ладоши и крикнула бы:

«Боже мой! Это же целое научное открытие! Это же сенсация! Теперь я понимаю, почему, когда я говорю, что мне меньше лет, чем на самом деле, я чувствую себя гораздо лучше, чем обычно!»

«Глупости,— сказал бы папа,— никакое это не открытие, а ослиное упрямство. Если даже у тебя есть свое мнение относительно длительности жизни человека, то ты все равно должен был отвечать не словами «не знаю», а хотя бы высказать свои мысли вслух учителю! И вообще,— крикнет папа,— сейчас разговор идет не об этом! Разговор идет сейчас о безобразном поведении в школе моего сына! Я хочу знать, наконец, что происходит с моим сыном! Я могу знать, что происходит с моим сыном, или я не могу знать, что происходит с моим сыном?!»

Вот почему, предполагая отношение отца к моему открытию, я не прочитал запись в тетради, а сказал еще раз: «Не знаю!» — да еще не на русском, а на моем зашифрованном языке.

— Ну все,— сказал папа,— больше я не желаю разговаривать с этим дрянным мальчишкой! Мало того, что он мне не отвечает на русском языке, так он мне отвечает еще и на каком-то дурацко-тарабарском языке!.. Где дневник?! Вот дневник!

Пока я выключал и сворачивал магнитофон, папа очень нервно что-то писал в дневнике. Подписался еще нервнее и молча протянул мне дневник. Я так же молча, но, конечно, совершенно спокойно взял его и вышел из комнаты. Когда я закрывал дверь, я услышал, как отец сказал маме: «Я не знаю не только, что с ним делать, но и что с тобой делать!» Лучшей фразы отец и не мог придумать, и я сейчас вам скажу почему, только прочитаю, что он написал в дневнике.

Вот, что он написал: «Должен Вам сообщить, что мой сын дома ведет себя ничуть не лучше, чем в школе. Очевидно, нам с вами надо принять какие-то общие меры. С уважением». Подписался папа неразборчиво.

Прочитав эту запись, я не выдержал, вышел из своей

комнаты в столовую, где отец все еще сидел за столом и пил какие-то лекарства.

— Есть люди,— сказал я,— есть люди, которые, как осьминоги, в минуту опасности готовы скрыться за чернильной завесой жалких слов, вроде: «Должен вам сообщить, что мой сын дома ведет себя ничуть не лучше, чем в школе. Очевидно, нам с вами надо принять какие-то общие меры». И тому подобное. Между прочим, даю справку из бионики. Любопытная деталь: чернильная жидкость, выпущенная осьминогом, не просто скрывает его. Она ядовита и на какое-то время парализует обоняние преследующих его рыб: те перестают узнавать осьминога, даже натываясь на него.— Я сказал это все для того, чтобы, конечно, как всегда, ошеломить папу и парализовать своей эрудицией, и я этого почти добился.

— Есть люди,— ответил ошеломленно и почти парализованно папа на мое «есть люди»,— которые готовы называть своего родного отца осьминогом,— после чего с папой началась просто какая-то истерика.

К сожалению, я тоже как-то немного сорвался, что ли, или сказалась небольшая усталость, но я не удержался и даже вспылил:

— Все! — сказал я.— Все, я отказываюсь быть... я не могу быть в таких условиях! Пусть другие будут выполнять это поручение!.. Я отказываюсь!.. В конце концов, и у меня есть нервы, конечно, не железные и даже не стальные, а из этого... из титана, но это тоже нервы!..

Я влетел, продолжая бушевать, в свою комнату, и за мной влетела моя мама. Я бушевал, положив руку на пульс. Пульс был, как всегда: законных пятьдесят два удара в секунду.

— Пусть другим поручают это самое из самых!..

— Действительно,— поддержала меня мама,— пусть другим поручат это самое из самых!..

— Да нет, не найдут другого,— подумав, сказал я.— Других-то они, конечно, не найдут. Я же не смогу... в таких условиях полного непонимания!.. И никто не сможет в таких условиях! И именно потому, что никто не сможет в таких условиях, одна надежда на меня! Именно потому, что никто не сможет, я смогу! Поэтому все продолжается! Я продолжаю! Ты свободна, мама! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Поцеловав меня, мама на цыпочках вышла из комнаты. И тут же принялась в столовой заступаться за меня, по-видимому.

— Если мои доводы тебя не убеждают,— говорила она папе,— послушай, что пишет по сходному поводу журнал. «...Неуверенность усложняет жизнь, мешает успеху. Уверенный в себе добивается большего. Потому что чувство уверенности обычно сопровождается появлением так называемых стенических эмоций (от греческого слова «стенос» — «сила»), которые повышают и физические и психические возможности человека. Без веры в свои силы спортсмен, например, никогда не одержит победы. Переоценка противника и недооценка собственных возможностей почти всегда ведут к поражению».

— Все это хорошо,— говорил папа,— послушай и ты меня. Надо же избегать крайностей.— И папа маме тоже прочитал, вероятно, из другого журнала: — «Но если уверенность чрезмерна, не оправдана действительными возможностями, она уже становится отрицательным свойством личности, перерастает в самоуверенность. Самоуверенный берется за дело, к которому вообще не пригоден или не подготовлен. Такие переоценивающие себя люди нередко отличаются бахвальством, самомнением. Они могут принести немалый вред».

— Нет, это просто невозможно, — сказал я вслух, — все как будто сговорились срывать посекундное расписание и планирование моей жизни. Теперь я буду планировать свою жизнь не загодя, а погода: то есть сначала что-нибудь сделаю, а потом запишу в бортжурнал.

Вот сейчас вообще-то надо спать, и я уже спал бы, если бы мой отец не устроил мне эту сцену, а теперь надо послушать ленту магнитофона, на которой записана моя так называемая беседа с отцом; еще и воспоминания о себе надо записать шифрованным текстом. Хорошо бы попросить отца подписать текст сегодняшней сцены и удостоверить, что все так в точности и было. Но ведь текст будет зашифрован, и, взглянув на мой шифр, отец, наверное, взорвется: «Что ты мне подсовываешь какую-то китайскую грамоту!...» — и так далее и тому подобное. Ладно, обойдемся без подписи. Тем более, что весь разговор записан на магнитофон.

Вот, не даст соврать магнитофонная пленка, товарищи потомки! Я перекрутил пленку и нажал на клавишу проигрывателя, но звука никакого не было. Значит, где-то что-то не сработало. Неужели пропало столько времени даром? Может, попросить отца устроить мне эту сцену еще раз — специально для потомков? Они же могут не поверить, что мне приходилось жить, учиться, работать и готовиться в такой нечеловеческой обстановке при полном взаимном непонимании. Я прислушался. Отец еще не спал. За стеной отчетливо продолжал звучать его голос:

— «Представьте себе хотя бы молодого самоуверенного врача. У него и мысли не появится, что поставленный диагноз неплохо бы перепроверить, посоветовавшись с опытными коллегами. В результате неверно определена болезнь, неверно назначено лечение... А разве приятны самоуверенные люди в общении? Жить, работать рядом с ними?...»

«Интересно, к чему это папа вдруг заговорил о врачах», — подумал я.

Снова приготовил магнитофон к записи, проверил его:

— Раз-два-три! Раз-два-три! Дается проба! Дается проба!

Прослушал звук — все было в порядке, и я вышел в столовую...

ВОСПОМИНАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ Его величество — человеческое электричество

В столовой папа действительно читал маме какой-то журнал:

— «С ними трудно. Они всегда все знают, неспособны к самокритике, не терпят возражений, обрывают собеседника на полуслове. И никогда не заметят, что обидели, унизили товарища. Если самоуверенность и приводит иногда к успеху, то он, как правило, случаен, под ним нет твердой основы. Так что не стоит им завидовать».

Не дожидаясь, когда папа закончит читать, я сказал:

— Папа, надо повторить!

— Что повторить? — удивился он.

— Сцену, — пояснил я.

— Какую сцену?

— Надо повторить еще раз сцену, которую ты здесь мне устроил, — сказал я.

— Какую сцену? — переспросил папа, вытаращив глаза. — Что ты называешь сценой?

— То, что... мы недавно разыграли здесь в столовой, — объяснил я. — Да, называю это сценой, и ее надо повторить слово в слово.

— Как повторить,— удивился папа еще больше.— Почему повторить?

— Понимаешь, магнитофонная пленка не записала. Я сейчас восстановлю все наши реплики, и мы повторим все сначала.

Я сел за стол и стал, как всегда, делать три дела сразу (писал, разговаривал с папой, левой рукой сжимал теннисный мяч). Я писал, восстанавливая слово за словом все, о чем мы говорили за столом с папой.

Я вообще-то могу писать одновременно левой и правой рукой, причем разный по смыслу текст, но если бы я это стал делать, то привел бы отца окончательно в шоковое состояние. Поэтому я писал скоро, но нормально — только правой рукой.

Быстро восстановив текст нашего разговора, я протянул его отцу и сказал:

— Здесь все, что ты мне говорил, только перед записью на пленку надо над ролью отца хорошенько поработать.

— Над какой ролью? Какого отца? Перед какой записью? — ничего не понял папа.

— Объясняю,— терпеливо произнес я,— ты, папа, только вложи в свои слова побольше ярости и говори почетче... и вообще конфликтуй,— посоветовал я ему,— по-серьезному.

— Как? — вскричал папа, до которого только сейчас и дошло, что я буду записывать состоявшийся наш разговор на магнитофон.— Меня в моем собственном доме, мой собственный сын будет записывать на магнитофон, да еще при этом будет режиссировать и называть мои слова репликами и указывать мне, что мне говорить и даже как мне говорить?! Сегодня меня записывают на магнитофон, а завтра... — на слове «завтра» папа чуть не задохнулся,— а завтра меня, может быть, будут еще и снимать на кинопленку?!

— Минуточку,— сказал я, перестав делать два дела (писать и накачивать мышцу левой руки), папина мысль мне понравилась.

Как это мне самому в голову не пришло снять документальный фильм из моей жизни. Снятый и озвученный фильм! Что может быть более достоверным.

— Минуточку! — воскликнул я. — Это идея! Сегодня ты, папа, можешь спать, а завтра мы эту сцену и озвучим и снимем!

— Завтра снимем?! — закричал папа.— Впрочем, я не уверен, не уверен, что меня уже сегодня, сейчас почему-то и для чего-то не снимают!..— С этими словами он вскочил со стула и, схватившись за голову руками, скрылся в своей комнате.

— Нет, я один с ним не справлюсь,— донесся его голос, и неожиданно высунув голову из полуоткрытой створки двери, он сказал: — Я тебя предупреждаю, что я сейчас же обзвоню всех наших родственников. Я с тобой один не справлялся, не справляюсь и никогда не справлюсь! Вот сейчас позвоню твоему дяде Пете, и дяде Мише, и дяде Сене, и тогда ты увидишь! Вместе с дядями-то мы уж тебя скрутим в бараний рог!

— Эти слова и эту сцену,— сказал я,— тоже надо бы записать и снять на пленку.— Затем со словами: «Ничего, снимем завтра, раз я сказал снимем, значит, снимем» — я тоже направился в свою комнату.— А насчет помощи... это даже интересно, как это у вас получится и что это у вас получится?..

— Кстати,— оживился папа по ту сторону двери,— я не хотел тебе говорить, но скажу, что с дядей Петей к нам придет один его знакомый. Он-то тебе и внушит кое-что. Потому что, видно, только такой человек, как дяди Петин знакомый и может внушить тебе кое-какие полезные мысли!

На словах «внушить тебе кое-какие полезные мысли» я перебил отца и громко произнес:

— Пап, ну неужели ты веришь, что...

— Я хочу в это верить, хочу хотя бы верить! — воскликнул отец за стеной. За стеной физически ощутимого непонимания, которое стало нас разделять с отцом с некоторых пор. Но стена стеной, дяди Петин знакомый дяди Петиным знакомым, а о внушении, вернее, о контрвнушении следует серьезно подумать. При встрече со мной как с представителем земной цивилизации инопланетяне тоже могут попытаться внушить мне что-нибудь внеземное. Кое-что у меня для этого припасено. Кое-что, кое-что!.. Я подошел к книжной полке и снял с нее брошюру кандидата медицинских наук «Внушение в медицине». «Может быть, дяди Петин знакомый, способный, по мнению папы, внушить мне полезные мысли, имеет какое-нибудь отношение к медицине,— подумал я.— Ничего, мы проверим, какое отношение имеют товарищи родственники к внушению». Затем я открыл дверь в столовую.

— Кстати, папа,— сказал я, высовывая голову из дверей,— а дядя Петя какой кончил вуз?..

— Институт тонкой химической технологии имени Ломоносова,— сказал отец.

— А дядя Миша?

— Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева.

— А дядя Сеня?

— Воздушную академию имени Жуковского. А зачем тебе это знать?

— Узнаете,— сказал я.

— Через двадцать пять лет? — спросил отец.

— На этот раз пораньше,— сказал я...

«Институт тонкой химической технологии имени

Ломоносова... сельскохозяйственный вуз и воздушная академия...», — повторил я про себя и взглянул на балкон. Мне показалось, что там за стеклом балконной двери промелькнула чья-то тень, но я не придал этому никакого значения. Я потянулся и сказал:

— Ну, денек, не хватает только сейчас еще обнаружить где-нибудь стихи. Сейчас вот открою одеяло, и на простыне лежит листок со стихотворением.

Я отдернул одеяло и действительно увидел на простыне листок с написанными столбиком словами, так записывают только стихотворения...

— Ладно, почитаем, — сказал я спокойно и прочитал вслух:

«Взялся ты за дело,
Взялся неумело
И гадаешь: почему?
Да потому, да потому,
    Что это плохо,
    Очень плохо,
    Если нет в тебе,
    Нету тока.
    Если нет в тебе
    Его величества —
    Человеческого электричества.
Говоришь лениво:
Почему все криво?
Не выходит почему?
Да потому, да потому,
    Что это плохо,
    Очень плохо,
    Если нет в тебе,
    Нету тока.
    Если нет в тебе
    Его величества —
    Человеческого электричества».

Между прочим, мне это последнее стихотворение про электричество больше всех понравилось, как будто кто-то мои мысли подслушивает... Словно из моего мозга идет какая-то утечка информации.

На днях я только думал, как раз на уроке естествознания, об электрическом скате. Даю справку из Большой советской энциклопедии по памяти: скаты (от скандинавского) — подотряд рыб отряда акулообразных. Кожа голая или усаженная шипами. Скелет хрящевой. Голова и туловище уплощены в спинно-брюшном направлении. Длина тела до трех метров, вес до ста килограммов. Семейство электрических скатов... Вот вам, пожалуйста, его величество — скатское электричество. Он обладает электрическими органами, расположенными по бокам головы, напряжение тока до трехсот вольт, сила тока — семь-восемь ампер... Ну, скажите мне, товарищи потомки, зачем этому скату электричество, когда им по праву царя природы должен обладать человек типа ПСИП-1. Я, значит, хожу и думаю, как бы это и где бы это расположить в теле человека эти самые электрические органы? Думаю, что лучше всего — сбоку под левой и правой рукой. (Смотри чертеж туловища ПСИПа в моем бортжурнале!) Я, значит, хожу и ломаю голову, да трачу свое человеческое электричество, а мне:

«...Взялся ты за дело,
Взялся неумело...

. . . . .

Что это плохо,
Очень плохо,
Если нет в тебе,
Нету тока.
Если нет в тебе
Его величества —
Человеческого электричества».

А как же: «Идешь на бой,
Лицо открой»?!

А сами!.. Анонимы бестолковые! Мобулидаи несчастные! Я не ругаюсь, товарищи потомки, мобулидае — это значит скат, морской дьявол. Значит, мобулидаи — это морские дьяволы. С криком: «Мобулидаи!» — я вышел на балкон.

Когда я вышел на балкон, мне показалось, что мой сосед Вертишейкин замаскировался за решеткой своего балкона и глядит в бинокль — ведет наблюдение за моей комнатой.

— Трусy! — сказал я еще громче. — Трусy! Сами пишут: идешь на бой — лицо открой — вот смелости начало! А сами, — сказал я, возвращаясь в комнату, — стреляют из-за угла отдельными самодельными стихами! Вы стреляйте в меня полными собраниями сочинений!

При слове «стреляйте!» дверь открылась, и в комнату заглянул испуганный отец и скрылся.

— Я не боюсь! Чедоземпр не боится ничего и никого на свете. Он боится только одного: не-по-ни-ма-ния!

Как чедоземпр, я думаю, что если между людьми существует понимание, то оно должно быть полным. Если же понимания нет, а есть полное непонимание, — тем лучше! В конце концов, чедоземпр должен уметь переносить не только физические перегрузки, но и моральные. Пусть все дается нелегко. Зато будет о чем вспомнить на пресс-конференции.

ВОПРОС сверхкосмонавту Иванову СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»: Товарищ Иванов, говорят, что в детстве вы тренировались в трудных условиях и окружены были, ну, что ли, некоторым непониманием взрослых... Правда ли это?

ОТВЕТ сверхкосмонавта Иванова (*просто*): Что было, то было, скрывать не буду! Есть документы. Я имею в виду школьный дневник с «резолуциями» классной

руководительницы и отца! Есть магнитофонные записи... *(Смех!)*. Есть кое-какие документальные фильмы... *(Аплодисменты)*.

ВОПРОС СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТАЙМС» сверхкосмонавту Иванову: Господин Иванов, говорят, что вы стали единственным и первым в мире чедоземпром, псипом и свержсом, потому что еще в детстве провели курс специальных, вами разработанных тренировок? Не расскажете ли вы, в чем именно был секрет этих тренировок?

ОТВЕТ сверхкосмонавта, чедоземпра и псипа Иванова: Будет время, все расскажем! *(Смех. Аплодисменты)*.

Были мне заданы и еще какие-то вопросы, но это уже когда я спал.

Обычно я засыпаю сразу же и сплю без всяких сновидений, но на этот раз почему-то впервые в жизни сработала только первая половина обычного. То есть заснул я, как всегда, сразу же, но вскоре мне приснился редкий сон в моей жизни. (Откуда я узнал, что «вскоре», это я объясню позже.)

Снилось мне, будто бы я, как обычно, иду в Измайловский парк тренироваться на карусели как на центрифуге. Иду нормально, как будто бы даже не во сне. По сторонам оглядываюсь, чтоб за мной никто не следил. Вдруг навстречу Колесников. «Чего это ты в парк зачастил?» Я ему в ответ ничего не сказал и прошел мимо. Оглянулся. Смотрю, Колесников-Вертишейкин за мной голову поворачивает. На сто восемьдесят градусов (как в жизни!). Я ему погрозил пальцем. Тогда он поворачивает голову на все триста шестьдесят (это уж как во сне, конечно!) и исчезает. Тогда я подхожу к кассе за билетом. А вместо кассирши сидит в кассе из нашего класса... ну та, которая в космос, может быть, стюардессой полетит. Но я все равно на нее, как тигр, смот-

рю — сквозь нее и протягиваю молча деньги в окошко. А она мне вдруг говорит: «Вам, Иванов, сегодня без денег!» Я отвечаю: «Тем лучше». Подхожу это я к калитке. Смотрю, вместо контролера Маслов с физиками и лириками стоит. А вместо детской карусели за забором настоящая центрифуга — длинный горизонтальный рычаг, на одном конце противовес, а на другом конце кабина космонавта, только какой-то странной формы. Я, конечно, про себя немного удивился, очень незаметно. Подхожу к центрифуге (как кошка к аквариуму). Разглядываю. Странная кабина. Заграничная, что ли? Впереди четыре ребра и какой-то большой выступ. «Ну, Иванов, — спрашивает меня Маслов, — как думаешь, какой фирмы центрифуга?» Но меня на детский вопрос не поймает. Я в центрифугах разбираюсь, как большой, и не только во сне, как Маслов. «Это центрифуга, — говорю я, — скорее всего американской фирмы «Локхид»!» Лирики и физики как захохочут. А Маслов вдруг говорит громко, будто в гигантский мегафон, словно на весь мир хочет меня опозорить: «И фирмы не «Локхид», а фирмы «Фиганим», потому она и называется не центрифуга, а цен-три-фи-га!» Я смотрю свирепо на кабину и вижу: четыре ребра — это четыре согнутых пальца, а большой выступ — это кукиш. Значит, Маслов правильно меня информировал. И все это действительно не центрифуга, а самая позорная цен-три-фи-га! А вокруг все смеются, заливаются. Всякие реплики бросают: «Садись, Иванов! Все равно бесплатно!», «Она у нас пятикратно усиливает перегрузки!..»

Так. Значит, от этих лириков и физиков и во сне уже покоя нету?..

С этими мыслями я набросился на всех сразу и стал бросать ребят по одному за ограду цен-три-фи-ги. Думал я в это время об одном: только бы в эту минуту мне не приснилась наша классная руководительница.

Еще приснится и помешает расправиться с этими чене-земпрами. Хоть и во сне, а все-таки помешает. Но она мне, к счастью, не приснилась. Только Маслов, когда я его схватил за грудки, сказал почему-то папиным голосом: «Все тот же сон!..» Я размахнулся изо всех сил, чтобы дать трепку Маслову, но в это время меня кто-то схватил за руку. Причем этот кто-то был не во сне, потому что, когда я оглянулся во сне, я чувствовал, что меня кто-то держит, но не видел кто. Тогда я сразу же нарочно проснулся, чтобы расправиться с тем, кто меня держит. Я открыл глаза и... увидел отца. Это он держал мою руку не во сне, чтобы я не расправился с Масловым во сне.

— Все тот же сон,— мягко сказал папа голосом мамы, отпуская мою руку.— Можешь поллюбоваться,— сказал он маме,— он уже не только наяву, он уже и во сне воюет!..

— Чедоземпр Юрий Иванов контролирует все свои поступки только наяву, но теперь я должен научиться держать себя в руках и во сне,— сказал я в свое оправдание.

— Во сне? — вскричал папа.— Да ты наяву...

Здесь мне в голову пришла до смешного простая и, я бы сказал, великая мысль: «А что, если научиться бодрствовать во время сна и спать во время бодрствования?» У меня даже дух захватило от перспективы, которую открывала эта мысль. Только бы научиться! Можно было одним этим прибавить к своей жизни чистых семьдесят пять лет! Ведь в среднем семьдесят пять лет мы проводим наяву и семьдесят пять лет во сне! $75 + 75 = 150$ годам! Я стал вспоминать, есть ли в природе существо, которое работает во сне и спит во время работы? В моих энциклопедических знаниях явно было какое-то белое пятно. Существует, конечно, анабиоз. Анабиоз — это состояние организма, при котором

жизненные процессы настолько замедленны, что отсутствуют все видимые проявления жизни. Анабиоз наблюдается при резком ухудшении условий существования (низкая температура, отсутствие влаги). При наступлении же благоприятных условий у организмов, впавших в состояние анабиоза, происходит восстановление жизненных процессов.

Нет, анабиоз — это бездейственное состояние организма. А что, если анабиоз... А что, если ты в анабиозе, но... но ты не спишь! Ты двигаешься, разговариваешь, ходишь с открытыми глазами, занимаешься, что-то делаешь, но вместе с тем ты в одно и то же время спишь. Это будет такое состояние, в котором ты одновременно и работаешь и отдыхаешь, то есть ты тратишь силы и в то же время восстанавливаешь их. Это же что-то вроде вечного двигателя! Я так раз... разволновался (разволновался, конечно, спокойно), что даже представил себе такую пресс-конференцию.

Скажем, кто-то, где-то, когда-то собирает советских и иностранных журналистов и даже не где-то, а именно в шахматном клубе. В зале кроме журналистов, конечно, полно перворазрядников и гроссмейстеров. Ведущий пресс-конференцию просит соблюдать в зале абсолютную тишину. За столом сижу я, представители различных спортивных организаций и какой-нибудь очень известный врач. Ведущий просит задавать мне вопросы. Предположим, меня спрашивают, как я познакомился со спортом. Я отвечаю, что познакомился со спортом еще в детстве. Увлекался всеми видами спорта, и в том числе шахматами.

— Нам известно,— спрашивает кто-то,— что вы должны были играть со многими гроссмейстерами.

— Не только с гроссмейстерами,— отвечаю я,— очень интересные люди есть и среди не очень именитых представителей шахматного искусства.

— Случалось ли вам играть с вашими друзьями?

— Я их слишком уважаю, — отвечаю я, — чтоб навязывать себя в партнеры, и не эксплуатирую их доброго отношения.

Затем мне будут заданы еще всевозможные вопросы на разные темы. И после того как любопытство присутствующих будет удовлетворено, ведущий пресс-конференцию скажет: «А сейчас состоится сеанс шахматной игры. Псип, сверкс и чедоземпр Юрий Иванов вызывает любого на бой».

Тогда на сцену выйдет какой-нибудь гроссмейстер, и я сыграю с ним партию. И может быть, даже и выиграю, то есть даже наверняка. Затем ведущий снова попросит тишины в зале и сделает следующее чрезвычайное заявление: «Дорогие товарищи, — скажет он, обращаясь к зрительному залу, — в том, что Юрий Евгеньевич Иванов выиграл или, скажем, даже проиграл эту партию, казалось бы, нет ничего удивительного, но дело в том, что как раз во всем этом есть кое-что удивительное: Юрий Евгеньевич выиграл партию в спящем состоянии».

В зале, конечно, после этих слов поднимется шум, все закричат: «Как в спящем? Почему в спящем? Ведь он же не спит! Он же разговаривает, шутит, смеется и даже играет в шахматы!»

И тут ведущий снова скажет: «В том-то и дело, что Юрий Иванов, Юрий Евгеньевич Иванов, хотя и разговаривал, шутил и играл, все же находился и сейчас находится в спящем состоянии, что и удостоверит присутствующий здесь профессор».

Седовласый профессор удостоверит, что я действительно нахожусь по частоте пульса, по глубине дыхания в спящем состоянии, и все придут в необычайное изумление. А ведущий скажет, что это и есть новое и невероятное открытие псипа, сверкса и чедоземпра

Юрия Евгеньевича Иванова, заключающееся в том, что человек спящий может бодрствовать, а бодрствующий — может спать, не теряя даром ни минуты времени.

На этом воспоминания Иванова обрываются. Затем он начинает вспоминать утро следующего дня...

ВОСПОМИНАНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Зеленый шум

...Когда я проснулся, первое, о чем я подумал: как мне проучить всех этих жалких шпионов. Я решил это сделать сегодня же утром, после зарядки и завтрака. Я вышел на балкон на яркий утренний свет, потому что услышал на дворе какой-то подозрительный шум. Но вы знаете, что «лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать», гласит народная мудрость. Ну, а что делать, если наши глаза не все способны разглядеть? Взять, к примеру, свет (самое темное место в физике, как считают ученые). Видимый свет — это электромагнитные излучения, которые мы ощущаем. Такое излучение дают волны, длина которых лежит в определенном диапазоне. Но стоит только волне «перебежать» границу в правую или левую сторону, как она превращается в невидимку. Инфракрасную и ультрафиолетовую области оптического спектра мы не видим. Но я, как вы сами понимаете, вышел на видимую часть света, и что же? Вертишейкин рассматривал меня в упор в бинокль.

— «Большое видится на расстоянии!» — сказал он мне нахально вместо «здравствуйте!» — Это как сказал Есенин, — пояснил Вертишейкин.

— Большое видится И на расстоянии, как сказал Иванов,— поправил я Вертишейкина и Есенина.

Я нарочно потянулся и прислушался к себе. Все анализаторные системы моего организма работали прекрасно. Кристаллы углекислых солей давили на мембрану моего уха, сигнализируя об идеальном состоянии моего слуха. Я прекрасно слышал все, что происходило вокруг меня, надо мной и подо мной.

Внизу, возле ворот дома дежурила, громко о чем-то переговариваясь, масловская дружина.

— Все равны, как на подбор. С ними дядька Черномор! — пояснил Вертишейкин, кивнув головой в сторону Маслова.

А я сказал:

— Зеленый театр... — зеленый шум! — при этом мне показалось, что что-то когда-то вроде этого было в моей жизни. Вот так же кто-то стоял, чего-то от меня требовал, я с кем-то ругался... Или я что-то об этом читал в какой-то книжке?.. А не все ли равно с кем, когда и что было?! Не отвлекайся, Иванов, не отвлекайся от Перигея, который ты сейчас покажешь своим одноклассникам. Они хотят проникнуть в твой Апогей, но пока еще рано, рано еще проникать им в твой Апогей. Вообще-то Апогей самое дальнее удаление сверхкосмонавта от Земли. Мой Апогей — это, когда я выполняю порученное мне самое трудное задание на свете, а Перигей — это самое близкое приближение к Земле сверхкосмонавта. Это примерно вообще, а в данном случае мой Перигей — мое самое близкое приближение к моим земным делам и заботам. И сегодня, скажем, через час, я начну, как говорится, приоткрывать завесу, я позволю заглянуть в щелочку забора, как бы существующего вокруг меня в моей жизни, я позволю заглянуть в щелочку этим сгорающим от любопытства. Да не сгорающим, а, точнее, тлеющим от любопытства ченеземпрам! Колесников-

Вертишейкин не сводил с меня молящих глаз, стараясь при этом даже не моргать, чтобы не пропустить чего-нибудь. У него даже слезы на глазах выступили от напряженного внимания.

— Часа через два мы многих недосчитаемся,— сказал я задумчиво.

— В живых? — заинтересовался Вертишейкин.

Эта фраза для него сразу же запахла антологией таинственных случаев. Он подождал моего ответа и вежливо переспросил:

— Недосчитаемся в живых?

— В еле живых,— объяснил я.— Пересчитай всех по цифровой системе,— приказал я Вертишейкину.

— Ох и интересный же ты человек,— сказал Вертишейкин, и как мне показалось, с неподдельным восторгом.— Ну до чего же ты интересный человек, Иванов! Вот есть цирк, кино, телевидение, театр, а ты один — все, вместе взятое!

— Ты вот что, Вертишейкин, ты слов так зря не бросай, ты пойди и запиши, что я интересный человек и, так сказать, что я все, вместе взятое, запиши и покажи это моему отцу.

— И маме? — спросил Вертишейкин.

— Маме не надо, мама и без тебя знает, что я интересный человек и, так сказать, все, вместе взятое!

— Хорошо,— сказал Колесников.

— Не «хорошо», — поправил я Колесникова, — а слушаюсь.

— Слушаюсь,— поправился Колесников.

— И вот что еще... Раз уж антология таинственных случаев, так антология,— сказал я, а про себя я подумал, что это хорошо и правильно, что я уже сейчас записываю о себе воспоминания, но еще лучше, если будет записывать обо мне воспоминания еще кто-нибудь, ну, скажем, тот же Колесников-Вертишейкин. И еще я

подумал, что этот Колесников-Вертишейкин со своим заурядным умом сам не разберется, что произойдет в парке на его глазах, поэтому я сказал:

— Ты, Вертишейкин, со своим детективным умом сразу не разберешься и не поймешь, что сейчас произойдет, поэтому я тебе объясню. Все это тоже, между прочим, запиши. Значит, так: сейчас я выйду на улицу и побегу в ЦПКиО, в парк, туда, где аттракцион, понял?

Вертишейкин кивнул головой, что он все понял.

— До парка со мной добежать сумеет только Маслов, остальные не выдержат и отстанут. Чтобы не подумали, что Иванов сбежал, и чтобы не искали по всему парку попусту, я тебе скажу, где мы с Масловым будем.

— Это тоже записывать?

— Это тоже записывай,— сказал я.— Значит, там в парке есть всякие аттракционы: ну, «Трабант», «Миксер», «Веселый поезд», «Чашечки», там автодром, кареты, карусель, «Музыкальный экспресс», аттракцион «Твистер», двухрядная карусель, «Ракетоплан-1», «Ракетоплан-2», «Мертвая петля». Так вот, я, в основном, буду развлекаться на аттракционах, возле которых висят такие предупреждающие таблички: «Лицам, страдающим головокружением, сердечными и другими недомоганиями, посещать аттракцион не рекомендуется». Значит, все будет происходить, как я тебе сказал, понимаешь? — спросил я Вертишейкина.

— Фифти-фифти,— ответил Вертишейкин,— как говорят американцы, пятьдесят на пятьдесят. Ох и интересный же ты человек, Иванов. С одной стороны, понятный, с другой стороны, в тебе черт ногу сломит. Все в тебе непонятно и загадочно.

— Ладно,— сказал я Вертишейкину,— только время поможет тебе во мне разобраться! — С этими словами я вышел во двор. При виде меня все мои соученики напряглись, как один.

— Совсем недавно, — сказал я, — английская подводная лодка «Пайсез-3» с двумя исследователями на борту затонула. На глубине 1575 футов (примерно 473 метра) корма «Пайсеза-3» ударились о дно — удар был не столь ошеломляющим, как ожидали, — и на несколько десятков сантиметров лодка погрузилась в ил. Подождав несколько минут, подводники обшарили лучом карманного фонаря внутренность лодки: повреждений как будто не было.

Чэпмен сообщил о результатах осмотра на базу. «Расслабьтесь, — сказал руководитель работ Хендерсон тоном столь спокойным, как будто заказывал обед. — Держите атмосферное давление. Не делайте усилий больше, чем это необходимо. Мы спустимся за вами, как только на место прибудет еще одна «Пайсез». Совет «не напрягаться» имел глубокий смысл. Дело в том, что запас кислорода, рассчитанный на семьдесят два часа (девять из них уже прошли), можно было «растянуть»: если «пленники моря» сохраняют спокойствие и физически пассивны, кислород тратится значительно медленнее... Соображаете? Так что экономьте кислород, «не напрягайтесь»... Расслабьтесь... Кутырев, ты, например, очень напряжен. Сначала ноги расслабь, потом руки. Смотрите, как я стою. Видите, как у меня спокойно висят руки вдоль тела. Левая нога свободно отставлена в сторону, правая, хоть я на нее и опираюсь, тоже не напряжена.

Мои одноклассники зашевелились, задвигали руками и ногами, стараясь внять моему умному совету.

— Это я вам вместо «здравствуйте», — продолжал я, — а вместо «как живете» я вам вот что скажу: объем тела самого крупного муравья измеряется кубическими миллиметрами, объем же муравьиной кучки вместе с ее подземной частью — кстати, тоже удивительное творение из лабиринтов сложнейших ходов и камер — в

сотни тысяч раз превосходит размеры «строителя». Если сопоставить объем всех сооружений крупной муравьиной колонии с отдельным ее жителем, то получится, что относительный размер муравейника в восемьдесят с лишним раз превосходит масштабы пирамиды Хеопса. Значит, с одной стороны, мураши, мурашишки, мурашишечки, а с другой стороны, что?..

Все напряженно молчали.

— Что же все-таки с другой стороны? — переспросил я всех сразу.

— А с другой стороны, «я царь или не царь?» — сказала, набравшись смелости, Вера Данилова.

— Правильно, Данилова, — поддержал я. — Только чего «царь или не царь»? — переспросил я Веру Данилову и всех сразу и сам ответил: «Я царь или не царь природы?!» Нет, не царь! Пока не царь! «Пока» я говорил как бы в двух смыслах сразу: в смысле пока — человек еще не царь природы и пока в смысле: до свидания. Понятно? А сейчас, — продолжал я, — давайте мысленно произведем четкую загрузку мышечной системы. Даю команду: бегом, шагом марш! Вы, конечно, подумали: опять этот Иванов дает какую-то странную команду. А ничего странного, между прочим, в этой команде нет. Поясняю: то, что для всех бегом, для Иванова — шагом! Значит, бегом, шагом марш!

И я побежал по московским улицам по направлению к Центральному парку культуры и отдыха имени Горького.

ВОСПОМИНАНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Я сам себя сыграю

«Сначала все полезут за мной на любой аттракцион, — думал я на бегу. — Потом с каждым новым ат-

тракционным желающих будет все меньше и меньше, а я буду кататься и развлекаться до тех пор, пока Маслов тоже не выдержит и, как говорится, сойдет с дистанции. Я же все равно буду продолжать кататься и развлекаться. И когда я накатаюсь досыта, тогда я пойду в Сандуновскую баню попариться. Часть ребят, наверное, потащится за мной и в баню, но париться, конечно, никто не будет вместе со мной, разве только Маслов. Я попарюсь, потомкупаюсь в бассейне, потом опять попарюсь, потом опять покупаюсь в бассейне, потом немного отдохну и приду в школу. Наш класс занимается во вторую смену, но говорят, что в будущем учебном году мы будем все учиться только в первой смене».

Дальше в тетрадке сохранились лишь обрывки фраз. В ЦПКиО имени Горького на аттракционах все происходило так, как и предполагал Юрий Иванов: «развлекаться» с ним на аттракционах начали все ребята, а закончил эти испытания развлечением он в полном одиночестве, даже будущий космонавт Маслов и тот не выдержал перегрузок, предложенных Ивановым.

Обкатав все аттракционы, Юрий направился в Сандуновскую баню. До бани с ним еле доплелся один Маслов, но, что произошло в бане, неясно, так как в тексте отсутствуют еще страницы три-четыре. Затем Иванов продолжает описывать, как он сидел в актовом зале школы, ожидая начала уроков, и занимался сразу пятью делами...

«...Итак, после посещения ЦПКиО имени Горького и Сандуновской бани я как ни в чем не бывало сидел в актовом зале нашей школы и занимался сразу пятью делами, самым серьезным из которых были мои раз-

мышления о книге «Ораторское мастерство». Эту книгу я купил в книжном магазине по дороге в школу. Еще я купил книгу «Судебные речи». По книге «Ораторское мастерство» я собираюсь овладеть искусством красноречия, а на судебных речах обвинителей я собираюсь тренировать свое красноречие. Обе книги я прочитал в сквере минут за сорок. Дело в том, что я не очень-то давно овладел искусством так называемого партитурного чтения, и с помощью этой системы я могу прочитывать примерно двести-триста страниц в час. Поэтому, когда я сидел в школе, я уже не читал, а только размышлял о прочитанном. Дело в том, что мне как представителю земной цивилизации придется представлять ее на встрече с инопланетянами, а для общения с ними мне, конечно, необходимо овладеть достаточно сильным и могучим красноречием. Соотечественников я, конечно, могу и без всякого красноречия поразить первыми же попавшимися словами, но одно дело — соотечественники, а другое дело — инопланетяне! К инопланетянам потребуется, думаю, более научный подход. Из прочитанного я понял, что ораторское искусство держится на философии, логике, психологии, этике, языкознании... Мысли мои прервал вошедший в зал Борис Кутырев. Я посмотрел на него и подумал: на чем держится красноречие, я знаю, но вот на чем держится Борис Кутырев, не могу понять. В парке Кутырев не выдержал и сошел с круга уже, кажется, на третьем или четвертом аттракционе, и сейчас у него было бледно-зеленое лицо, впалые щеки и какие-то блуждающие глаза. Он посмотрел на мою книгу, опустил без сил на стул и спросил:

- Еще читать можешь?
- Могу, — сказал я.
- И на уроках сидеть будешь?
- Буду, — сказал я.

Кутырев пожал плечами и сказал:

— Ну, Иванов, видал я закоренелых развлеченцев, видал и закаленных аттракционистов, но такого, как ты, встречаю в первый раз...— Затем он взглянул на книги, которые я читал, и вздрогнул. Сверху лежала книга «Судебные речи».

— Товарищи судьи! Я приступаю к обвинительной речи на данном судебном процессе с полным сознанием его огромного значения! — громко крикнул я на весь зал. Я крикнул для того, чтобы проверить, как звучит мой голос в смысле красноречия. Голос мой звучал прекрасно, просто очень даже прекрасно.

Кутырев вздрогнул, посмотрел на меня с ужасом, а в глазах его можно было прочесть: какое там — или «влюбился», или «попал в дурную компанию», или «его какая-то муха укусила», или «его инопланетяне подменили»?! Тут определенно все сразу: и влюбился, и попал в дурную компанию, и муха укусила, и инопланетяне подменили!!! Подумав так, Кутырев бессильно и тихо спросил:

— А где все?

— Ты хочешь узнать, где все хлипаки? — переспросил я Кутырева и разозлился: — Бросил бы я всех хлипаков в речку к пираньям... во время отлива.

— Ну да,— сказал Кутырев,— тебе дай волю, ты только бы и делал, что стоял на берегу реки и бросал всех к пираньям. А когда всех перебросал, тогда бы что еще стал делать?..

Я, конечно, ответил самым презрительным на свете молчанием на такую ужасную картину, нарисованную словами Кутырева. Если бы я начал отвечать, пришлось бы рассекречивать многое — одно за другим. А я такое себе позволить не могу, поэтому я обязан был выслушать слова Кутырева совершенно спокойно, не дрогнув ни единым сверхмускулом на своем сверхлице. Не дождавшись ответа, Кутырев тяжело вздохнул и оглянулся.

— А где все? — переспросил он меня устало, но настойчиво.

— Если здесь я, значит, здесь все,— сказал я.— А остальные, по-моему, в медпункте.

Кутырев глубоко вздохнул и, наверное, подумал, что ему тоже надо бы сходить в медпункт, но у него не хватило сил подняться со стула, поэтому он остался сидеть. И потом у него было какое-то ко мне, как это я чувствовал, очень важное дело. Я с жалостью смотрел на Кутырева и думал: «Да, а ведь это только мой Перигей и даже не Перигей, а, так сказать, самое его начало».

Кутырев, видимо, понял мой взгляд, поэтому он опять вздохнул и сказал:

— Укатали сивку...

Он даже не мог договорить до конца пословицу.

— Укатали сявку,— поправил я Кутырева.

Я прислушался к своему пульсу и к артериальному давлению, проверил аппетит — он у меня был сейчас просто волчий — и подумал: «Все в норме, все в абсолютной норме, самочувствие сверхкосмонавта Юрия Иванова прекрасное!»

Затем я опять хотел погрузиться в изучение ораторского искусства и красноречия, но Кутырев опять отвлек меня:

— Слушай, Иванов,— сказал он как-то тускло и без особых красочных прилагательных, которые он обычно любит употреблять.— Я, значит, и группа товарищей решили называть наш кинолюбительский кружок «Веселый тир». Знаешь, вот есть фотоохота — это когда человек стреляет по животному миру не из ружья, а из фотоаппарата. Так вот мы тоже решили стрелять по живым мишеням, но из киноаппарата. Как ты на это посмотришь?

Я понимал, к чему клонит Кутырев, и прекрасно

догадывался, что это они снова меня избрали мишенью для своей киноохоты. Я хотел сказать Кутыреву, по своим, мол, стреляете, но не сказал, только так подумал, а сказал вот что:

— Значит, всю жизнь будешь последним делом заниматься, Кутырев?

— Почему последним? — удивился Кутырев.

— Да потому что, — объяснил я, — ты же знаешь, всякий юмор там, всякие басенки, побасенки, всякие шаржики-маржики, пасквили-масквили обычно помещают на последних страницах каких-нибудь там журналов и газет, а раз помещают на последней странице, то, значит, это дело-то последнее.

— Ну, так ведь ты-то, Иванов, ты вот как раз на четвертых страницах и будешь работать в жизни, так что мы с тобой, в общем, одним делом будем заниматься, — ответил мне Кутырев.

— Значит, ты думаешь, что я работаю и буду работать на четвертую страницу? — спросил я Кутырева.

— А на какую же еще? — удивился Кутырев.

— А ты не уверен, что я работаю даже не на первую страницу, а на ту, которая перед первой? — спросил я снова Кутырева.

— Перед первой, — ответил Кутырев, — никаких страниц не бывает. Это только в научно-фантастических романах, может быть, бывает еще какая-то страница перед первой. Но не в этом дело.

— Вот именно, говори дело, Кутырев! Что те от me надо? (в последнее время я, дорогие товарищи потомки, стараюсь не договаривать слова до конца, чтобы и на этом экономить время. Так, фраза: «Что те от me надо?» должна быть понята очень просто: «Что тебе от меня надо?»).

— Мы хотим на тебя киносатиру снять, — с этими

словами Кутырев достал из портфеля несколько страниц, отпечатанных на машинке.

— Разрешение надо спросить, разрешение у товарища Иванова, понимаете ли, а потом уже шаржики-маржики свои делать,— отрубил я.

— Так я вот и говорю с тобой, вроде как бы спрашивая разрешения,— стал оправдываться Кутырев.

Я покосился на листки в руках Кутырева, вероятно, это и была киносатира на меня, и строго сказал:

— И вообще, неправильно формулируете свои мысли. Надо говорить не «мы хотим», а «нам пришла в голову глупая идея» или «мы с ребятами уже давно мучаемся дурью!».

Кутырев обдумал мою поправку и нехотя согласился:

— Ну, хорошо,— сказал он,— нам пришла в голову глупая идея, и мы давно мучаемся дурью... снять на тебя киносатиру, то есть выстрелить по тебе из киноружья.

— А что это за киносатира? — спросил я строго.

— Да так, небольшой сюжет из твоей прошлой жизни и будущей под названием: «Звонок на перемену, или Что было, если бы Юрия Иванова назначили старостой класса».

— Покажи текст,— приказал я.

Кутырев с готовностью протянул мне листки бумаги. Товарищи потомки, во избежание фальсификации всего, что я прочитал, прилагаю к моим воспоминаниям текст, сочиненный Борисом Кутыревым, и затем продолжу свои воспоминания.

ЗВОНОК НА ПЕРЕМЕНУ, ИЛИ ЧТО БЫЛО, ЕСЛИ БЫ ЮРИЯ ИВАНОВА НАЗНАЧИЛИ СТАРОСТОЙ КЛАССА.

Фальшиво напевая «Когда я на почте служил ямщиком...», Юрий Иванов подметает сцену перед занавесом. Вбегает Миша Холин.

Миша. Иванов, хватит тебе мести, первого урока не будет.

Юрий. А что будет?

Миша. Перевыборы старосты!

Юрий. Миша, мне у тебя прическа нравится... Может, мне сделать такую...

Юрий и Миша скрываются за занавесом. Из репродуктора, висящего на авансцене, доносится шум. Голос: «Предлагаю выбрать старостой класса Юрия Иванова. Он хорошо учится, дисциплина у него тоже хорошая, скромный, деловитый, в общем, хороший парень... Кто «за»? Прошу поднять руки!.. Единогласно! Принимай дела, Иванов! Поздравляем!..»

Снова шум.

Занавес открывается.

Миша. Все свободны!

Коля. Кроме участников концерта. Уточним программу... и кое-что подрепетируем...

Маша. Я думаю, по поводу программы надо с Ивановым посоветоваться, он теперь староста — значит, это его тоже касается...

Зоя. Правильно!

Коля. Согласен. Юра Иванов, иди сюда!

Юрий. Я здесь. В чем дело?

Коля. Юра, сегодня вечером выступает наш кружок самодеятельности.

Юрий. Ну и что?

Миша. Каждый участник концерта составил программу, а какая из них лучше, мы не знаем, решили с тобой посоветоваться. Как ты думаешь, с чего лучше начать концерт? Маша предлагает с художественного чтения, а Зоя — с пения.

Юрий. Ребята, ну какой же я вам советчик? Концерт меня не касается...

Коля. Что значит — не касается? Ты староста.

Руководитель. Вот и начинай. Тебя теперь все касается. Так с чтения или с пения начинать?

Юрий. Ребята, консерватории я не кончал, в пении я ничего не понимаю. Мне медведь на ухо в детстве наступил, так что... И вообще... я простой ученик.

Коля. Ну, положим, ты, Юрий, был простой ученик, а теперь ты наш староста, и у тебя уже есть стаж руководства нашим классом...

Юрий. Ну какой стаж, ребята, у меня... Я староста всего пять минут...

Сергея. Всего пять минут!.. Ты хочешь сказать: целых пять минут стажа!

Маша. А у нас, например, ни одной минуты.

Сергея. Соображаешь?.. Поэтому тебя уже и уважают в классе, и уже ценят твоё мнение.

Юрий. Ценят уже, говоришь?

Сергея. Очень ценят.

Юрий. И меня все касается?

Маша. Старосту все и должно касаться.

Коля. С тобой уже считаются. Больше того, твоим мнением уже дорожат.

Юрий (*с достоинством*). Это ты, Коля, хорошо сказал... удачно... Со мной уже считаются. Моим мнением уже дорожат.

Вадим. В конце концов, ты же умница.

Юрий. Это верно, я умница.

Лена. У тебя есть вкус, Юрий.

Юрий. Что есть, то, кажется, есть... Кто хочет ещё что сказать?

Коля. У тебя верный глаз, легкая рука. Поэтому тебя в классе уже пять минут ценят!

Юрий (*смотрит на часы*). Пять минут и сорок секунд! Прощу выражаться поточнее.

Маша. Скажу больше, тебя, Юрий, уже в нашем классе любят! Да, да, любят и даже гордятся...

Юрий. Стой, стой! Повтори, как ты сказал. Меня... что?

Коля. Тебя любят.

Юрий. Мной... что?

Коля. Тобой гордятся!

Юрий. А почему?

Миша. А потому, что у тебя есть... это... Ну, как ее...

Юрий (*подсказывает*). Ярко выраженная индивидуальность у меня есть. И я староста седьмого класса «А», что?

Коля. И ты... как староста, просто... это самое...

Юрий (*подсказывает*). Явление!

Миша. Точно... Явление...

Юрий. Я — личность!

Коля. Безусловно! Если бы ты не был личностью, разве бы тебя выбрали...

Юрий. Не возражаю...

Коля. Вот поэтому мы с товарищами и решили посоветоваться с тобой, то есть решить вместе программу концерта...

Юрий. Вместе, значит? Ну, ну, давайте, давайте, попробуйте вместе. Посмотрим, как это у вас получится... (*Многозначительно расхаживает по сцене.*) Ну, говорите, вместе. Что у вас там?

Сергея. Здравствуй!.. Мы тебе уже двадцать минут растолковываем... Вот программы, мы не знаем, на какой остановиться...

Юрий. Попрошу с уважением, с уважением попрошу... Мы еще на одной парте с тобой не сидели... так что на «вы» попрошу...

Сергея. Пожалуйста... Юрий, но мы с тобой, то есть я с вами шесть лет, сидя на одной парте...

Юрий. Сидел, а больше сидеть не будешь... Трифонов, Воробьев!

Г о л о с а. Здесь мы!

Ю р и й. Возьмите у завхоза пилу и... отпилите...

Г о л о с а. Что отпилить?

Ю р и й. Часть моей парты от его.

Г о л о с а. Да, но...

Ю р и й. Выполняйте!

Трифонов и Воробьев убегают. Юрий Иванов ставит стул на стол, влезает на стол, садится на стул.

Ю р и й. Вместе захотели! Никаких вместе, понятно? Я достаточно вырос на ваших глазах, чтобы решать самостоятельно все вопросы нашего класса. Как-никак незаурядное явление — староста, а не какой-нибудь там простой ученик... *(Читает программы и рвет их.)* Ерунда... Глупости... Прimitив... Сейчас я вам составлю программу...

К о л я. Хорошо, Юрий, составляй, но тогда разреши помочь советом тебе.

Ю р и й. А ты кто такой, чтобы мне советовать?

К о л я. Я твой товарищ по седьмому классу «А».

Ю р и й. Правильно... Товарищ по седьмому «А», а не по советам! И вообще никаких советов! Понятно?.. Сами говорили, у меня вкус, у меня ум...

М и ш а. Я говорил: один ум хорошо...

Ю р и й. Хорошо?.. И хватит!

М и ш а. Ты не дослушал. Я говорил: один ум хорошо, а два...

Ю р и й. У кого это два? Не у тебя ли? Тоже мне мыслитель нашелся... Спиноза... И прическа мне у тебя не нравится. Что это за прическа?

М и ш а. Раньше она тебе нравилась.

Ю р и й. Раньше она могла мне нравиться, а теперь она может не нравиться и может нравиться, а может не нравиться, а может...

М и ш а. И вообще прическа тебя не касается.

Юрий. Минуточку. Сами говорили, что меня все касается! Говорили?

Миша. Говорили, но...

Юрий. Никаких «но»... Кто хочет что сказать, пусть поднимет руку. *(Все поднимают руки)*.

Юрий *(снисходительно)*. Говори, Коля, говори...

Коля. Знаешь, это просто хамство. В конце концов, мы можем обойтись и без твоих советов. Ты староста класса, а не кружка самодеятельности, консерватории ты не кончал...

Юрий. Кто не кончал консерватории?.. Я не кончал консерватории?.. Ха-ха! Да вы знаете, что я окончил Московскую консерваторию?!

Миша. Это когда же ты ее окончил?

Юрий. Когда я был вундеркиндом... От двух до пяти... по вокалу!

Коля. Слушай, Юрий, ты же говорил, что тебе медведь наступил на ухо в детстве.

Юрий. Мне медведь?.. Это я медведю наступил!.. На ухо! Понятно?

Зоя. Что с ним такое случилось?.. Неужели мы его так перехвалили?

Миша. А по-моему, это звонок.

Зоя. Какой звонок?

Миша. На первую перемену — видите, как человек переменялся... с первого звонка. Выбрали старостой, и вот вам, пожалуйста...

Юрий *(пишет и бормочет)*. Ни один ваш номер у меня не пройдет, а вот мои номера...

Коля. А вот твои номера у нас не пройдут! Ну-ка слезай! Десять минут, как староста, а насорил... Снимаю его, ребята!.. А то он что-то очень оторвался от пола...

Мальчишки и девочки снимают со стола стул, на котором сидит Юрий Иванов.

Миша. И совершил мягкую посадку в районе своего взлета! *(Протягивает Иванову метлу.)* Держи!.. Подметешь мусор, приходи в класс на свои перевыборы!

Юрий *(тихо, вежливо)*. Ребята, а как же насчет поговорить? Вы ведь как будто хотели со мной что-то обсудить... вместе, как говорится...

Миша. Спасибо, Юрий, нам кажется, что мы обойдемся без твоих советов.

Коля. Лет до ста расти нам без старосты, без такого, как ты...

Юрий. Значит, все?

Мальчишки и девочки *(в один голос)*. Все! *(Скрываются за занавесом.)*

Юрий *(задерживает Мишу)*. Хорошая у тебя прическа, я все думаю: не сделать ли и мне?

Коля. Думай... Думай! Кстати, Иванов, поздравляю тебя с рекордом!

Юрий. С каким?

Миша. С всесоюзным!.. Ты был старостой класса всего десять минут и восемь секунд.

Юрий *(смотрит на часы)*. Извините, десять минут и девять секунд... Поточнее надо считать...

Миша. Все равно — рекорд! *(Уходит.)*

Оставшись один, Юрий Иванов взмахивает щеткой и метет пол, фальшиво напевая: «Когда я на почте служил ямщиком...»

Пока я окидывал взглядом сочинение, которое вы только что прочитали, Кутырев, по-видимому во избежание неприятностей, оказался у самых дверей.

— Кто меня будет играть?.. — спросил я грозно.

— Маслов... — заикаясь, ответил Кутырев.

— Не пойдет! — отрезал я.

— Но лучше его тебя никто не сыграет.

— Есть, которые сыграют и получше,— ответил я загадочно и задумчиво покачал головой.

— Это, к примеру, кто же? — удивился Кутырев.

— К примеру... это я! Я могу сыграть самого себя лучше всякого Маслова...

ВОСПОМИНАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Иванов, к директору и с дневником!

Кутырева так удивило мое предложение, что он долго молча просто стоял и просто не верил тому, что я сказал, и только когда я еще раз подтвердил свое желание, он сказал изумленно:

— Слушай, Иванов, а ты можешь сам себе разрешить сняться в фильме, где ты будешь играть самого себя? — спросил меня Кутырев.

— Почему это не разрешу, себе я разрешу, а другим никогда. Только я сам себе и могу разрешить, а больше мне никто не сможет разрешить,— подтвердил я.

— Тогда вот тебе роль. Выучи.

Я взял из рук Кутырева текст киносценария. Какого киносценария?! Между нами говоря, это была чистая фальшивка, не похожая ни на мою прошлую жизнь, ни на будущую. Но меня во всем этом заинтересовало вот что: во-первых, отсняв сам себя, я могу потом отснять с помощью Кутырева и сцену с папой, которую я грозился ему заснять на пленку; во-вторых, мне было интересно, как говорится, сравнить две мои жизни, одну — мою истинную жизнь, которой я жил, и вторую — жизнь, которая представлялась моим соотечественникам. А текст?.. Что ж текст... Текст со временем можно переделать, я имею в виду дикторский текст. Об этом я

и поведал все еще ошалело глядевшему на меня Кутыреву.

— Текст, конечно, нужно будет изменить,— сказал я.

— Как изменить? — забеспокоился Кутырев.

— Нет, не сейчас,— успокоил я его,— а со временем... Пойми же, из всего, что ты накорябал, только два слова имеют ко мне, и то очень отдаленное, отношение!

— Какие два слова? — обиделся Кутырев.— Почему только два? Здесь к тебе имеют отношения все слова! Я не корябал, а написал их в минуту вдохновения... И ведешь ты себя так вот нахально, и поешь фальшиво. И с уроков пения сбегаешь...

— А почему я вообще-то не занимаюсь пением, вы об этом не задумывались? И если пробовал петь на уроках пения и пел фальшиво, то почему? Вы об этом не подумали? — спросил я Кутырева.

— Ну потому, что тебе в детстве, наверное, медведь на ухо наступил,— предположил Кутырев.

— Мне медведь? На ухо? — переспросил я грозно. И пошел на характер.— Мне медведь?! Это я однажды шел по тайге и наступил медведю на ухо!

— Это на тебя похоже,— смирился Кутырев.

— Но вообще — это же не снайперский выстрел из этого, как его, из... киноружья, что ли? Разве ты, Кутырев, сам не видишь?

— Мы, к сожалению, о тебе ничего не знаем,— стал оправдываться Кутырев.— Где ты учился, как ты учился?.. Но не всегда же ты был таким гигантским нахалюгой и хвастливым всезнайкой, каким ты выглядишь сейчас. Сейчас, правда, у нас создана комиссия по расследованию твоего, я не хочу сказать темного, я хочу сказать твоего неясного прошлого.

— Ах, значит, уже и комиссию создали?! — восхи-

тился я громко, но в это время раздался звонок. Кутырев поднялся и сказал:

— Пошли на урок, а завтра отснимем,— и он устало поплелся к двери, столкнувшись на самом пороге с Ниной Кисиной.

— Иванов, где Иванов? Ты здесь, Иванов? Ах, ты здесь Иванов! Тебя срочно вызывают к директору школы! Срочно! — выпалила Кисина.

ВОСПОМИНАНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Сеанс гипноза

...Когда я вышел на разведку в столовую, мама сидела перед зеркалом и что-то делала со своим лицом. Тогда я вошел в папину комнату. Он сидел в кресле и читал книгу. Я подошел к нему и заглянул через плечо, чтобы посмотреть, что он читает. Это была какая-то медицинская книга. Про какой-то скачущий тип темперамента у нервного подростка. Я присел и прочитал на обложке: «Нервные болезни». Так, значит, папа действительно решил докопаться до какой-то болезни в моем организме. Это у меня-то! Ну, ладно! Я на пресс-конференции тогда им все припомню. Все расскажу всем.

— Я надеюсь, ты по своему расписанию сегодня побудешь дома? — спросил меня отец. — С минуты на минуту к нам должны прийти дядя Петя и... остальные, — добавил отец каким-то неуверенным голосом.

— Сегодня вечер школьной самодеятельности, — сказал я, — необходимо мое присутствие.

— Это что-то новое, — сказал отец. — Юрий Иванов на вечере самодеятельности.

Что-то новое в этом было, и с отцом действительно нельзя не согласиться. Ни на какой вечер самодеятель-

ности и вообще никакого свободного времени я, конечно, не имел, но на афишу, висевшую в школе и призывно извещавшую о генеральной репетиции, я обратил внимание, главное — на три слова: «Слепой космический полет, клоунада». «Это еще что за «слепой» и что это еще за «полет», да еще «космический», и что это еще за «клоунада»?» — размышлял я, недовольно хмуры и без того свое хмурое лицо.

«Посмотрим, посмотрим, — подумал я тогда у афиши, — над чем и над кем это и, главное, кто это вздумал посмеяться?! Там клоунады. Здесь папин консилиум, а по расписанию у меня еще столько нагрузок. Время! Где взять еще бы сутки? Да какие там сутки, как прибавить к этим суткам еще бы часов двенадцать-тринадцать? Да какие уж там двенадцать-тринадцать, хоть бы часов пять-шесть, — думал я, возлагая бесстрашно свой дневник на стол перед папиными глазами.

Выход только один, — продолжал я думать, — надо спать в то время, когда не спишь, и не спать, когда спишь. Не может быть, чтобы природа не запатентовала такое изобретение у животных, или у птиц, или у насекомых. Человек должен это обнаружить, разгадать и взять себе на вооружение...»

Между прочим, отец все еще не прикасался к дневнику. Я пододвинул его к отцу поближе. Отец вздрогнул, весь как-то съежился и даже, по-моему, отодвинулся от дневника вместе со стулом, на котором сидел. Отец по отношению к дневнику вел себя, в общем-то, правильно. Дело в том, что меня вызывали к директору школы в этот исторический для меня и для всех день два раза: перед уроком и второй раз прямо с первого урока, когда выяснилось, что тот аттракцион, который я устроил классу в парке культуры и отдыха, не прошел для них даром и для меня тоже. Почти весь класс не явился на уроки. О том и было записано в мо-

ем дневнике рукой директора: «Заманил весь класс и укатал всех на аттракционах до такого состояния, что почти никто не явился на занятия!» Хорошенькое «почти никто»! Я же пришел в школу как ни в чем не бывало...

Я постоял немного возле отца и вернулся к себе в комнату, чтобы прорепетировать свою роль в кинофильме, который собирался снимать Борис Кутырев: «Звонок на перемену, или Что было, если бы Юрия Иванова назначили старостой класса». Я надел на плечи специальное приспособление, с помощью которого можно читать книги, расхаживая по комнате на руках. Надев наплечный пюпитр, я закрепил на нем роль. Расхаживая на руках по комнате, я стал произносить на все лады:

— Значит, мне говорит КОЛЯ: «Ну, положим, ты, Юрий, был простой ученик, а теперь ты наш староста, и у тебя уже есть стаж руководства нашим классом».

Я. Ну, какой стаж, ребята, у меня? Я и староста-то всего пять минут.

СЕРЕЖА. Всего пять минут!.. Ты хочешь сказать: целых пять минут стажа! Поэтому тебя уже уважают в классе и ценят уже твое мнение.

Я. Ценят уже, говоришь?

СЕРЕЖА. Очень ценят.

Я. Меня все касается?

МИША. Старосту все и должно касаться.

КОЛЯ. С тобой уже считаются. Больше того, твоим мнением уже дорожат.

Я (с достоинством). Это ты, Коля, хорошо сказал, удачно!.. Со мной уже считаются, моим мнением уже дорожат.

ВАДИМ. В конце концов, ты же умница.

Я. Это верно, я умница...

В комнату вошел отец, вероятно, привлеченный зву-

ками моего голоса. Продолжая рассказывать на руках по комнате, я говорил вслух: «С тобой уже все считаются. Больше того, твоим мнением уже дорожат».

Я (с достоинством). Это ты, Коля, хорошо сказал, удачно!.. Со мной уже считаются, моим мнением уже дорожат.

БАДИМ. В конце концов, ты же умница.

Я. Это верно, я умница.

— Что ты делаешь? — вмешался в мою репетицию отец, с осторожностью приближаясь ко мне.

— Что делаю? Учю роль, — объяснил я, отходя от отца на руках дальше.

— Какую роль? — спросил меня отец.

— У нас в классе снимают про меня фильм, — снова объяснил я.

— Фильм про моего сына?! — переспросил сам себя отец. — Это интересно. Покажи-ка мне свою роль.

Я подошел к отцу на руках и, сделав стойку на левой руке, другой протянул ему сценарий. Отец вслух прочитал название сценария и сказал:

— Действительно, что было бы, если Юрия Иванова назначили старостой класса?..

Он взял в руки сценарий и стал читать с интересом, и, я бы сказал, с большим любопытством.

— Ты видишь, — обратился отец как бы к себе самому, — на него снимают сатиру, и он же снимается в главной роли. Играет самого себя. Непостижимо!.. — с этими словами он вышел из комнаты. А я встал на ноги и сказал:

— Все будет по-моему, лет через двадцать пять. Неужели нельзя немного потерпеть?

— Но я не проживу двадцать пять лет, — сказал отец из столовой, — если и дальше в доме все будет происходить так, как происходит сейчас.

Это было уже сентиментально, а я не имел права

реагировать на сентиментальность. В это время в прихожей раздался шум.

«Кто-то из дядей приехал», — подумал я и вышел на балкон, так как у меня по расписанию был отдых.

На соседнем балконе в шезлонге сидел Колесников и что-то быстро-быстро писал в толстой общей тетради. Я кашлянул, чтобы Колесников не подумал, что я подсматриваю, а не просто так смотрю вокруг. Колесников сразу же оторвался от своей писанины и расплылся в улыбке, я бы сказал, не совсем умной.

— Вот, — сказал он, — заканчиваю воспоминание о тебе.

С этими словами он достал из стоявшего на балконе шкафчика еще одну общую тетрадь. Я еще тогда сразу подумал: «Не много ли этот Колесников навспоминал об эпизоде аттракционов, который был маленьким штришком в моей жизни, а у него уже две общие тетради?!» Но ничего похожего не сказал. Мне было интересно, как это все выглядело со стороны.

На первой странице рукой Колесникова было написано вот что: «В то памятное историческое утро Юрий Иванов вышел на свой балкон, что находится рядом с моим балконом».

— Ну, как? — спросил меня Колесников, когда я прочитал всего лишь несколько строк его воспоминаний.

— Ничего, — сказал я, — чем хуже, тем лучше! Чем тяжелее, тем легче. Чем сложнее, тем проще!

— Это я понимаю, — сказал Колесников, который, как видно, уже привык к моим несколько странным выражениям мыслей. — Я спрашиваю: ну, как мои воспоминания? — переспросил он меня.

Я стал читать вслух: — «Колесников, его воспоминания обо мне». — Чтобы он сам уловил, что к чему,

сказал при этом: — Сейчас, сейчас, я тебя покормлю твоими мемуарами. — Перевернул страницу и начал читать дальше.

— Слушай, Иванов, — восхитился Колесников своей работой, — правда здорово?!

— Вот меня и смущает, что это слишком здорово для тебя. Не мог ты сам так написать обо мне. Тут есть какая-то антология какого-то таинственного случая, — усомнился я и добавил: — Нет, это, вообще-то, хорошо. Тут ты что-то ухватил во мне, особенно вот в этих словах: «Он великолепно сложен, силуэт благороден и завершен. Лаконичность, строгость, присмотритесь к гиганту — и вас станет «мучить» двойное впечатление: то несет он тяжесть великую с громадным напряжением, то играючи — могучие мышцы «вспыхнули» в легком усилии. Вот эта смена состояний приносит ощущение борьбы — атлант сражается с тяжестью, невидимой для наших глаз...» Но... — я посмотрел на Колесникова рентгеноскопически.

— Но... — покраснел Колесников, не выдерживая моего взгляда, — но я это списал из одного журнала, — признался он.

— Это неважно, — не обиделся я на Колесникова за такое признание, — если это выражает какую-то во мне суть, тем более, что ты признался. Но дальше?.. Что ты пишешь дальше?.. Ты начал, в общем-то, правдоподобно, но дальше-то, Колесников, как ты дальше описываешь мой разговор с одноклассниками во дворе и в ЦПКиО. Я подчеркнул тут вот отдельные слова и выражения. Вот слушай, что я тут подчеркнул: «Пожалей свою теплоэлектроцентраль, короче, ТЭЦ, одним словом, голову, — сказал Иванов Маслову...» Но когда это я говорил такие слова Маслову? Или: «Ты, Иванов, всех переплюнщик, — сказала Вера, глядя Иванову в лицо!..» Ну когда и кто посмел бы мне сказать это, да

еще «глядя в лицо»? Или вот ты пишешь, что меня кто-то обозвал Хампьютером! Ну кто бы посмел меня называть так в моем присутствии? Мне кажется, что это ты сам все обо мне подобное думаешь, а приписываешь все другим... Или еще вот: «Беспокойная серость,— сказал Иванов». Не говорил я этого. «Тебе это вдомек или нет?» Ну, что за выражение?! «Этот Иванов все время что-то из себя соображает!..» Ну, тут хоть есть что-то... «все время» и «соображает». Но я не помню, чтоб это кто-нибудь сказал... «Я сто первый раз вижу...— Сейчас увидишь в последний раз,— сказал Иванов». «Спрячься и сделай так, чтоб ты исчез, и я тебя долго-долго не мог найти...— сказал Иванов». Не говорил я этого! И вообще, Колесников, должен я тебе сказать, если ты сейчас такое пишешь, такую, с позволения сказать, телегу катишь на меня, то что же ты будешь писать об этом историческом эпизоде через сорок лет? Я-то уж мог сам о себе все что угодно понаписать, но разве я себе могу позволить? — сказал я.

— А разве ты сам о себе что-нибудь пишешь? — насторожился Колесников.

— Пишу не пишу, дело не в этом. Дело в том, что ты, Колесников, не знаешь, что такое мемуары и как они пишутся. Или я ошибаюсь?

Колесников согласился со мной, что он не знает, что такое мемуары, и тем более не знает, как они пишутся...

— Мемуары,— пояснил я,— это литературные записки, являющиеся воспоминаниями автора, рассказами очевидцев — понимаешь, очевидцев! — о различных событиях личной и общественной жизни. Некоторые мемуары представляют собой ценный источник, позволяющий раскрыть обстоятельства, связанные с важнейшими историческими событиями. А какой же это ценный источник, если ты в своих мемуарах врешь на каж-

дом шагу! Возьми свою тетрадь и перепиши все, как было.

Не успел я сказать Колесникову, чтобы он вернулся к себе и переписал всю эту филькину грамоту, как в гостиной комнате у нас раздался какой-то шум. Вернувшись к себе в комнату, я снова вложил свою роль старосты в заплочный пюпитр, встал на руки и только начал было репетировать, как в комнату вошел отец с дядей Петей и с каким-то еще неизвестным мужчиной.

— Привет, Юрий, — сказал дядя Петя, помахав мне рукой.

— Привет, дядя Петя, — сказал я и помахал ему ногой.

— Вот видите, — сказал гостям огорченный отец, — ходит все время на руках.

— Ничего, — успокоил его дядя Петя, — я в его годы ходил на голове.

— Встань на ноги, когда разговариваешь со взрослыми, — сказал отец.

— Но ведь разговаривать лучше вниз головой, — отпарировал я.

— Ну, почему вниз головой? — стал сердиться отец.

— Ну, хотя бы потому, что к голове приливает больше крови, а кровь... — начал я с пылом, — а кровь — это...

— А кровь — это, — перебил меня незнакомый мужчина, — это жидкость, циркулирующая в кровеносной системе животных и человека и переносящая вещества в организме, является одним из видов ткани внутренней среды. — Мужчина остановился и спросил: — Хватит или продолжить?

Лекцию о крови я дослушал уже стоя на ногах, думая о том, уж не тот ли это мужчина, что должен будет сегодня выяснять, чем я дышу, и затем внушить соответствующие мысли? Интересно, кто он по профес-

сии? Врач, что ли?.. Уж больно точно знает, что такое кровь.

— Ну, здравствуй еще раз, племянник,— сказал дядя Петя, похлопав меня по плечу.— Пошли варить уху. Я такую уху сварю, брат, пальчики оближешь! Так вот, старики,— сказал дядя Петя, обращаясь к отцу и, видимо, продолжая еще в кухне начатый разговор,— рыба — хороший барометр. Иногда она не берет в самую, казалось бы, рыболовную погоду. Не клюет, и все тут! И никакие насадки, прикормки не помогут. И вот ты пустым возвращаешься домой, и вдруг как наскочит на тебя шквальный ветер или хлынет из невесть откуда набежавшей тучки проливной дождь, и лишний раз убеждаешься в правоте рыбацкой мудрости: рыба — лучший барометр! И сама не клюет, и тебя еще задолго до наступления ненастья предупреждает об этом, представляет?

И дядя Петя снова стал распространяться о рыбалке. Сколько раз он был в гостях, только про рыбалку и рассказывает, а мне в нем это не нравится. По образованию он химик, окончил институт тонкой химической технологии имени Ломоносова, но о химии никогда не разговаривает.

Я прервал его рассказ и неожиданно спросил:

— Дядя Петя, кстати, о рыбе. Знаете ли вы, что есть рыба, которая задыхается в воде?

— Да такого и быть не может! — воскликнул дядя Петя.

— Вот, оказывается, вы и о рыбе не все знаете! — сказал я, довольный собою.— Оказывается, есть такая рыбка, которая задыхается в воде. И зовут ее перифthalmус кельрейтери. Или по-русски — рыбка-прыгун. Это странное существо с посаженными близко друг к другу башенками-глазами, длиной не более пяти сантиметров, она может совершать прыжок на расстояние

свыше метра. На суше она ловко ловит насекомых.

— Не может быть! — опять воскликнул дядя Петя.

А я сказал:

— Таких знатоков рыб, как вы, дядя Петя, надо бросать к пираньям... во время отлива!

Отцу наш разговор, видимо, не понравился, потому что он оборвал дядю Петю в самом начале рыболовецкой истории, которую он начал было снова рассказывать.

— Хватит тебе про рыбалку, я тебя не для этого в гости позвал.

— Ах, да! — всплеснул руками дядя Петя и хотел уже обратиться ко мне, но я посмотрел на часы и сказал:

— Ребята! Даю вам на себя полчаса времени. Я очень занят. Так что коротенько! Конспективно! С полуслова! Засаеаю время!..

Я посмотрел на часы, потом я посмотрел на отца, потому что он сразу же впал в какую-то истерику:

— Вы слышите, «ре-бя-та!», — обратился он к дяде Пете и его знакомому, — ребята! Вот так!.. У него на нас только полчаса времени!..

— Уже не полчаса, а двадцать девять минут, — внес я поправку, от которой мой отец чуть не задохнулся; хорошо что дяди Петин знакомый успокоил папу словами:

— Вы не волнуйтесь... я уже говорил вам по телефону, что среди наших подростков с общественной направленностью есть те, для кого важнее всего — достичь какого-то блага для других, своих товарищей, класса, для родителей, иногда для всего человечества...

При словах «для всего человечества» я насторожился.

— Я в одной школе познакомился с одним пареньком, которого одолевают планы переустройства не толь-

ко своего класса, но и всей вселенной!.. Растут деловые подростки.

Дослушав слова дяди Петиного знакомого, я успокоился: я сверхподросток, и я сверхделовой, и ко мне все это не относится.

— А вы разве знаете про эксперимент с деловыми подростками, о которых писали в журнале «Знание — сила»? — спросил я небрежно дяди Петиного знакомого.

Дяди Петин знакомый удивился.

— А ты интересовался этим экспериментом? — спросил он меня.

— Да так, — ответил я уклончиво. — Просмотрел статью под названием «Вы меня спрашивали?».

— Ну и как?

— Да так... но одна мыслишка есть стоящая, помните? Цитирую: «...деловые подростки могут быть просто детьми других масштабов, и их могут заинтересовать какие-то сверхважные и уж обязательно полезные для кого-то задачи: научные или хозяйственные, серьезно меняющие жизнь людей. Одним словом, не «детские», а взрослые цели...»

Я посмотрел на отца лазерными своими глазами так многозначительно, что он даже слегка отпрянул от моего взгляда.

— Других, других масштабов, — повторил я. — И их могут заинтересовать какие-то сверхважные и уж обязательно полезные для кого-то задачи. Одним словом, не «детские», а взрослые цели. Добавлю от себя, — сказал я многозначительно, — и, может быть, даже сверхвзрослые сверхцели.

— Уж не собираешься ли ты стать врачом? — спросил меня несколько ошарашенный таким началом разговора дяди Петин знакомый.

А дядя Петя, который ничего не понял из моей ко-

роткой, но фехтовальной разговорной вспышки с его знакомым, сказал:

— Ты тут знанием и силой взрослым зубы не заговаривай! Ну и молодежь пошла! Что не надо — они знают, а что надо — извините. Ты дело говори: чего это отец на тебя жалуется? Плохо учишься, ведешь себя черт знает как?!

— Это еще кто плохо учится? — удивился я.

Отец поморщился и сказал:

— Ты, Петр, все перепутал. Он учится так, что для него уже отметок не хватает. Это он когда-то плохо учился, четыре года назад, а теперь я даже не знаю, как назвать то, как он теперь учится. Ему один учитель ставит не пятерки, как обычно отличникам, а целые восьмерки и девятки! Он однажды десятку получил. Ты его дневник видел? Одни шестерки и семерки с плюсом. Он, понимаешь, как бы это тебе сказать... все знает и про все, уже за всю десятилетку!

— За всю десятилетку? — удивился дядя Петя.

«Кажется, придется пустить в ход секретное оружие и доказать этому консилиуму, что я знаю не только за десятый класс,— подумал я.— Конечно, со взрослыми справиться будет потруднее, но для сверхкосмонавта сверхпреград нет».

— Почему только за десятилетку, я могу и за вуз!

— Это за какой же вуз ты можешь? — удивился дядя Петя.

— Ну, например, за тот, который вы окончили! За институт тонкой химической технологии имени Ломоносова. Вот «Введение в химию и технологию полимеров», возьмите учебник Бильмейра.— Я протянул дяде Пете книгу в переплете коричневого цвета.— Откройте на любой странице и задайте мне любой вопрос.

— Ну, это уже просто наглая самоуверенность! — возмутился отец.

А дядя Петя сказал:

— Так, так, так,— и расхохотался, и потом стал перелистывать учебник, видимо, подбирая для меня вопрос потруднее.— Значит, за институт тонкой химической технологии? — сказал он с недоверием.

— Кстати, папа,— обратился я к отцу,— пока дядя Петя изобретает для меня вопрос, я бы хотел сразиться с твоей счетной машиной. Возьми свой арифмометр.

— Это каким образом ты с ним сразишься? — удивился отец.

— Перемножу в две секунды любые числа. Дай мне для начала два крупных двузначных числа!

— Ну, это вообще уже ни на что не похоже! — возмутился отец.

— Ты сначала дай два крупных двузначных числа, а потом уже будешь говорить — похоже это на что или не похоже!

— Нет, как и о чем он разговаривает со своим отцом! — закипятился отец, обращаясь к дяди Петину знакомому.

Дяди Петин знакомый посмотрел на меня, укоризненно качая головой, но все же посоветовал папе называть два крупных числа.

— Обязательно крупных? — спросил отец все еще с возмущением в голосе.

— Желательно,— сказал я спокойно.

— Ну, хорошо, допустим... восемьдесят девять...на... девяносто два.

— Восемь тысяч сто восемьдесят восемь! — сказал я, не помедлив ни минуты.

— Как это ты смог так быстро?! — пробормотал отец совершенно растерянным голосом.

С этими словами он поднялся, быстро прошел в свою комнату и вернулся, неся в руках арифмометр. Схватившись за ручку счетной машины, он завертел

ею, затем записал результат. Потом взял лист чистой бумаги и стал вручную перемножать заданные цифры. Когда отец уходил за арифмометром, я успел сказать дяде Пете:

— Между прочим, время идет, задавайте скорее вопросы!

— Да, да, да,— сказал дядя Петя, качая в недоумении головой.— Сейчас, сейчас!..

— Вас я тоже попрошу, между прочим, задать мне поскорее какой-нибудь вопрос,— обратился я к дяди Петиному знакомому,— чтобы мне ответить сразу вам обоим. Кстати, можете мне задавать вопросы и вы и дядя Петя одновременно.

— Раз вы интересуетесь вопросами психологии, то, может быть, вы читали статьи о групповом общении? — спросил меня дяди Петин знакомый.

— Мы не «может быть, читали», а мы, конечно, читали статьи о «групповом общении»,— заявил я.— Я, знаете ли, вообще против общения, тем более против группового! Тому, кому много надо... (слова «успеть лично» я не сказал), тот не может тратить время на... (на «групповое общение» я тоже не договорил, поэтому вся фраза, как всегда, у меня получилась несколько загадочной: «Тому, кому много надо... тот не может тратить время на...»).

— А мне кажется, что вам как раз не хватает этого самого «группового общения»,— сказал дяди Петин знакомый.— Тогда не было бы того, что я замечаю в вас: вы не умеете находить правильные реакции на свое окружение. Достойно приспособиться к нему, что ли. Речь идет не о приспособленчестве в позорном смысле слова. Это ваше неумение — особенность характера: так вас воспитали, так сложилась ваша личная судьба... Короче, вы даете неправильные реакции на людей,

а люди дают неправильные реакции на ваши реакции... Может быть, вы думаете, что вам попадает от других не по заслугам, но на деле — все нормально: как аукнется, так и откликнется.

— Вот,— сказал дядя Петя, отрываясь от учебника и вмешиваясь в наш разговор.— Ну-ка, скажи ты мне, что такое, к примеру, фрикция и чем отличается пластикация от пластификации?

— Фрикция — это характеристика валцов (валковых смесителей), применяемых для приготовления и окрашивания полимерных смесей. Фрикцией называется отношение окружной скорости переднего валка к окружной скорости заднего. Вам понятно? — спросил я.— А чем отличается пластикация от пластификации? Пластикация — это размягчение полимерной смеси в результате перемешивания при мягком нагреве. Пластификация — это введение в полимерную смесь пластификатора.

— А ты что,— спросил меня дяди Петин знакомый,— собираешься поступать в институт тонкой химической технологии?

— Нет, не собираюсь,— ответил я.

— М-да,— сказал дяди Петин знакомый.— Тогда я попробую тебе внушить пользу «группового общения». Вот я замечаю в тебе неукротимое стремление к лидерству, но лидеры ведь бывают и отрицательными. Не так ли?..

«Это лидеры! — подумал я.— А сверхлидеры не могут быть отрицательными, так что на это можно и не отвечать. Не разгадал меня дяди Петин знакомый, не разгадал. У этих взрослых воображение выше лидера не поднимается. Они даже не могут представить, что среди обыкновенных лидеров может появиться сверхлидер».

— Продолжаю,— сказал дяди Петин знакомый.— Часто трудности в характере человека проявляются при столкновении противоречивых внутренних тенденций, одну из которых человек не хочет признавать у себя. Когда у подростка появляется завышенная самооценка (по сравнению с его реальными способностями и возможностями), его завышенные притязания, естественно, не могут быть удовлетворены. Эта неудовлетворенность травмирует психику подростка, у него возникает необходимость защитить свою высокую самооценку, а это в свою очередь...

— К чему это «в свою очередь» приводит,— это всем известно,— вмешался я в разговор,— в свою очередь, это приводит к явлению, которое психологи называют «эффект неадекватности» — состояние, когда возбужденная нервная система заставляет человека действовать не в соответствии с окружающей обстановкой. Я вас правильно понял? — обратился я к дяди Петиному знакомому и, не дав ему опомниться, продолжал: — А вы знаете,— сказал я, обращаясь ко всем,— мнение человека о себе самом и мнение, которое имеют о нем другие, например мнения некоторых взрослых и некоторых подростков очень часто значительно расходятся? Ибо люди видят лишь то, что человек сделал до сих пор, а он сам считает себя творцом как настоящего, так и будущего. Поэтому истина обыкновенно находится посередине: достоинство человека не только в том, что он уже сделал, но и в том, что он намеревается сделать.

— Точно! — воскликнул отец, занятый в основном проверкой моего вычисления.— Все сходится! Но как ты все это так быстро решил?

— Очень просто. А вы никому не скажете?

— Конечно.

— Сколько до ста не хватает в первом числе, в восьмидесяти девяти?

— Одиннадцать.

— А во втором?

— Восемь.

— А трудно умножить восемь на одиннадцать?

— Ну, конечно, нет. Восемьдесят восемь.

— Это и есть конец результата.

— А как же ты нашел начало? — спросил меня отец.

— А еще проще, — ответил я. — От восьмидесяти девяти отнять восемь трудно?

— Нет.

— А сколько будет?

— Восемьдесят один.

— Ну вот, это и есть начало результата. А если тебе так нужно, то отними от девяноста двух одиннадцать, будет тоже восемьдесят один.

— М-да, — сказал дяди Петин знакомый. — Ты собираешься поступать в экономический институт?

— Нет, — сказал я, — не собираюсь. Теперь, ребята, разрешите мне задать вам один вопрос. Вы читали статью доктора медицинских наук «Мозг принимает решение»? Он пишет: «Среди многочисленных определений сущности живого мне особенно импонирует определение, принадлежащее академику А. И. Бергу: «Все живое отличается от мертвого наличием потребностей. Заметим, что потребность — это отнюдь не только голод, жажда, или...»

— Нет, не читали, — виновато признался дяди Петин знакомый. — Разве все успеешь прочесть, — тяжело вздохнул он.

— Надо, — сказал я, — надо успевать... Вот дядя Петя успевает и работать на пользу химии, и... успевает рыбачить. Кстати, дядя Петя, а что это у вас там в химии за кинетические кривые?

Дядя Петя задумался и сказал:

— Ну, кинетические кривые — это кривые...

— А кинетические прямые у вас в химии — это, значит, прямые? — спросил я. — Ну давайте вместе со мной вспомним, что представляют из себя кинетические кривые?

— Что из себя представляют кинетические кривые? — повторил за мной вопрос дядя Петя.

— Нет, я прошу не повторять за мной, а ответить, что такое кинетические кривые?

— Кинетические кривые... — сказал дядя Петя и снова замолчал.

Тогда я ему подсказал:

— Кинетические кривые — это кривые зависимости свойств вулканизаторов от времени вулканизации. А дальше? — спросил я.

А дальше дядя Петя промолчал.

— Ну, в общем, что такое кинетические кривые, вы, дядя Петя, не знаете. Тогда, может быть, вы знаете, что такое специфика деформирования полимерных материалов?

Дядя Петя опять ничего не сказал.

— Так, — сказал я, — значит, вы не знаете и что такое специфика деформирования полимерных материалов. Это я понимаю. Но все-таки вы ведь кончили институт тонкой химической технологии и должны знать, что такое специфика деформирования полимерных материалов.

— Да я же в химии на общих хозяйственных вопросах сижу, — сказал дядя Петя, но как-то так виновато, что ли.

— А с тобой, папа, поговорить кое о чем из твоей бухгалтерии?

— Боже упаси, — сказал отец и поднял вверх обе руки. — Я сдаюсь! Вы видите, это просто какой-то ужас! Он же всех нас терроризирует своими знаниями. И ни-

кому не приносит никаких радостей! И всех приводит в отчаяние! А я, например, его боюсь! Боюсь все больше и больше! У него просто, просто... какие-то безобразные природные способности ко всему на свете,— вскрикнул отец.— Юрка думает, что это позволяет ему просто безобразно вести себя в жизни. Вы посмотрите его дневник, только просмотрите, и у вас волосы встанут дыбом!

— У меня уже не встанут,— сказал дяди Петин знакомый, погладив свою лысую голову.

— А ведь было золотое время, было, и тройки получал, даже двоечки были. Мы все ему говорили: «Юра, будь человеком, не получай двойки, не получай тройки». Вот и договорились! Был мой сын симпатичным недочеловеком, потом послушался нас и в человека превратился, и учиться стал хорошо, и вести себя тоже, а потом стал постепенно превращаться в какого-то перече-
ловека.

— А вы знаете,— сказал я,— ученые говорят, что коэффициент полезного действия мозга человек использует на шесть процентов!

— Значит, у всех шесть, а у тебя шестью два — двенадцать? — спросил отец.

— А если шестью шесть — тридцать шесть? — спросил отца я.

— Это что же получается? Феномен Иванов, что ли? — вмешался в разговор дядя Петя.

— Так, так, так! — сказал дяди Петин знакомый.— Ах, вот в чем дело, в процентах!

— А по-моему, это какой-то трюк,— сказал дядя Петя.— Вот мне рассказывали, что на экзаменах по гражданскому праву на юридическом факультете Геттингенского университета один из студентов, получив экзаменационное задание, сразу же попросился выйти. Ну, вышел и вышел. Там по правилам во время экзаме-

нов можно покидать аудиторию, поскольку в такие дни специальные надзиратели, на всякий случай, дежурят повсюду, даже в туалетах. Они и разоблачили злоумышленника, когда он в кабинке «тихо разговаривал сам с собой». Оказалось, что в ручных часах студента был вмонтирован минипередатчик, а под курткой спрятан миниатюрный радиоприемник. Студента к дальнейшим экзаменам не допустили, но, отдавая дань его инженерному таланту, комиссия порекомендовала ему заняться изучением технических дисциплин. Дело в том, что приемо-передаточное устройство, «радиошпаргалку», этот будущий юрист сконструировал и собрал сам. Юра, встань, я тебя обыщу. Может, у тебя тоже что-нибудь вроде этого.

Я встал и позволил себя обыскать.

— Нет, это какой-то сверх... сверх... сверх... — сказал отец.

«Ну-ну, папа, поднатужься, ну, догадайся, кто у тебя сын, ну...» — хотелось мне сказать отцу.

— Это какой-то сверхумный, сверхзагадочный сверхбездобразник!

— Знаете, что, ребята, я хочу в конце нашей беседы внушить вам одну очень полезную мысль, — сказал я.

И эти слова просто взорвали моего отца.

— Минуточку! — воскликнул отец. — Что здесь происходит? Кто кого проверяет? Кто в ком разбирается? Кто кого воспитывает? Кто и что кому внушает? И кто кого здесь гипнотизирует?

«Ах, вот в чем дело! — мелькнуло у меня в голове. — Отец пригласил к себе на помощь не просто врача, а гипнотизера».

— Нет, ему в нормальном состоянии ничего внушить невозможно, я вас очень прошу, загипнотизируйте Юру, с его согласия, — сказал отец. — Ты согласен загипнотизироваться? — спросил меня отец.

— Конечно, согласен,— сказал я,— если дело приняло такой оборот.

— Вы согласны его загипнотизировать? — обратился папа к дяди Петиному знакомому.

— Я согласен,— ответил дяди Петин знакомый.— Но я не убежден, поддастся ли он гипнозу.

— Поддамся, поддамся,— успокоил я гипнотизера.

— И когда будешь загипнотизирован, дашь нам всем честное слово, что ты с завтрашнего дня станешь учиться умеренно и получишь по какому-нибудь предмету хотя бы тройку! Вы можете внушить ему,— обратился папа к дяди Петиному знакомому,— что он... нет уж лучше в спящем состоянии вы объясните, для чего это все нужно!

Мы ушли с дяди Петиным знакомым в мою комнату, и ровно через полчаса я, как ни в чем не бывало, вернулся в столовую. Дядя Петя и отец сидели, не сводя глаз с дверей моей комнаты. Увидев, что я вышел из комнаты один, папа спросил:

— А где же доктор?

— Он спит,— сказал я.

— Как спит?! — вскрикнули в один голос папа и дядя Петя.

— Очень просто. Я его загипнотизировал.

— Как ты его загипнотизировал? — не понял отец.

— Но он не смог меня загипнотизировать, а я его смог,— объяснил я.— Он со мной разговаривал, потом стал говорить: спать, спать, спать! Но ты же знаешь, папа, что сегодня по расписанию у меня сон в десять часов, а сейчас только половина пятого.

— Ну, всем досталось, и гипнотизеру больше всех! — захохотал дядя Петя и все хохотал и хохотал до слез.

Не знаю, товарищи потомки, что здесь было смешного?!

— Разбудить,— закричал папа,— разбудить гипнотизера, сейчас же разбудить!

— Пожалуйста,— сказал я,— разбудить так разбудить.

Мы втроем прошли в мою комнату, и папа с дядей Петей увидели гипнотизера, лежащего на моей кровати в глубоком сне.

— Пациент находится,— сказал я,— в глубоком гипнотическом сне третьей стадии. Обычно различают три степени глубины гипноза: сонливость, гипотаксию и сомнамбулизм. При сонливости наблюдается легкая дремота и общее расслабление мускулатуры. При гипотаксии, характеризующейся угнетением произвольных движений, часто отмечается так называемая восковидная гибкость мускулатуры — катаlepsия, то есть такое состояние, при котором рука, нога или голова загипнотизированного долго сохраняют приданное им искусственное положение. Сомнамбулическая стадия — это стадия наиболее глубокого гипноза. Во время сомнамбулизма загипнотизированному можно внушить различные зрительные, слуховые и обонятельные так называемые галлюцинации.

— Перестань хоть сейчас читать лекцию и немедленно разбуди доктора,— сказал папа в отчаянии.

— А может, мозг-то работает у Юрки не шестью шесть — тридцать шесть,— услышал я за своей спиной.— Может, шестью восемь — сорок восемь? — тихо сказал дядя Петя.

— Что происходит? Ничего не понимаю! — тихо воскликнул отец.

— Таблица уважения происходит,— объяснил я отцу и неожиданно открыл дверцу шкафа. В шкафу сидели Шамшурин и Данилова.— Выходите... заговор обреченных! — и я стал выводить доктора из третьей стадии гипнотического сна.

ВОСПОМИНАНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Оказывается, я знаю даже то,
чего я не знаю

Я, дорогие товарищи потомки, уже натянул на себя куртку и подумал, что меня уже давно никто не атакует стихами. И только об этом подумал, как тут же обнаружил в правом кармане куртки свернутый листок бумаги. Я извлек его из кармана и развернул. Ну конечно же это были стихи! Стихи назывались загадочно и на этот раз имели прямое отношение к космосу. Посудите сами: название стихотворения было такое — «На далекой звезде, на Збюне». Затем шли такие, с позволения сказать, четверостишия:

«Тишина кораблем завладела,
Космонавт прикоснулся к струне,
И гитара чуть слышно запела
На далекой звезде, на Збюне.

За бортом ветерок не подует,
Ручеек не споет о весне...
Космонавтов гитара волнует
На далекой звезде, на Збюне.

Видно, парень влюбленный мечтает
О глазах голубых на Земле,
Под гитару он их вспоминает
На далекой звезде, на Збюне.

А второй вспомнил иву родную,
Вспомнил мать в приоткрытом окне,
И гитара с ним вместе тоскует
На далекой звезде, на Збюне.

Третий видит поля в дымке синей
И скучает по мягкой траве,
И гитара поет о России
На далекой звезде, на Збюне.

Зеленеют луга заливные...
Звездолетчик коснулся струны,
Шлет гитара свои позывные
Из галактики — с яркой Збюны!»

Дочитав стихотворение, я косо наложил на тексте следующую резолюцию: «Никакой звезды Збюны нет. В стихотворении речь идет о космонавтах, следовательно, ко мне, сверхкосмонавту, все это не имеет никакого отношения». Затем я спрятал текст стихотворения в папку моих воспоминаний, чтобы вечером зашифровать, и, выскочив на улицу, побежал в школу на просмотр самодеятельного концерта. По дороге заглянул к одному парню за мешком с догрузом. Дело в том, что я занимаюсь планерным спортом в молодежном составе (под фамилией Нестерова!). Но для полетов не хватает у меня веса, и вот для догрузки мне и еще одному парню прописали по мешку спрессованных опилок. Взяв мешок, я по дороге от дома до самой школы декламировал то единственное, что я считаю в жизни стихами, а декламировал я вот что: «Померкли алые краски весеннего заката. На потемневшем небосклоне выступает звездная россыпь. В южной части неба сияет зодиакальное созвездие Льва. Над ним — известное еще с детства созвездие Большой Медведицы. Несколько ниже — созвездие Волосы Вероники.

Левее созвездия Льва, на юго-востоке, повисло зодиакальное созвездие Девы с голубовато-белой звездой Спикой. Созвездие Девы весьма интересно. В этом направлении сосредоточено грандиозное скопление галактик. Число этих далеких звездных систем достигает двух тысяч пятисот.

Среди них выделяется эллиптическая галактика М87, обладающая огромной массой, значительно превышающей массу такой гигантской галактики, как туманность Андромеды».

По дороге в школу меня вообще-то ничего не беспокоило. Единственное, что меня немного беспокоило — это то, что дни перед этим днем и весь этот день были у меня так заняты и загружены, что я не успел даже мельком хотя бы перелистать учебники и материалы, необходимые для встречи с участниками театральной самодеятельности. У них ведь тоже есть свои ученые записки, учебники и всевозможные пособия. Положение было почти безвыходным, но у нас, у сверхкосмонавтов, безвыходных положений не бывает.

«Посмотрим, посмотрим,— подумал я,— какой же у меня будет выход из этого безвыходного положения».

Вбежав в здание школы, я в несколько прыжков поднялся по лестнице к актовому залу. Возле дверей актового зала стоял целый отряд учеников, охраняющих вход в школьный храм самодеятельного искусства.

Я остановился, чтобы оценить обстановку. Маслов и Лев Киркинский посмотрели на меня и многозначительно переглянулись. Лена Марченко с Даниловой Верой тоже переглянулись и сделали большие глаза.

— Те же и Всесторонний,— сказал Лев Киркинский.

«Так, еще одно прозвище»,— подумал я, не обращая внимания на слова Киркинского.

— Ну, что нового? Какие новые безумные идеи носят в нашем воздухе? — спросила Вера Лену Марченко.

— В воздухе носится такая безумная идея,— сказала Лена Вере,— что, когда ты не спишь, то ты спишь, а когда ты спишь, ты не спишь!..

— Эта идея безумная! — согласился с девочками Маслов.

— Но достаточно ли она безумна, как сказал Нильс Бор,— спросил всех Лев Киркинский,— чтобы быть воистину гениальной?

При этом разговоре все, конечно, не сводили с меня глаз, а точнее, с догрузочного мешка. Я поставил его перед собой на ступеньку лестницы.

— Еще одна загадка,— сказала Вера Данилова,— мешок... Что это за мешок? И что бы это значило?

— По-моему, это исторический мешок, которым кто-то, когда-то, кого-то из-за угла прибил,— предположил Киркинский.

Я, конечно, мог прихлопнуть Киркинского сразу, лично, но мне нужно было прихлопнуть всех сразу.

— Римский поэт и сатирик Ювенал около двух тысяч лет назад писал,— сказал я, обращаясь ко всем сразу и в особенности к Кутыреву, который то выглядел из-за широкой спины Маслова, то скрывался,— что люди, слоняющиеся без дела (слова «слоняющиеся без дела» я подчеркнул интонацией), требуют только хлеба и всяческих зрелищ!.. — С этими словами я попробовал пройти в актовый зал. Но охрана, сплотившаяся вокруг Маслова, не пустила меня.

— Всесторонним и посторонним вход воспрещен,— сказал Маслов, обращаясь ко мне.— Посторонним в том смысле, кто не участвует в спектакле.

— У вас здесь будет генеральная репетиция? — спросил я Маслова.

— Генеральная,— подтвердил Маслов.

— А знаешь, почему она называется генеральной? — спросил я у Маслова.

— Почему? — спросил Маслов.

— Потому, что на этой репетиции буду присутствовать я, генерал Иванов. Я вообще удивлен, что не получил пригласительного билета на генеральную репетицию. Вам бы следовало пригласить меня, посоветоваться со мной, получить, в конце концов, мое разрешение.

— Крупноблочная мысль,— сказал Лев Киркинский.

— А что ты от него хочешь? — удивился Маслов. — Ведь он сейчас спит, а во сне человек не отвечает за свои слова и поступки.

«Что такое? Что такое? Что такое? — запрыгало у меня в голове. — Откуда они знают о сне наяву и о яви во сне? Идет утечка информации, но каким образом и откуда?» Я снова попытался пройти силой в актовый зал, не очень идя на обострение, но меня снова не пустили.

— Вы что, хотите, чтобы в воздухе появились неопознанные летающие предметы? — спросил я.

— Потомок Чингис-Хама, — сказала Лена Марченко.

— Частица нейтрино, — сказал я, — не вступает в реакцию ни с кем и ни с чем на свете.

— Вот тебе за все пора бы и голову оторвать, — сказал Маслов.

— Есть такие... так называемые, я даже не знаю, как их назвать, ну, одним словом, планарии. Если у планарии оторвать голову, она у нее снова отрастает, — возразил я.

— У планарии отрывать голову не стоит, — сказал Лев Киркинский, — а у тебя стоит.

— Когда вы успеете, я не говорю — сможете, оторвать мне голову, к тому времени она у меня уже будет регенерироваться.

— А неужели и вправду есть такие, планарии, что ли? — спросила меня на этот раз вполне серьезно Вера Данилова. — Я думала, что только у ящериц хвост отрастает.

— Да, есть! Когда оторванная голова будет отрастать, я вам позволю оторвать свою голову, чтобы продемонстрировать.

— Представляю, как это будет ужасно, — сказал Виктор Маслов, — две головы Юрия Иванова! Тут от

одной-то столько неприятностей, а там две!.. Хоть с планеты Земля убегай!..

— Ребята, да пропустите вы его,— сказал Кутырев,— его все равно не переговоришь.

Я вскинул догрузочный мешок на плечи и...

— А это,— спросил Кутырев, скосив глаза на мой мешок с прессованными опилками,— это у тебя не взорвется?

— Если мне ваши штучки-мучки понравятся, то не взорвется...

— Но он же действительно посторонний,— остановил мое продвижение Маслов,— посторонний для нас и для всего нашего дела. Я понимаю, что, если бы он что-то понимал в театре...

— Когда с ним дерешься,— поддержал Маслова Киркинский,— то от него действительно можно что-то почерпнуть. А тут... Чего он будет нам глаза мозолить?!

— Я, конечно, в ваши дурацкие игры не играю, но я знаю правила всех, даже самых дурацких игр!

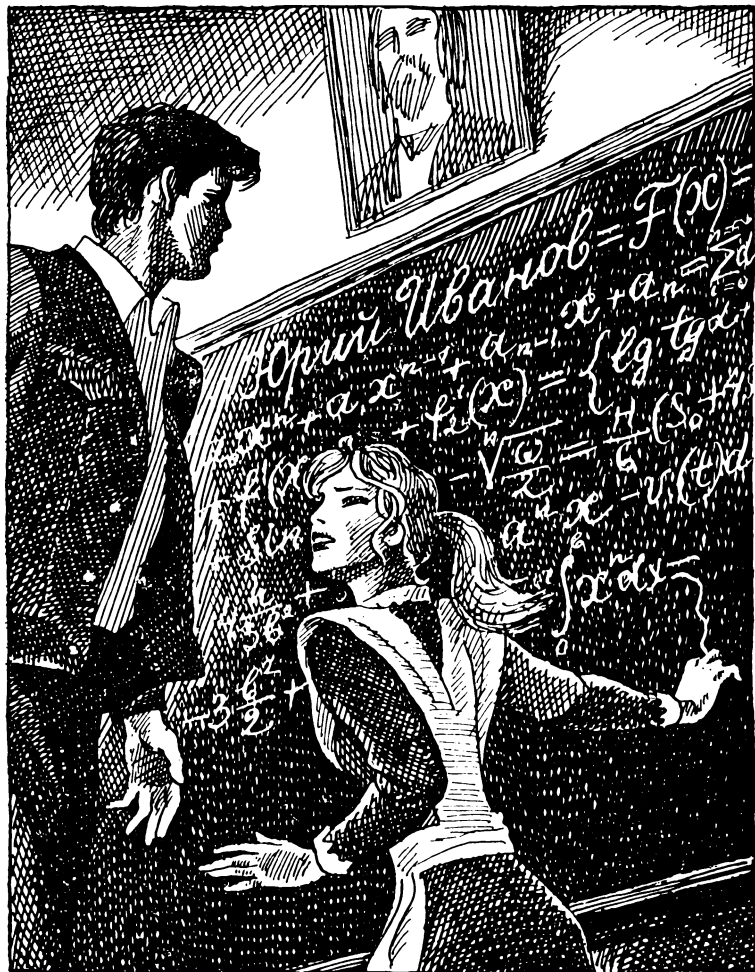
— Сказал мистер Икс плюс Игрек минус Зэт...— съязвила Марченко.

— Знаешь, Иванов,— сказал Борис Кутырев,— хоть мы и считаем тебя всесторонне развитым человеком, но в твоём развитии есть ущерб и предел. Зачем ты лезешь к нам на репетицию, ничего в ней не понимая?

— Ты же в системе Станиславского ни бум-бум,— поддержал Кутырева Лев Киркинский,— а у нас здесь собрались звезды школьной самодеятельности.

— Так,— остановил я Киркинського одновременно волевым жестом и еще более волевым взглядом.— Значит, вы звезды школьной самодеятельности и, как звезды, вы считаете, что я не знаю теории Станиславского?

— Да, мы в этом убеждены,— заупрямился Киркинський.— Читал ты умопомрачительно много и знаешь только то, что знаешь и сколько знаешь, но не больше,

но о системе Станиславского, я убежден, ты не имеешь никакого представления.

— Ты, Киркинский, прав только в одном: в том, что я не изучил систему Станиславского, не изучил, но... — я обвел звезд школьной самостоятельности телескопическим взглядом и добавил: — но я ее знаю назубок!

Наступила такая, я бы сказал, фокусническая пауза, во время которой со мной случилось что-то удивительное для меня, хотя я и привык ничему не удивляться в себе. Во мне возникло ощущение, что я знаю и прекрасно разбираюсь в системе Станиславского. Это ощущение переросло у меня в уверенность, что я действительно знаю и разбираюсь в системе Станиславского, хотя я и ни разу не брал в руки книгу об этой системе.

Кажется, удалось выжать из моего мозга в смысле КПД еще часть капэдэшек! Это вам уже не шестью шесть, как сказал дядя Петя, это уж, может быть, все шестью восемь.

То, что произойдет дальше, дорогие товарищи потомки, я должен сначала объяснить. Сначала для самого себя, а потом и для вас.

Как могло случиться, что я, не изучая систему Станиславского, вдруг прекрасно в ней разбираюсь? Как это получилось? Вычислительная машина может решать любую математическую задачу, начиная с таблицы умножения и кончая самыми невероятными интегралами, так как всякое, даже самое сложное решение есть точная комбинация всевозможных цифр. Вот и мои знания о системе Станиславского родились сами собой из какой-то таинственной таблицы уважения к знаниям, накопленным человеком, таблицы уважения, которой мой мозг, вероятно, владел чисто механически. Ведь любое знание — это тоже точная комбинация точных слов.

— Значит, вы считаете, что я не знаю систему Ста-

ниславского? — Я обвел взглядом все созвездие школьной самостоятельности.

Все смотрели на меня с недоверием, и больше всех сомневался в моих словах Арутюн Акопов — звезда фокусов и самостоятельной манипуляции. Последний фокус, который он показывал вчера в классе перед уроком, он назвал: «Законы физики не уважая». Фокус в общем-то ерундовый. Акопов клал на ладонь линейку, потом переворачивал ладонь к полу, и линейка по законам гравитации падала на пол. Потом он снова поднимал линейку, снова клал ее на ладонь и опять переворачивал ладонь к полу, и на этот раз линейка не падала на пол.

— В общем-то в каждом деле есть свой фокус, — сказал я, обращаясь больше всего к Акопову. — Твой фокус, Арутюн, заключается в том, что у тебя пришта к манжете и надета на средний палец тонкая прочная нить под цвет кожи. Вот под эту нить ты второй раз, чуть сгибая ладонь, незаметно подсовываешь линейку. — Я помолчал и продолжил: — Но в системе Станиславского нет фокуса, в ней есть секрет. А секрет этот заключается в том, что... — я снова сделал паузу, напоминаящую многоточие, и продолжал: — взгляды Станиславского на мастерство актера складывались на основе реалистических традиций русского театрального искусства XIX века, заложенных творчеством Александра Сергеевича Пушкина, Николая Васильевича Гоголя, Александра Николаевича Островского и наших воплощение в игре Щепкина, Шумского, Мартынова, Садовского, — перечислял я фамилии, и это перечисление доставляло мне истинное удовольствие.

Затем я сказал, что он, то есть Станиславский, стремился постигнуть общие законы актерского творчества. Потом я остановился на том, что у него была (и я чуть было не сказал: «как и у меня») большая склонность к

самоанализу, о чем свидетельствуют его дневники (и я чуть было не сказал: «как и мои»). Но здесь меня неожиданно перебил голос Льва Киркинского:

— У меня есть слабая надежда, что ты, Иванов, не знаешь, в каком году встретился Станиславский с Немировичем-Данченко?

— В 1897 году,— сказал я, набрав побольше воздуха,— произошла встреча Станиславского с Немировичем-Данченко, в результате которой возникло решение...

— Пропустить Всестороннего,— сказал Кутырев, бледнея и хватаясь за перила лестницы. Маслов отошел от двери, и я, рванув ее на себя, вступил в актовый зал.

— Ты видел, как летает моль? — спросил меня Маслов, увязавшийся за мной.

Я остановился. Маслов прочертил указательным пальцем в воздухе глупозапутанную линию.

— Так и мысль твоя, ее путь проследить невозможно... Вот ракета летит и... моль летит тоже. А какая разница! — бубнил он, идя следом за мной.

Но я его уже не слушал. Я уселся в седьмом ряду. Хотя я и предупредил, войдя в актовый зал, всех участников генеральной репетиции, что я пришел, и поэтому можно начинать, и хотя Борис Кутырев несколько, как мне показалось, несерьезно повторил за мной мои слова: «Иванов пришел! Можно начинать!», но генеральная репетиция никак не начиналась. Все время кого-то или чего-то не было на месте. Затем, когда кто-то или что-то исчезнувшее появлялось, то исчезал еще кто-то или что-то опять пропадало. Нет, это дело несерьезно и несерьезны люди, которые этим делом занимаются. Все кричат, спорят, препираются, а больше всех Борис Кутырев.

— Слушай, Кутырев,— сказал я, обращаясь к Борису,— вот я смотрел документальный фильм о запуске

космического корабля, у них все как-то по-другому делается. Там каждый на месте, никто никого не ищет, ничто вдруг не исчезает и не появляется вдруг. Почему бы и тебе, по их примеру, не объявить сначала пятнадцатиминутную готовность, потом десятиминутную, потом одноминутную, потом: восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...и — «Пуск!»

Кутырев посмотрел на меня как-то невразумительно, и я понял, что это предложение для него слишком сложное. Поэтому я снизил свои требования и сказал:

— Слушай, Кутырев, есть такая брошюра, под названием «Психологические аспекты расстановки кадров». Там говорится, что при подборе и расстановке кадров целесообразно руководствоваться положением о соотношении врожденных и приобретенных качеств человека, на базе которых формируются способности. Способности в психологии — это комплекс выработанных в процессе деятельности достаточно стойких свойств личности, являющихся условием успешного выполнения некоторых видов деятельности.

После этих слов Кутырев посмотрел на меня еще более невразумительно и сказал:

— Иванов! Пощади!

И я его пощадил. Я замолчал. А Кутырев опять спросил:

— Ты работал над ролью?

— Если вы все это (я обвел руками зрительный зал) считаете работой, то я работал!

Наконец всё и все очутились каким-то чудом на своих местах, и Борис Кутырев произнес длинную и пространную речь, похожую на лекцию об актерском мастерстве и технике речи...

Слова-то какие: «мастерство», «техника речи»! В конце своей речи Кутырев призвал на помощь Александра Сергеевича Пушкина, который будто бы гени-

ально сформулировал в стихах всю суть актерского мастерства: «как роль свою ты верно поняла, как развила, ее»... в смысле развила,— пояснил Кутырев,— «с каким искусством, как будто бы слова рождала не память рабская, но сердце!».

«И на это,— подумал я про себя, яростно сжимая теннисный мяч в руке,— тратить свою память и сердце». Я положил руку на пульс — сердце билось как всегда, пятьдесят два удара в минуту.

Конечно, посещение генеральной репетиции было для меня самой большой перегрузкой за последнее время. И это вполне понятно: у меня не было никакой адаптации к театру. Я уже даже не помню, когда я был последний раз в кино. Так как легче всего человек переносит перегрузки по направлению от груди к спине, это показал опыт космических полетов, то наилучшим положением космонавта в кресле является положение под углом сорок пять градусов к направлению, по которому действует ускорение. Правда, под углом восемьдесят градусов к действию ускорения космонавт способен выдержать необычайные перегрузки — в двадцать шесть с половиной раз. Но я, конечно, здесь, в зрительном зале не мог принять такое восьмидесятиградусное положение перед перегрузками школьного концерта. Тогда бы мне пришлось смотреть концерт лежа, что вызвало бы у звезд школьной самодеятельности полное недоумение. И вообще, с удовольствием бы я сейчас сидел в своей комнате, смотрел бы в телескоп на настоящие звезды, а не на эти «звезды школьной самодеятельности», как назвал свою труппу Борис Кутырев.

Я занял соответствующее положение под углом в сорок пять градусов и сказал:

— Можно начинать! Давайте, давайте, показывайте, по какой такой системе вы тут все вместе теряете

даром время! Или вы здесь тоже на стыке систем готовы сделать открытия?!

— Юрий Евгеньевич, пощади! — взмолился Кутырев.

— Ключ на старт! — сказал я и пояснил: — Это значит, что начинает действовать автоматика старта!.. Протяжка один!.. Ключ на дренаж!.. Протяжка два!.. Пошла команда: восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один. Пуск!..

— В общем, ребята, начинайте! — перевел Кутырев мои космонавтские слова на обыкновенный человеческий язык.

Занавес стал медленно раздвигаться.

ВОСПОМИНАНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Слепой космический полет и неожиданное прозрение

Первый номер школьного концерта, который я смотрел, назывался «Гвоздь». Написал эту сценку Борис Кутырев. Начал он так: «Здравствуйте, ребята! Начинаем наш концерт!» На сцену вышли Виктор Базыкин и Борис Павлов. Сделав несколько шагов, Виктор Базыкин споткнулся и чуть не упал, еле удержался на ногах и сказал: «Ну, конечно, гвоздь! Это называется приготовили сцену к концерту. Безобразие! Пришли сегодня с Борисом за час до концерта — гвоздь торчал, час прошел — Борис палец о палец не ударил... А что сложно-го?.. Нагнулся...(Виктор нагнулся.) За шляпку... И... и ведь гвоздик-то маленький... Вытащить — раз плюнуть! Ну ладно, Борису это так не пройдет». Затем он крикнул в сторону кулис: «Борис!» После этого на сцене появился Борис. Виктор засмеялся и сказал всем нам,

сидящим в зале: «Интересно, споткнется он или нет?...» И не успел Виктор задать этот вопрос, как Борис Павлов споткнулся и упал. А Виктор захохотал и произнес: «Так я и знал». Потом он сказал: «Борис, это что такое?» Борис посмотрел на пол и сказал: «Гвоздь». А Виктор спросил его: «А почему ты его не вытащил?» «А я думал, ты его вытащил», — ответил Борис. «А почему это я должен вытаскивать? — возмутился Виктор. — Мы, по-моему, с тобой отвечаем за сцену одинаково». «Нет, ты отвечаешь больше!» — заявил Борис. А Виктор спросил: «Это еще почему?» «Потому что ты больше. Ты большой. Ты выше ростом. Ты акселерат. А мое дело маленькое. Я ведь меньше тебя», — ответил Борис. «А гвоздь большой, что ли?» — спросил Виктор. «Гвоздь маленький», — ответил Борис. Тогда Виктор заявил: «Ну и вытаскивай. Попадется большой — я выдерну». «Хитрый. Я этот маленький вытащу, а большой тебе вдруг не попадется», — не согласился Борис. «Хорошо. Что ты предлагаешь?» — спросил Виктор. «Давай вытащим его вместе», — ответил Борис. «Вместе? Такой маленький гвоздь? Буду я руки марать», — ответил Виктор. «И я не буду», — в тон ему заявил Борис. Потом Виктор сказал: «Ведь нам с тобой здесь ходить, номера объявлять. Спотыкаться будем». А Борис возразил: «Еще чего! Мы же с тобой знаем, где он торчит?» «Ну, знаем», — согласился Виктор. «Значит, будем обходить его стороной», — сказал Борис. «А ребята?» — спросил Виктор. «Не зацепятся. Гвоздик-то пустячный, а разговору... — сказал Борис. — Вон Сережка Голованов идет... Сейчас проверим...»

В это время на сцену действительно вышел Сережа Голованов. Виктор посмотрел на Сережу и сказал: «Зацепится». А Борис с ним не согласился: «Не зацепится. Спорим на билет в кино... на тридцать копеек». Виктор сказал: «Спорим». Потом Сережа спросил: «Ребята, по-

чему мы не начинаем концерт?» И тут же действительно зацепился ботинком за гвоздь и упал на пол. Когда он поднялся, закрыв один глаз рукой, а потом отнял ее от лица, я увидел под глазом у Сережи синяк, а на лбу шишку. Сережа потрогал свой лоб и сказал: «Ой, как же это я буду с шишкой на лбу петь? Безобразие! Вы же ведущие! — И он обрушился на Базыкина и Павлова: — Сцену не могли приготовить!» С этими словами Сережа повернулся и ушел со сцены. Когда Сережа ушел, то Виктор сказал: «Все, я выиграл. Давай тридцать копеек». Пришлось Борису достать из кармана мелочь, которую он и отдал Виктору. «Держи,— сказал Борис.— Хотя, подожди. Вон Толя Кузнецов с балалайкой идет... Спорим на шестьдесят копеек, что и он зацепится». Виктор согласился и сказал: «Спорим». В это время на сцену действительно вышел Толя Кузнецов, в руках у него действительно была балалайка. Он шел не глядя себе под ноги, споткнулся о гвоздь, упал и сломал балалайку. С пола он поднялся со слезами на глазах и сказал расстроено: «Безобразие! Куда вы смотрите?» «В чем дело? Под ноги надо посмотреть!» — объяснил Виктор. Махнув рукой и собрав остатки балалайки с пола, Толя Кузнецов ушел со сцены. А Борис Павлов рассмеялся и сказал Базыкину: «Давай шестьдесят копеек». Виктор с неохотой отдал деньги и сказал: «Действительно безобразие!» Потом он посмотрел по сторонам и спросил Бориса: «Больше никто не идет?» «Нет», — ответил Борис. «Жаль,— сказал Виктор,— что же делать?» «Как что? — ответил Борис.— Давай вытаскивать этот проклятый гвоздь». С этими словами он наклонился, хотел было вытащить и уже схватился за шляпку, но Виктор его остановил словами: «Ишь хитрый какой. Выиграл — и сразу вытаскивать. Я еще должен вернуть свои деньги обратно». Но Борис не стал его слушать, взял с рояля молоток, щипцы, подошел к тор-

чащему из пола гвоздю и сказал: «Поздно. Давай». Виктор взял молоток и сказал: «Предлагаю вытащить». А Борис, в руках которого были щипцы, сказал: «Лучше забить». «Хорошо, забивай», — сказал Виктор. «Молоток у тебя, ты и забивай», — возразил Борис. «Я предлагаю вытащить», — сказал Виктор. «Тащи», — предложил Борис. «У тебя же щипцы, ты и тащи», — сказал Виктор. «Так мы не договоримся», — ответил Виктор и достал монетку. — Давай метнем... Так — тебе, так — мне...»

В это время на сцену вышла целая танцевальная группа. И Гена Ухов сказал: «Ребята, в чем дело? Почему вы не начинаете концерт?» Едва успев это произнести, он споткнулся о гвоздь и упал. А шедшие сзади девчонки и мальчишки упали прямо на него. Получилась целая куча-мала. Гена выбрался из-под упавших на него ребят, и хромя, сказал: «Ой!.. Ой!.. Ой, я ногу ушиб... Ой, и подметку оторвал...» Лена Марченко сказала: «А у меня платье порвалось!» «Что ты разнюнился?» — сказал Геннадию Виктор. «Да, мне же вальс танцевать, а у меня подметка хлопает», — ответил ему Гена. «Подумаешь, хлопает», — сказал Борис, — танцуй вместо вальса чечетку!» Но Гена посмотрел на него с презрением и сказал: «Я отказываюсь участвовать в таком концерте при такой организации». И Лена Марченко его поддержала и гордо заявила: «И я отказываюсь». И Сережа Голованов поддержал Лену, заявив: «Я тоже не буду. У меня голос на нервной почве совсем пропал». И все ребята разошлись. «Ребята, куда вы? Из-за какого-то маленького-маленького гвоздика срываете концерт!» — закричал им вдогонку Виктор. «В конце концов, спотыкались все, а вытащить — никого нет», — поддержал его Борис. «Что же делать? Придется отменить концерт», — развел руками Виктор. «Придется», — согласился с ним Борис. С этими сло-

вами он замахнулся на гвоздь и сказал: «Давай на прощание...» «Не стоит,— сказал Виктор,— нам сегодня с тобой больше по этой сцене не ходить». Но тут же споткнулся о гвоздь и упал. И заойкал: «Ой, ой, ой!» Борис бросился к нему на помощь, но тоже зацепился за гвоздь и тоже упал, и тоже заойкал: «Ой-ой-ой!» «Дайте занавес!» — закричал Виктор. «И доктора!» — подхватил Борис. Занавес стал медленно закрываться. И на просцениуме снова появились Виктор Базыкин и Борис Павлов. У одного — в гипсе рука, у другого — нога, а под мышкой два костыля. «М-да», — сказал многозначительно Борис. В это время за сценой внезапно раздался страшный грохот. «Что там еще случилось?» — громко крикнул Борис. А Виктор заглянул за занавес и сказал: «Пожарник разбился». Борис махнул безнадежно рукой и сказал: «Дорогие ребята! Все... Вот так наш концерт и закончился...» — «...бы...» — добавил Виктор. «...если бы...» — добавил Борис. «За полчаса до начала...», — добавил Виктор. «Этот маленький гвоздь, который принес концерту такие большие неприятности, не вытащили бы из пола... Может, он», — сказал Борис и указал на Виктора. «А может, он», — указал Виктор на Бориса. А Борис указал на появившегося Толю и сказал: «А может, он...» А Толя указал на появившуюся Лену Марченко: «А может, она...» А Лена указала на появившуюся танцевальную группу: «А может, кто-нибудь из них...» В это время из-за занавеса высунул голову Семен Цейтлин в каске пожарника и сказал: «А может, я...» И все хором крикнули: «А может, он!..» После чего громким и радостным голосом Виктор объявил: «Дорогие ребята. Начинаем наш концерт!» А Борис добавил еще более громким и более радостным голосом: «И никаких гвоздей!» Окончив этот номер, все участники концерта посмотрели на меня.

— Во-первых,— сказал я,— это представление надо

было смотреть не под углом в сорок пять градусов, а под углом в восемьдесят градусов...

После моих слов наступила пауза. Все переглянулись между собой. Лена Марченко в недоумении пожалала плечами.

— А во-вторых,— продолжал я,— всех бы вас с таким произведением к пираньям... во время отлива...

— Человеконенавистник,— пискнул кто-то негромко из этого птичьего базара, из этой возомнившей себя артистами массовки.

— Ну ладно, в общем-то, это может так и быть, я не протестую. Кто у вас там следующий?..

На сцену вышла Аня Брунова с балалайкой в руках. Подойдя к рампе, она, тяжело вздохнув, остановилась. «Волнуется»,— подумал я, разглядывая Брунову.

— Иванов,— вдруг обратилась ко мне Брунова,— ты не смотри на мою балалайку, как кот на аквариум, и без тебя знаю, что... Сколько лет балалайке? — так неожиданно продолжила она свою мысль.— Среди народных инструментов она самая «молодая» — нет ей и трехсот лет. Впервые о балалайке упоминается в 1714 году, в «Реестре», составленном Петром I. По распоряжению императора одно из свадебных торжеств должно было сопровождаться шествием ряженных, огромным оркестром, в котором «шла» и балалайка...

— Брунова, ты не по программе! — закричал на нее Борис Кутырев.

— А что он сидит с таким видом, что сейчас разразится лекцией о балалайках!

— Я тебя очень прошу,— сказал мне тихо Кутырев,— ты во время просмотра не разряжайся и... не делай никому никаких замечаний.

Я промолчал.

— Одна просьба,— снова сказал Борис Кутырев, обращаясь ко мне с тоской в голосе.— Теперь, когда все

мы убедились в том, что ты знаешь даже систему Станиславского, прошу тебя, сиди в зале, пожалуйста, молча — не губи мой авторитет! Если бы я знал, что ты знаешь систему Станиславского назубок, я бы... И вообще, ты здесь случайно!.. Ивановы на генеральную репетицию приходят и уходят, а Кутыревы остаются.

Брунова все еще спокойно стояла на сцене и не начинала свое выступление.

«А мне как-то показалось, что Брунова волнуется,— подумал я,— а она вон что, она хочет меня привести в... или, наоборот: вывести меня из... Не выйдет, Брунова, не выйдет! Не привести меня «в»... не вывести меня «из»... Жаль, что она не занимается, как Маслов, в кружке космонавтов... А то ее можно было бы и порекомендовать в экипаж, который меня доставит на место моего галактического назначения. А то еще зачислят этого Маслова... а что он такое? Да так... Лучший космонавт среди артистов... или, точнее, лучший артист среди космонавтов...»

— Когда я была маленькая, я очень любила сказки. И сейчас я их тоже люблю. И завидую тем, у кого есть свой волшебник со своими волшебными словами,— произнесла тем временем Брунова как-то искренне и, я бы сказал, честно, именно по той системе Станиславского, которую я, к моему удивлению, знал наизусть.

А Брунова между тем как по системе Станиславского начала, так по системе Станиславского и продолжала:

— В детстве я пыталась воспользоваться чужими волшебными словами, но у меня ничего хорошего из этого не получалось.

Вот очень мне нравились такие волшебные слова: «Он ударил в медный таз и вскричал: «Кара-барас!» У нас был такой таз, в котором бабушка варила варенье. Однажды, когда все ушли из дому, я села учить

уроки. Но ничего у меня не решалось, ничего не запоминалось. Тогда я взяла медный таз, ударила кулаком и закричала: «Кара-барас!» Никакого результата. Тогда я сказала, как сказочник из «Снежной королевы»: «Снип-снэп-снурре-пурре-базилюрре...» Но все равно из этого ничего не вышло, и задачи не решались. Еще я совсем зря крикнула: «По щучьему веленью, по моему хотенью — решитесь все решенья!» — не решились. И тогда я поняла: надо искать своего волшебника со своими волшебными словами, если чужие не помогают.

И я пошла по городу. И стала слушать, что говорят люди, когда работают. Вот строят дом. И кричат: «Майна!», «Вира!». Стена дома стала расти у меня на глазах. Заглянула к футболистам на стадион: «А ну, Миша, дай-ка еще по воротам». Заглянула к хоккеистам: «Харламов, еще пас, еще пас. Г-о-о-л!» Человек плывет. Почему не тонет? Смотрю: «Раз-раз-раз-раз!» Зашла в цирк: «Гоп-ля! Еще раз!» Заглянула в балетное училище, а там: «И-и-и раз! И два! И три! И — еще раз!» «Давай, давай! — говорил бульдозерист, нажимая на рычаги. — Еще давай!»

«Чудеса!» — подумала я, догадываясь, что в слове «раз» есть что-то волшебное. «Раз, два, взяли! Раз, два, взяли! Еще раз взяли! Еще раз!» И тут я все поняла. Вот они, волшебники, и вот они, волшебные слова: **ЕЩЕ РАЗ, ЕЩЕ РАЗ!** И так мне захотелось тут же самой стать волшебником! **ЕЩЕРАЗОМ!** Я взяла и стала сочинять свою волшебную песенку. Потому что какой может быть волшебник без песенки?

Получалось так: я **ЕЩЕРАЗ**, волшебник, и в добрый час я помогаю всем, кто от неудачи льет слезы, а работать надо весело, не напоказ, чтоб никто не удивлялся, а при этом, конечно, повторять: «Еще раз, еще сто раз, еще тысячу раз...» Песенки не получилось.

«Никакой я не волшебник, — подумала я, прочитав

все это.— Какая же это песенка, когда все так нескладно?» А потом вспомнила, что надо еще раз, и еще, и еще сто раз попытаться стать волшебником. И вдруг, может быть, в двухсотый еще раз у меня из-под пера полились стихи:

«Я, волшебник ЕЩЕРАЗ,
Помогаю в добрый час
Тем, кто с первой неудачи
Растеряется и плачет.
Чтоб в работе и за книжкой
Дело спорилось у вас,
Говорите все мальчишки,
И девчонки и мальчишки:
«Еще раз! Еще раз!»
Веселей работай снова,
Повторяя каждый раз
Два моих волшебных слова:
«Еще раз! Еще раз!»

Между прочим, пока Аня Брунова исполняла по системе Станиславского свою сказку про волшебника ЕЩЕРАЗА, я, конечно, не терял времени даром и, как всегда, занимался сразу четырьмя делами: правой рукой в кармане сжимал теннисный мяч, носком левой ноги ритмично прижимал теннисный мяч к полу, решал кроссворд (по горизонтали: 12. Плата за перевозку груза водным путем. 13. Щипковый инструмент. 15. Курорт в Крыму. 17. Вулканическая горная порода, употребляемая как строительный материал) и размышлял о методе физических действий.

Оказалось несколько неожиданным и для меня самого, что я разбираюсь не только в системе Станиславского, но и еще в одном методе, применяемом режиссерами в работе с артистами,— этот метод называется методом физических действий. И заключается он вот в чем, но это так... грубо и ориентировочно: в отличие

от системы Станиславского, которая приводит актера к правильному внешнему состоянию через правильное внутреннее состояние, то есть через внутреннее к внешнему. Метод же физических действий старается через правильное физическое поведение актера привести его к нужному внутреннему состоянию, то есть, наоборот, через внешнее к внутреннему...

— Иванов, ну, как тебе сказка про волшебника ЕЩЕРАЗА? — спросил Кутырев.

— Всех бы вас, — сказал я, помедлив, — к пираньям во время отлива... всех... кроме Ани... А так, ничего, ничего я немного доволен.

— Иванов немного доволен! Иванов немного доволен! Иванов немного доволен! — пронеслось по залу и по сцене.

— Но потом, когда... имейте в виду... но, несмотря на... это, я разрешаю, только я не очень-то разобрал, по какой все-таки системе вы работаете? Борис, кстати, о стыке театральных наук... Вы, конечно, не знаете, что кроме системы Станиславского, в работе с актерами есть еще так называемый метод физических действий, — меня так и подмывало все-таки прочитать этим начинающим и ленивым и нелюбопытным людям лекцию о методе физических действий.

— Юрий Евгеньевич! Не губи мою режиссерскую карьеру, — взмолился Борис Кутырев, — ты же обещал не разряжаться?

— Не знаешь — не берись, не можешь — не боришься, — прошептал я одними губами и решил про себя: «Ладно, погублю я этого Кутырева, но потом! Позже!.. Чтобы не занимался бессистемно театральным искусством!»

— И так в твоём присутствии бог знает что происходит, — продолжал жаловаться Кутырев. — Жонглер раньше не ронял ни одной булавы, а сегодня, в твоём

присутствии, он ни одной булавы не поймал. Актеры не выполнили ни одной из поставленных перед ними сценических задач. Кроме Ани...

— Как, разве выступал жонглер? — удивился я.

Выступление жонглера я и вправду как-то не заметил, поглощенный своими мыслями.

— Слушай, Брунова, у меня есть к тебе серьезный разговор, ты ко мне зайди.

— Когда? — спросила Аня.

От такого моего предложения она так растерялась, что даже покраснела, и так покраснела, что даже воскликнула:

— Господи, твоя воля! Счастье-то какое! Иванов свидание мне назначил! Где это записать?!

— Как где? В воспоминаниях, — вырвалось у меня невольно.

— А когда зайти-то? — продолжала причитать Брунова.

— Зайдешь... лет через пятнадцать — двадцать.

От такого моего предложения она растерялась еще больше и еще больше покраснела.

— Через пятнадцать лет у меня будет ревнивый муж, — сказала она.

Мне понравилась ее находчивость, в конце концов, все сотрудники, окружающие сверхкосмонавта, должны быть находчивыми, а сам сверхкосмонавт должен быть сверхнаходчивым. Все нормально.

— Друзья, но давайте все-таки работать, — взмолился Кутырев.

— Давайте, давайте, — согласился я, зная, что сейчас начнется то, ради чего я и пришел.

— Сейчас мы тебе сыграем клоунаду, — сказал Кутырев, обращаясь ко мне. — Только дай слово, что ты до самого конца не будешь перебивать нас своими знаниями!..

— И больше того,— поддержал я Кутырева,— если мне твоя клоунада понравится, я твоим клоунам подарю способности гекконов!

— Каких еще гекконов? — испугался Кутырев.

— Тех самых гекконов, которые ходят по потолку,— и я быстренько скороговоркой проинформировал всех о том, что семейство гекконов из отряда ящериц знаменито тем, что его представители могут передвигаться по вертикальным, совершенно гладким поверхностям и в погоне за мелкими насекомыми бегать по потолку, словно по полу.

— А зачем нам от тебя такой подарок? — удивился Кутырев.

— Как зачем? — сказал я.— Вы же играете клоунду про космос, вот твои клоуны и будут ходить по потолку, как гекконы.

— Но я надеюсь,— сказал Кутырев,— ты не сейчас нам подаришь эти способности.

— Нет, нет,— ответил я,— со временем, конечно.

— Ах, со временем,— успокоился Кутырев.— Тогда другое дело. Можешь не торопиться со своим подарком.

И с этими словами Кутырев побежал за кулисы. Затем вышел из-за занавеса на просцениум. Я с настороженным любопытством уставился на Кутырева.

— Предлагаю вашему вниманию клоунду,— неуверенно громким голосом объявил Борис Кутырев,— под общим названием «Слепой космический полет!» Часть первая: «Три, два, один. Пуск!» Часть вторая: «Вдоль по Юпитерской!..»

Занавес открылся, и то, что я увидел на сцене, привело меня в некоторое замешательство: на заднике были срисованы космические сюжеты с картин художника Соколова, а также космонавта и художника Алексея Леонова. Но вместе с этим на площадке сцены под тремя металлическими трубами, сваренными треногой,

стоял обыкновенный стул. На треноге перекинута через блок висела толстая веревка, один конец которой был привязан к спинке стула, другой конец веревки держали в руках пять или шесть ребят в противоперегрузочных костюмах. Я-то думал, что увижу на сцене хотя бы макет ракеты с заправочной мачтой или что-нибудь похожее, а тут — стул и рядом со стулом почему-то цинковое ведро с дужкой.

Затем раздались записанные на магнитофон звуки электронно-космической музыки, и на сцену вышли Борис и Виктор. Те самые, что разыгрывали недавно не очень-то умную сцену с гвоздем. Виктор и Борис были в преувеличенно-космонавтских скафандрах и в дурацких клоунских ботинках с длинными носами. Костюм Виктора был расшит ослепительно сверкающими, как звездное небо, белыми блестками, среди которых сверкали синие луны. А костюм Бориса был расшит огненно-рыжими блестками, расцвеченный сверкающими спиралями и красными звездами. Вообще-то, это все было очень эффектно и впечатляюще.

«Понятно,— подумал я.— Ребята выступают в старых классических масках рыжего и белого клоуна, только в художественно-космической разработке. Неплохо»,— подумал я и хотел было уже спросить: эта клоунада — «цирковое антре» или клоунада «буфф»? Спросить с тем, чтобы тут же разъяснить участникам представления, какая разница между двумя видами этих клоунат, но удержался, потому что я дал слово Борису Кутыреву не прерывать своими знаниями репетицию. Вот поэтому я даю в моих воспоминаниях эту клоунаду без всяких своих комментариев, а точно слово в слово, мизансцена в мизансцену — так, как она запечатлелась у меня в памяти и как она была написана и поставлена ее автором и режиссером Борисом Кутыревым.

СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

(клоунада)

Часть первая

«Три, два, один. Пуск!»

Белый космонавт. А сейчас, Витя, я тебя буду тренировать...

Рыжий космонавт. Ты меня уже тренировал... Сейчас моя очередь!

(Униформистам: «Дайте шлемоведр!»)

На манеж выносят обыкновенное ведро с дужкой. К ведру прикреплены наушники, провода и множество замысловатых трубок.

Белый космонавт. А это что такое?

Рыжий космонавт. Это... навигационный прибор, предназначенный для слепых космических полетов... шлемоведр! Надевай!

Белый космонавт. Зачем?

Рыжий космонавт. Сейчас ты у меня полетишь!

Белый космонавт. Куда я полечу?

Рыжий космонавт. Полетишь в пробный клоунский космический слепой полет... (Надевает на голову Бориса шлемоведр.) Чего ты трясешься?

Белый космонавт. Ой, мама!.. Темно!

Рыжий космонавт. Темноты боится... а еще на Луну собирался лететь... Не бойся, когда будет надо, мы тебе включим звездовизор... Будешь смотреть на экран и рассказывать, что видишь в космосе... Дайте звездолет!

Униформисты выносят на манеж обыкновенный стул с рукоятками от носилок. Стул покрыт пластмассовым ковриком.

Рыжий космонавт. Садись, Боря! Звездолет подан!.. (Боря трясется.) Боря! Если ты так будешь трястись, то звездолет может развалиться в воздухе!..

Белый космонавт. Я больше не буду... (*Трясется еще сильнее. Садится на стул. Поет.*) «Напрасно старушка ждет сына домой...» (*Виктор прицепляет к Бориному поясу лонжу.*)

Рыжий космонавт. Через пять секунд после старта мы дадим команду, и звездолет начнет снижаться. Понятно?

Белый космонавт. Понятно!.. Витя! Я надеюсь, что мне по знакомству обеспечишь мягкую посадку...

Рыжий космонавт. Обеспечу...

Белый космонавт. А как я с вами буду обеспечивать связь?

Рыжий космонавт. Вот через этот шлемоведр... Даю пробу... Ты меня слышишь?

Белый космонавт. Слышу!

Рыжий космонавт. Ты не передумал лететь?

Белый космонавт. По-о-о-одно!

Рыжий космонавт. Правильно! А какое ты хочешь сделать заявление перед полетом?

Белый космонавт. Ва-ва-ва-ва...

Рыжий космонавт. Что?

Белый космонавт. Ва-ва-ва-ва...

Рыжий космонавт. Не волнуйся, Боря! Я перевожу нашим зрителям... Боря хотел сказать, что он очень счастлив и горд, что в первый пробный клоунский полет к звездам летит он, а не я...

Белый космонавт. Ва-ва-ва-ва...

Рыжий космонавт. Вот речугу закатил... Приготовиться к старту! (*Униформисты берутся за рукоятки стула.*) Боря, слушай меня! Я — Витя!

Белый космонавт. Ва-ва-ва-ва-а!

Рыжий космонавт. Все еще говорит речь!.. (*Бьет деревянным молотком по ведру.*) Ты будешь меня слушать?

Белый космонавт. Слушаю! Слушаю!

Рыжий космонавт. Слушай, Боря!.. В начале полета звездолет будет медленно набирать скорость, ты будешь пролетать мимо верхушек деревьев. Не пугайся, если заденешь за них... Приготовиться к старту!..

Белый космонавт. Ой, мамочка!

Рыжий космонавт. Да я с тобой! *(Витя кладет руки на плечи Боре.)* Включить первый двигатель! *(Взрыв.)*

Белый космонавт. Братцы! Я раздумал лететь!

Рыжий космонавт. Поздно, Боря! Ты уже в полете!

Униформисты начинают поднимать стул. Витя опускается на колени. У Бори впечатление, что Витя остается внизу, а он сам поднимается. Стул поднимается еще выше. Боря хватается Витю за руку. Униформисты раскачивают стул.

Рыжий космонавт. Я — Витя! Витя! Боря! Ты подлетаешь к верхушкам деревьев... Осторожнее!.. *(Щекочет Бору веткой.)*

Белый космонавт. Ой, мамочка!.. *(Хватается за ветку. Витя вырывает из рук Бори ветку.)*

Рыжий космонавт. Спокойно! Сейчас на тебя начнут действовать перегрузки. *(Униформисты за лонжу подтягивают Бору повыше. Витя и еще человека четыре виснут на Боре.)*

Белый космонавт. Это что такое?

Рыжий космонавт. Перегрузка!

Белый космонавт. Ой, тяжело!.. *(Униформисты вместе с Витей обрываются, стягивая при этом с Бори штаны. Он остается в трусиках.)* Караул! Раздевают! Куда милиция смотрит?

Рыжий космонавт. Спокойно, Боря! Какая в космосе милиция?

Белый космонавт. А кто с меня штаны снял?

Рыжий космонавт. Это перегрузка! Сейчас начнется состояние невесомости... *(Поднимают Бору на*

лонже повыше, теперь он висит в воздухе, делая руками плавательные движения. Униформисты дергают рывками лонжу.)

Белый космонавт. А это что такое?

Рыжий космонавт. Воздушные ямы!

Белый космонавт. Ямы? А что их, засыпать не могли?.. Ну и дорожка!

Рыжий космонавт. Держи! *(Дает в руки Боре кусок ваты.)*

Белый космонавт. А это что такое?

Рыжий космонавт. Это ты пролетаешь облака!

Белый космонавт. А нельзя мне дать свет? Очень темно.

Рыжий космонавт. Включаю звездовизор! Боря, ты видишь звезды?

Белый космонавт. Ничего я не вижу!..

Рыжий космонавт *(бьет деревянным молоточком по ведру)*. А сейчас видишь звезды?..

Белый космонавт. Сейчас вижу...

Рыжий космонавт. Откуда летят звезды?

Белый космонавт. Они летят у меня из глаз...

Рыжий космонавт. Красивое зрелище?

Белый космонавт. Я бы не сказал...

(Рыжий космонавт колотит деревянным молоточком по ведру.)

Белый космонавт. Войдите!

(Рыжий космонавт подносит к вытянутой руке Белого космонавта горящую свечу.)

Белый космонавт. Ой-ой-ой! Горячо! Почему так горячо?

Рыжий космонавт. Это раскаленный метеорит.

Для человека с нормальной нервной системой такое зрелище было, я бы сказал, равносильно стрессу. Стрессы прежде всего предъявляют повышенные требования

к нервной системе. В результате возрастает выработка тех гормонов, с помощью которых организм приспосабливается к изменениям внешней среды. Но часто в ходе такой гормональной перестройки страдает сердечно-сосудистая система — непосредственный исполнитель главных приспособительных реакций. Но моя сверхнервная сверхсистема была спокойна, а на сцене тем временем происходило вот что.

Рыжий космонавт дает знак униформистам, те выносят на сцену два ведра воды. Белый космонавт неожиданно снимает с себя шлем. Наблюдает за Рыжим космонавтом.

Белый космонавт. А сейчас что будет?

Рыжий космонавт. Сейчас ты попадешь в зону космических дождей.

Белый космонавт. Я попаду?! (*Рыжему космонавту.*) Это ты сейчас попадешь в зону космических дождей...

Рыжий космонавт оборачивается, видит Белого космонавта без шлема. Униформисты опускают лонжу. Белый космонавт хватает ведро воды и гонится с ним за Рыжим космонавтом.

«Да,— подумал я.— Сегодня они смеются над космонавтом, а завтра и до единственного сверхкосмонавта доберутся... Надо с этими «добирательствами» покончить раз и навсегда, чтобы и впредь было никому неповадно!...»

Я выскочил на сцену для того, чтобы, выражаясь языком дипломатического протокола, выразить энергичный протест. Я закричал во весь свой сверхголос, а уж то, что мой голос у меня не голос, а сверхголос, я мерил на шумомере. Между прочим, в одной из лондонских школ провели недавно необычное соревнование — кто громче крикнет. Попробовать силу своих голосовых связок вызвалось около двухсот школьни-

ков. Микрофон с измерительным прибором находился на расстоянии одного метра от кричащего. В среднем испытывшие свою силу школьники кричали с громкостью 114 децибелов. Победительницей оказалась двенадцатилетняя девочка, громкость крика которой — сто двадцать два децибела. Из мальчишек никто не подошел к победительнице ближе чем на два децибела. Это и естественно! А на что способны эти девчонки? А только на то и способны, чтобы поднимать самый большой шум. Но, конечно, эта громкоголосая англичанка могла с кем угодно соревноваться, только не со мной. С криком в двести сорок четыре децибела я выскочил на сцену: «Вы представляете, что вы делаете?!» Я подлетел к этим рыже-белым комедиантам: «Ведь, как показали многочисленные опыты, проведенные советскими учеными на большой центрифуге, при увеличении веса испытуемых в десять — двенадцать раз они на некоторое время перестают видеть. Перед их глазами появляется черная пелена. Если же перегрузка возрастает в пятнадцать раз, то «высидеть» в таком положении более десяти секунд человек не в состоянии! А вы что здесь делаете? Ведь после длительных опытов установлено, что под углом восемьдесят градусов к действию ускорения космонавт способен выдержать необычайные перегрузки — в двадцать шесть с половиной раз! А вы здесь чем занимаетесь?!»

Они потом говорили, дорогие товарищи потомки, что якобы я толкнул Рыжего клоуна-космонавта, того самого, что держал в руках горящую свечу. На самом деле, я сам видел: сила звука, с которой я выкрикивал слова, была такая, что пламя свечи оторвалось и полетело в кулисы. Вспыхнула декорация, и девчонки в один голос закричали: «Пожар! Пожар! Пожар!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ГДЕ ЖЕ ВЫ БЫЛИ РАНЬШЕ,
ЧАРЛЗ ДАРВИН?

ВОСПОМИНАНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Час без секунды — это не час,
а только 59 минут и 59 секунд

— А может быть, мы действительно недостаточно используем коэффициент полезного действия своего мозга? — услышал я за стеной голос отца. — Может быть, ученые действительно правы?

Я прислушался. Отец продолжал:

— А может, это акселерация мозга? Вот, например, я страдаю из-за своего сына бессонницей, принимаю всякие снотворные, а оказывается, существует естественное снотворное. Ученые извлекли из мозга спящих кроликов венозную кровь, пропустили ее через специальный фильтр, чтобы отделить макромолекулы. Эту выделенную фракцию ввели другим кроликам, и через десять — пятнадцать минут электроэнцефалограмма этих кроликов показала удвоение активности дельта-волн мозга, характерных для легкого сна. Этим «веществом сна» оказался белок.

— Да, да, — сказала мама, — я, например, все стараюсь похудеть и сижу на всяких диетах, а оказывается, есть гормон, регулирующий аппетит. Стоит этому гормону выделиться в кишечнике, как пропадает интерес к пище. Но это все я помню только час-два, а как Юрий помнит все и все время — ума не приложу.

— А надо как раз прикладывать ум, — посоветовал отец маме.

«Что такое, что такое? — запрыгало у меня в уме. — Откуда у моих родителей такая эрудиция?» Я подбежал к двери и сквозь приоткрытые створки увидел: мама и отец сидели за столом, заваленным газетами и журналами, и читали друг другу всевозможные небезынтересные сведения.

«Ну, так-то, кажется, можно». Я лег в постель, продолжая свой прерванный отдых, слушая доносящийся из-за стены голос отца.

— Вот, например, есть ассоциативный метод памяти, — сказал он, шурша газетой. — Оказывается, что феноменальную память некоторых людей связывают с какими-то фокусами и трюками. Но это совсем не так. Такие люди кроме неординарных способностей к прочному запоминанию обладают, например, сильной концентрацией внимания, ярко выраженным ассоциативным мышлением и более или менее сознательно выраженной техникой запоминания. — Здесь отец прервал свое чтение и продолжал говорить от себя: — А может быть, дело в том, Маша, что человек должен или работать, или отдыхать, а то ведь чаще всего человек делает ни то ни се. Может, Юрий открыл этот простой секрет?..

Вообще-то по расписанию у меня сон должен быть закончен, но так как мой полет на планере продолжался на пятнадцать минут дольше, чем он должен был бы продолжаться, то я эти пятнадцать минут приплюсовал к своему отдыху. А все случилось из-за того самого догрузочного мешка с прессованными опилками. Отправляясь в полет, я забыл его засунуть в кабину. То есть это тренер подумал, что я его забыл засунуть, а на самом деле я его просто не взял с собой. Мне было интересно узнать, как поведет себя планер в недогруженном по правилам весе. Тут еще восходящий поток воздуха невесть откуда взялся, и облегченная машина взмыла

чуть было не в космос. Еле-еле я с ней справился и посадил на пятнадцать минут позже, чем должен был по расписанию, поэтому я на пятнадцать минут увеличил свой отдых и с удивлением прислушивался к разговору моих родителей.

— Я всегда говорила, что моего сына ждет огромное будущее,— сказала мама.

— Такое огромное, что он с ним не справится, пожалуй,— с иронией сказал отец.— И вообще, ты не очень-то задавайся своим сыном. Он такой не один на свете. Есть и не хуже его. Вот, пожалуйста.

«Есть и не хуже меня? — Я даже приподнялся на постели.— Есть не хуже меня!» — повторил я про себя и стал ждать, как отец сможет объяснить это совершенно фантастическое предположение, что на свете может существовать человек не хуже меня.

— Вот, пожалуйста,— продолжал отец.— Двенадцатилетний Давид Арутюнян стал студентом Ереванского политехнического института. Он блестяще сдал вступительные экзамены и учится на отделении вычислительных машин факультета кибернетики. В средней школе полный учебный год Давиду потребовался лишь дважды— в предпоследнем и выпускном классах.

— Подумаешь там, какой-то Давид Арутюнян поступил в какой-то политехнический институт,— возмутилась мама.— Да сегодня наш Юрий, если он захочет, может поступить не только в политехнический институт, а во все институты, которые существуют на свете!

«Молодец, мама! — подумал я.— Мне в ней нравится, что она никогда не преувеличивает мои способности, а даже их несколько преуменьшает».

В это время раздался телефонный звонок. Отец снял трубку с аппарата, и по его репликам я понял, что это кто-то из звезд школьной самодеятельности жа-

луется на меня и рассказывает о пожаре на генеральной репетиции.

— Ну, вот,— сказал отец, возвращаясь к разговору с моей мамой и вешая телефонную трубку.— Вот еще одна новость: наш сын устроил в школе пожар, но я почему-то совершенно спокоен.

— Потому, что этот пожар кто-то устроил, а свалили все на нашего сына,— ответила мама.

— Ты его всегда защищаешь, и это меня не возмущает так же, как меня не возмущает пожар. Знаешь почему? — спросил отец у моей матери. Та, видимо, не ответила на его вопрос. Тогда отец ответил сам и по моей системе:

— Потому что у меня уже образовался условный рефлекс на всякие неприятности, которые мне приносит мой сын. А что такое рефлекс, ты можешь вспомнить? Не помнишь. Тогда я тебе отвечу, что такое рефлекс по системе нашего сына.

Я услышал, как отец, порывшись в каких-то бумагах, громко произнес:

— Рефлекс — это ответная реакция организма на раздражение. А если раздражение часто повторяется, то организм уже может не реагировать. Можно среагировать на одну неприятность, на две, на десять, двадцать, но на тридцатую уже никакой реакции не будет.— Видно, отец не на шутку разволновался. После этих слов он ультимативно заявил: — Все, хотя у меня уже нет рефлекса, но у меня и терпения уже нет. Все,— повторил он.— После этого пожара я уйду жить к бабушке.

Мне показалось, что отец и вправду решил уйти жить к бабушке, он действительно стал собирать вещи, то и дело восклицая:

— С одной стороны, он все знает! С другой стороны, он не знает, до скольких лет живет человек?! С третьей

стороны, он гипнотизирует гипнотизера!.. С двадцать третьей стороны, он спорил стиральные метки со своего белья и сам стирает его!.. С сороковой стороны, его фотографии появляются в газетах под другой фамилией!.. С пятьдесят шестой стороны, он перемножает любые цифры со скоростью электронно-вычислительной машины!.. С шестидесятой стороны, я нахожу записку, из которой явствует, что он играет в карты! «Завтра карты! Ставка больше, чем жизни!»

«Боже мой,— заскрипел я зубами, ворочаясь в постели,— карты! Это не игральные карты, это маленькие автомобили карты. Я же еще и гонщик!.. Я занимаюсь картингом. Ну, ладно, читайте сейчас, поймете позже».

— С семидесятой стороны, звонили из милиции и сказали, что наш сын торгует цветами!.. Нет, мой сын — это... это какой-то сверх... сверх... сверх... — сказал отец.

«Ну, папа, ну, поднатужься, ну, догадайся, кто у тебя сын, ну?...» — просил я мысленно отца.

— Это какой-то сверхумный сверхбезобразник!..

Во время таких необъяснимо сильных переживаний отца раздался звонок, на этот раз в прихожей, и я почувствовал, как там, за стеной, отец вздрогнул.

— Я не могу,— воскликнул он после небольшой паузы,— иди открой ты! Я не могу! Я боюсь!..

Мама открыла входную дверь в прихожей, и спустя минуты три раздался стук в дверь моей комнаты. Потом открылась дверь, и я увидел испуганное лицо моего отца.

— Тебе пришла бандероль,— сказал боязливо отец. Его все пугает в последнее время.— Ты от кого-нибудь ждешь бандероль? — папа держал в руках довольно толстую книгу, завернутую в бумагу и перевязанную крест-накрест бечевкой.

— Жду. Я жду.

— Что ты ждешь? — спросил почему-то очень испуганно папа.

— Стихи,— сказал я.— Жду стихи.— Я был уверен, что это мне прислали стихи.

— Почему стихи и от кого стихи?

— Не знаю почему и не знаю от кого, но я их жду.

Я взял бандероль и распаковал ее. В пакете была книга под названием «Моя автобиография», и ее автором был знаменитый естествоиспытатель Чарлз Дарвин. «Это что-то новое»,— подумал я, раскрывая обложку книги, и там, за обложкой книги, я увидел листок бумаги со стихами.

«А это что-то старое»,— подумал я, разглядывая страницу с рифмованными строчками. На странице было написано вот что:

Ах как это грустно и печально —
Человек не любит танцев, песен, смеха...
Это ж все ведет к эмоциональному
Ослаблению природы человека.

Ах как это все не идеально:
В голове задач одних решенья!..
Это Дарвин звал эмоциональным
Человеческой природы ослабеньем.

Ах как это все рационально:
Нет печали даже на невзгоды,—
Это Дарвин звал эмоциональным
Ослабеньем человеческой природы!..

В конце стихотворения была приписка: «Когда прочитаешь эти стихи, открой автобиографию Чарлза Дарвина, там, где торчит бумажная закладка, и прочти то, что подчеркнуто красным карандашом». Раскрыв книгу, я сделал все, что мне было подсказано,— прочитал подчеркнутые строчки, и первый раз озадаченно

потер свой лоб. Я никогда не думал, что Чарлз Дарвин принесет мне в жизни столько неприятностей!

Ну и пилюли преподнес мне этот великий естествоиспытатель Чарлз Дарвин! Уж лучше бы я не читал его автобиографию. Из-за него теперь мне придется вставлять в мой бортжурнал занятия пением, танцами и чтение стихов. А как мне быть, если старик написал в своей биографии, что «если бы ему пришлось заново прожить свою жизнь, то он бы не замкнулся бы целиком только в своей науке...» Он так и заявил, что занятие одной какой-либо наукой «ослабляет эмоциональную сторону нашей природы». И, мол, не только «равносильно утрате счастья», но и «вредно отражается на умственных способностях...» Конечно, петь или танцевать—это небольшое удовольствие. Можно сказать, просто мучение, но если это надо для того, чтобы мозги не сохли, то какой может быть разговор, надо петь!

Размышляя, я быстро зашагал. Вернее, чуть было не забегал по комнате. Так меня искренне расстроил Чарлз Дарвин своими словами о том, что я, как и он, столько времени «ослаблял эмоциональную сторону нашей природы» и что это «равносильно утрате счастья»! Я тут же решил начать немедленное «усиление эмоциональной стороны нашей природы», что было, вероятно, равносильно обретению счастья.

«Ну и преподнес мне пилюлю этот знаменитый естествоиспытатель, товарищ Чарлз Дарвин»,—думал я.

— От кого бандероль? — спросил отец, заглядывая в дверь.

— От Чарлза Дарвина,—ответил я.

— Не может быть! — вздрогнул отец.— Чарлз Дарвин умер, и ты не можешь получить от него бандероль!

— Но эта бандероль не лично от него,—пояснил я.

Отец скрылся, как бы растворился в пространстве...

Я уже и позывные себе придумал: «Я — Круг! Я — Круг! Слышу вас хорошо!.. Прием!»

Я почему взял себе в позывные «Круг»? Круг — это самая завершенная фигура на свете. Вот шестиугольник в пчелиных сотах — это такая фигура, которая требует для постройки минимум материала, а получается максимум прочности, а круг — это, по-моему, самая завершенная, самая красивая линия на свете. Недаром Земля и все планеты круглые. Вот поэтому я хотел взять себе в позывные слово «Круг». Но теперь, после того как я, по Чарлзу Дарвину, не занимаясь искусством, ослабил свою человеческую природу, я уже не могу считать себя **КРУГОМ**. Линия круга у меня не смыкается, а несмыкающаяся линия круга — это не круг, так же, как час без секунды — это только пятьдесят девять минут и пятьдесят девять секунд, так же, как арбуз, из которого вырезана долька, — это уже не целый арбуз. Вот почему я уже завтра вставил в свое расписание первое посещение урока пения. При этом у меня на губах, конечно, будет весь урок играть ироническая и благосклонная улыбка, чтобы никто не подумал, что я это всерьез делаю.

Правда, в этом учебном году я все время сбегал с урока пения, а когда не смог сбежать, взял и сорвал его — пел громче всех и все фальшивил, за что и был изгнан с занятия. Но как я сейчас об этом сожалел! А может быть, начать петь мне уже поздно, может, мои сверхкосмические занятия уже так «ослабили эмоциональную сторону моей природы», что это уже, вероятно, «отразилось на моих сверхумственных сверхспособностях», а может быть, даже сверхотразилось, хотя, впрочем, не может быть, чтобы сверхотразилось, просто «отразилось. И все это действительно «равносильно утрате счастья»?!

Да нет, не может быть! Я же еще не такой старый,

как Чарлз Дарвин, каким он был, когда записал эту мысль в свой дневник. Конечно, я еще успею «усилить эмоциональную сторону моей природы». Только надо не терять ни минуты.

Быстренько! В аварийном порядке! Понапишу стихов, понапою песен, понатанцую танцев, понасмеюсь вдоволь, понавеселю друзей и понавеселюсь сам. Тем более, что теоретически я со всеми этими премудростями знаком, остается только перейти от слов к делу, и все! И полный порядок! Я приготовил тетрадь для стихов и песен. Идея! Песни я буду петь свои и на свою музыку. Про сердце спою песню, про сердце, которое всегда бьется, делая пятьдесят два удара в минуту, в любой ситуации, тем более, что сердце — это конусообразной формы полый орган. Задневерхняя расширенная часть сердца называется основанием сердца, базис кордис. Передненижняя, суженная часть называется верхушкой сердца, апекс кордис. Сердце располагается сзади грудины, с наклоном в левую сторону. Ну и так далее и тому подобное.

Теперь об усилении эмэсэспэ!..

Только вот как я ее усилю, Эмоциональную Сторону Своей Природы, если учительница пения сказала, что-бы ноги моей больше не было в классе? Ничего, она еще извинится и еще попросит у меня разрешения, чтобы я присутствовал у нее на уроке. Кстати, надо будет сегодня же заготовить воспоминание, которое учительница пения напишет о моем пении. Ну, ладно! Это потом. Это после урока пения.

Нет, представляю, какие лица будут у этих ченезем-пров, когда я добровольно заявлюсь в класс! Они и не представляют, что я берусь за это сомнительное дело, стараясь как можно быстрее возвращать к жизни клетки мозга, которые длительное время не занимались искусством.

Но все-таки, как это могло случиться, что мой сверх-организм упустил из виду это сам, и, по-видимому, на уровне генов?.. Я как-то и не задумывался над тем, что, собственно говоря, передали мне по наследству мои родители и, кстати, передали ли они мне что-нибудь эмоциональное, или не передали? В детстве, я имею в виду свое младенчество, пели ли они мне колыбельные песни (не помню) и играли ли они на каком-нибудь музыкальном инструменте? (На балалайке? На домре? На гитаре? В конце концов, на пианино?)

С этими мыслями я вошел в столовую. Папа работал над своей диссертацией. Мама вязала. Возле отца стоял чемодан. Я понял, что, если во время разговора я усиленно пойду на характер, папа возьмет чемодан, хлопнет дверью и уйдет спать к бабушке. Поэтому я начал разговор спокойно и издалека:

— Вот когда младенцы засыпают, им поют колыбельную... А вы пели мне колыбельную песню?

— Нет,— сказала мама.

— А ты, папа?

— Зачем тебе было петь? Ты и так спал как убитый...

— Вот именно как убитый! Спал тогда, а как убитый сейчас... Вот, вот, почему не смыкается круг.

При словах «вот почему не смыкается круг» папа потянул руку к чемодану.

— Какой круг? Почему не смыкается? — Отец снял очки, потер переносицу и спросил: — И почему он должен смыкаться?

Его рука замерла на полпути к ручке чемодана.

— А потому, что... потому, что в Америке есть бэби-певцы. Слышали об этом?

— Что еще за бэби-певцы? — удивились мои родители.

— Мальчик в восемнадцать месяцев напевал народ-

ные песни, а девочка в четырнадцать месяцев пела колыбельные песни. А почему они это делают?

Отец с мамой переглянулись и пожали одновременно плечами.

— А потому, что и колыбельные и народные песни им пели их папы и мамы. А есть такие, которые не поют...

— Одним поют, других укачивают молча,— сказал папа,— кому что нравится. Мы с мамой не пели, потому что ни у нее, ни у меня никогда не было голоса. Между прочим, ты пошел в нас, у тебя тоже нет голоса.

— Извините,— сказал я категорично.— Лично я не пел потому, что думал, что я не должен петь, а теперь, когда я знаю, что обязан петь,— слово «обязан» я выделил интонацией голоса,— теперь я пою.

— Не хотел бы я услышать твое пение. Хотя, впрочем, от тебя всего можно ожидать. И потом, почему ты обязан петь?

Этот вопрос я, конечно, пропустил из левого уха в правое.

— Да,— намекнул я,— но есть еще и такие, которые не только сами не пытались петь, но и не пытались передать свои малые музыкальные способности своим детям, не помогая тем самым усилению эмоциональной стороны природы их ребенка...

На словах «тем самым усилению эмоциональной стороны природы их ребенка» рука отца занервничала, но я не замолчал, я продолжал:

— ...А другим нравится не петь, не шутить... Кстати, о «шутить». Одна очень полная дама решила похудеть и обратилась за советом к врачу. Врач посоветовал утром ей двадцать раз коснуться тапочек. Через некоторое время она опять посетила врача и сказала, что от его совета никакого эффекта. Он попросил ее объяснить, как она выполняла его совет. Оказывается,

она, не вставая утром с кровати, доставала тапочки, ставила их на стул рядом с кроватью и дотрагивалась до них даже больше двадцати раз — и все напрасно!

— Ну и что? — сказал папа. — Что она двадцать раз дотронулась до тапочек?

— Как ну и что? — удивился я. — Это же смешно.

— Что смешно? — спросил папа.

— Как что смешно? — удивился я и тут же решил разъяснить отцу, что в этом рассказе смешно: человеку доктор прописал, чтобы он, стоя на прямых ногах, сгибался и доставал кончики тапочек, тогда будет эффект, а она без труда дотрагивается до них, положив их еще на стул.

— Ну и что здесь смешного? — снова переспросил меня отец. — Ты здесь видишь что-нибудь смешное? Это скорей грустно.

— Но если Юрий говорит, что это смешно, значит, это смешно, он же лучше нас с тобой разбирается в юморе! — сказала мама.

— Ладно, не спорьте, — утихомирил я моих родителей, — даю вторую пробу: мальчик рассказывает отцу, что учитель им говорил на уроке, что люди все держатся на земле только благодаря закону тяготения. Отец подтвердил это. Тогда мальчик спросил отца, а как же люди жили до того, как этот закон был открыт?

Папа посмотрел на меня с недоумением.

— М-да... Гены были лишены не только музыкального слуха, но и чувства юмора.

— Какой Гена? — спросил отец.

— Один наш общий знакомый, — намекнул я.

— Лично я не знаю никакого Гены, которого знаешь ты!

— А это порядок, что в доме нет ни гитары, ни балалайки, ни пианино? — спросил я.

— Завтра все будет, — сказала мама.

— Завтра — не сегодня, — сказал я. — Может, все-таки споем, — предложил я, — повеселимся, пошутим?

— Только этого не хватало! — возмутился папа. — А насчет пошутим и споем есть такой анекдот. Сын-двоечник приносит отцу дневник. Отец видит, что у сына по всем предметам двойки и только по пению пятерка. Отец смотрит на сына и говорит: «И ты еще поешь!»

— Смешно, — сказал я серьезно и добавил: — Ну, ладно, если так, то мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача! — С этими словами я поднялся и вышел из комнаты.

Сегодня гитару можно одолжить у Колесникова, чтобы установить немедленно связь с генами. Ген подает голос оттуда, из глубины твоего существа, а можно и, наоборот, развеселить гены, пощекотать их под мышками, есть же у генов свои молекулярные подмышки, и научить гены петь.

Научить гены петь можно, конечно, но... но план, весь план моей сверхкосмической жизни придется мне переделать, а где взять время? Где взять время?

Думая об этом, я перелез через ограду нашего балкона и через балкон Колесникова-Вертишейкина проник к нему в комнату. Колесников уже спал, я разбудил его и спросил:

— У тебя есть гитара?

— Есть, — сказал Колесников.

— Давай скорей.

Колесников протянул мне гитару и сказал:

— Ой, что вчера из-за тебя на педсовете было! Говорят, случай с пожаром разбирали, а твое поведение и, вообще, тебя называли феноменом. Чему, говорят, нас учит феномен Иванов? А учит он нас тому, что еще одна такая безобразная выходка окончилась пожаром на репетиции и его надо исключить из школы. Это учи-

тельница пения сказала. А учитель химии сказал: «А по-моему, феномен Иванов учит нас другому: при всех его чудовищных и необъяснимых выходках Иванов — феномен, учится у нас, учителей, и феномен нас чему-то учит. А может быть, и учителям взять с него пример: учить и учиться». Что здесь началось! Все возмущались: «Не будем учиться!.. Не будем!» Я это все запишу в новых воспоминаниях о тебе, хорошо?

— Хорошо,— сказал я, вылезая с гитарой из окна через балкон на карниз дома.— У вас еще какой-нибудь музыкальный инструмент есть?

— Есть,— сказал Колесников,— пианино.

— Сейчас же садись и играй, Колесников. А то поздно будет. Мне поздно никогда не будет, а тебе будет.

Я задержался на карнизе, посмотрел на Колесникова и спросил:

— А вдруг мне эти стихи присылают оттуда? — Я показал глазами на небо.— Какой-нибудь там инопланетянин видит оттуда, что именно мне будет поручено самое... самое... на земном шаре... и он мне сигнализирует. Может, у них там и прозы нет, а все стихами говорят. А я себе взял экслибрисом круг... Слушай, Колесников, меня сейчас, поймешь позже.

С этими словами я полез по карнизу дома, дошел до своего балкона, перелез через перила и вошел в комнату. Затем я смодулировал в своем мозгу тройную экспозицию и соответственно одновременно занялся тремя делами сразу.

Тройная экспозиция — это когда на одну и ту же пленку снимают три сюжета. Одним словом, я рассматривал в телескоп ночное небо Москвы, облокотившись на гитару, пальцами левой руки строил на грифе аккорды, правой — перебирал струны и тихо, в одну двадцать шестую своего голоса запел.

Через некоторое время дверь тихо открылась, и в дверях появилось на смерть перепуганное лицо моего отца.

— Что здесь происходит? В чем дело?

Я пропел:

— «Вдоль по Пи-те-рской...» — и сказал: — Слушай сейчас! Поймешь позже!

— Ты с ума сошел! Ты же всех разбудишь! — закричал отец. — Все, я больше не могу!

— Понимаешь, папа, — сказал я, — ты пойми меня по-хорошему. Ты даже не представляешь себе, как это для меня важно, чтобы круг сомкнулся, потому что несомкнутый круг — это не круг, и поэтому, — продолжал я, — ты должен, ты обязан понять, что любое художественное произведение обязательно состоит из двух компонентов: информационного, к которому относятся слова, мелодия, изображение, и ритмического — наиболее ярко выраженного в музыке и танце.

— Все, все, все, не могу, ни по-хорошему, ни по-плохому не могу, — повторил отец.

С этими словами он выбежал из моей комнаты, вбежал в свою. Я пошел вслед за ним и увидел, как он полз под кровать.

«Неужели он так испугался», — подумал я, но в это время он вылез из-под кровати с чемоданом в руке.

— Я уйду из дому к бабушке. Я больше не могу. Я боюсь.

— Не бойся, ты со мной! — сказал я.

— Вот поэтому я и боюсь, что я с тобой.

С чемоданом в руке отец прошел в прихожую, накинул плащ и выскочил на лестничную площадку, забыв закрыть дверь. Мама, молча наблюдавшая за всей этой сценой, выскочила вслед за отцом на лестницу и крикнула вдогонку:

— А может быть, ты, не разобравшись, требуешь от

сына того, что, на его взгляд, делать нет смысла? Тогда упрямство Юры — признак первой, может быть, несколько неуклюже проявленной самостоятельности?! И надо не убегать к бабушке, а...

Но отец был уже на улице и не слышал слов матери, в которых, как всегда, была заключена большая доля истины, чем в поступках моего папы.

Когда я вернулся к себе в комнату, на моем столе лежал неизвестно откуда взявшийся листок со стихами. Первый раз в жизни, не показывая вида, конечно, я обрадовался стихам. Вот эти стихи:

«ИСПЫТАНИЯ НА ФЛАГ

Всегда впереди развивался наш Флаг.
Его уничтожить замысливал враг.
Но флаг шел в атаку, хоть пулей пробит...
Из самой он прочной материи сшит.

Оставили нам деды завещание,—

Они хранили флаги на груди:

Пройти на Флаг,

Пройти на смелость испытание,

А смелые, как флаги, впереди!

Флаг вьется над стройкой, над пиками гор.

Венчает он мачту и моря простор.

Флаг с нами навечно, и мы с ним навек.

Несет его свято в руках человек.

Флаг прочность проверит мою и твою.

Нельзя быть с ним слабым в труде и бою.

Флаг чувствует руку и тверд ли твой шаг.

Равняйся, товарищ, равняйся на Флаг!

Оставили нам деды завещание,—

Они хранили флаги на груди:

Пройти на Флаг,

Пройти на смелость испытание,

А смелые, как флаги, впереди!♦

ВОСПОМИНАНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Сверхжесткая сверхпосадка

С утра лил холодный дождь. Я лежал на земле в глухом уголке Измайловского парка и думал о сюрпризах генетики. Сюрприз генетики — это особый склад организма. Людей, не восприимчивых к простуде и с удовольствием плавающих в ледяной воде, называют «моржами». Но я среди этих моржей, конечно, считался бы сверхморжом. Пролежав два часа на земле под дождем, и это перед самым уроком пения, я затем забежал домой за портфелем и за гитарой Колесникова. Переоделся и с гитарой под мышкой появился в класс. Я сел за парту и стал анализировать свои действия в меняющихся условиях внешней среды и пришел к выводу: надо успеть подтянуть эмоциональную сторону своей природы. А то завтра вдруг, как гром с ясного неба, телеграмма-«молния» с планеты Нонплюсультра: «Вылетаем! Встречайте!» Кругом паника: кому встречать? И тут как глас с ясной земли: «Встречать Юрию Иванову!» Такие, как Маслов, завопят: «А почему? А почему Иванову Юрию?...» А им в ответ: «А потому... А потому, что он все знает! Все умеет! И все может!...»

Это если они к нам завтра прилетят. Ну а если мы к ним туда через определенное количество лет, то кому лететь? Ну, естественно, мне! Иванову! Конечно, еще вчера бы Маслов завопил бы: «Как, Иванов? Он, конечно, сверхкосмонавт, и даже сверхчеловек, но он же незавершенный, у него концы круга не сходятся, он же в искусствах ничего не понимает и не любит их. С ним за столом даже хорошей космонавтской песни не споешь хором».

Теперь-то, когда я все знаю про пение, уж теперь-то

я покажу этим — и Маслову, и Ботову (он у нас лучший певец!), как надо петь! Да я один при моей силе голоса за весь хор мальчиков спою, могу под аккомпанемент, могу а капелла. (А капелла — это пение без музыкального сопровождения.)

Перед пением я скажу небольшую речь о том, что человек должен быть цельной личностью и обладать всей полнотой душевных качеств, чтобы выполнить свое общественное и духовное предназначение, подобно тому, как тело его должно обладать всеми органами для того, чтобы хорошо осуществлять жизненные функции. Однако, к сожалению, наши заботы о теле остаются значительно более сильными и важными, нежели заботы о душе. Жалуют, например, человека, у которого одна нога короче другой, но не жалуют того, кто короток умом и лишен идеала, хотя второй недостаток значительно серьезнее и опаснее и для того, у кого он есть, и для других людей, из-за него страдающих...

И тем, кто страдал из-за меня до сегодняшнего дня, скажу: извините! И еще я скажу, нет, вернее, намекну, что: «Слушайте слова мои, народы, человек планеты властелин, он полное собрание изобретений всей природы, или сокращенно ПСИП-ОДИН!» И здесь я разовью эту мысль в том смысле, что в будущем каждый человек будет не только петь своим человеческим голосом, но и голосом любой, самой диковинной певчей птицы.

Когда в класс вошла учительница пения и увидела меня, лицо ее пошло искажаться, как говорят на телевидении, по строкам и по кадрам...

— Иванов, — сказала она, обращаясь ко мне, — что тебе здесь надо?

— Я, Агриппина Михайловна, буду петь.

Агриппина Михайловна с невероятным недоверием покачала головой и, подойдя к роялю, сказала:

— Друзья, вы все, конечно, помните миф об Орфее?

Когда Орфей играл на кифаре и пел, дикие звери переставали враждовать между собой и затихали. Даже море затихало, а деревья и скалы двигались со своих мест и приближались к певцу. Там, где бессилён был меч, песня Орфея делала чудеса.

В трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» Брут, желая подчеркнуть человеческую неполноценность Цезаря, восклицает:

«Он горд и скрытен,
Музыки не любит».

Шекспиру принадлежат и такие слова:

«Кто музыки не носит сам в себе,
Кто холоден к гармонии прелестной,
Тот может быть предателем, лгуном,
Такого человека — остерегись!»

Впрочем, стоит ли призывать на помощь Шекспира, чтобы еще раз доказать огромную роль музыки в формировании человеческой личности. Это и так всем ясно. А теперь кто мне скажет, из каких компонентов состоит музыкальное произведение?

В классе наступила долгая и тяготящая пауза. Пришлось взять, как всегда, слово первым мне.

— Разминка капитанов,— сказал я, откашлявшись, и продолжал: — Любое художественное произведение, в том числе и музыкальное, состоит из двух компонентов: информационного, к которому относятся слова, мелодия, изображение, и ритмического — наиболее ярко выраженного в музыке и танце, но, по-видимому, присутствующего также в живописи, архитектуре, графике. Именно ритмический компонент, «внутренний ритм» произведения создают фон для восприятия всей заложенной в нем информации, усиливают своеобразный эмоциональный настрой. А теперь,— сказал я,— разрешите мне перейти с обычного языка на музыкальный и спеть вам свою песню под названием «Сердце-

52». Музыка и слова мои. Расшифровываю: «Сердце-52» — это песня о сердце, у которого в любой ситуации количество сокращений не превышает пятидесяти двух в одну минуту. Это о сердце, а теперь о музыке: могучей силой воздействия обладает музыкальный язык, понятный людям всех народов. Но если словесной речью человек овладевает чуть ли не с колыбели, то, к сожалению, не так обстоит дело с «речью» музыкальной. А ведь чем раньше развивается понимание музыки и любовь к ней, тем восприимчивее человек к музыкальному искусству на протяжении всей своей жизни.

— Ты, Иванов, пой,— сказал Ботов,— ты пой! А то ты все говоришь...

Я, конечно, сознательно не торопился петь, потому что все, и особенно Ботов, с музыкальным и певческим уклоном, и Маслов торопились поскорее услышать мое пение.

— Иванов споет,— сказал кто-то из хора.

— Не споет,— не согласился кто-то в хоре.

Шум нарастал. Агриппина Михайловна все это время держалась за сердце и смотрела на меня с испугом.

— И чтоб не было вопросов, как это Иванов запел и с чего это, объясняю почему: съел много салата. Объясняю, что это значит: норвежский ученый Олаф Линдстрем изучает влияние овощей на человеческую психику. Если верить профессору, салат развивает музыкальность, лук-порей — логическое мышление, морковь и шпинат внушают меланхолию, картофель действует успокаивающе. Так что выбор овощей к столу — дело непростое. А теперь специально для Бориса Кутырева, он у нас веселый человек, так вот... Группа ученых работала на побережье Шри-Ланка, где еще в XIX веке был замечен такой феномен: в светлые вечера из воды доносились тихие звуки. Они как бы блуждали из кон-

ца в конец лагуны. Прибывшая на побережье экспедиция привезла фотоаппараты с телеобъективами и мощными вспышками, магнитофоны, эхолоты и другую электронную аппаратуру. Она-то и помогла выяснить наконец природу таинственных мелодий. Певцами оказались тропические мелководные моллюски. Звуки эти имеют, как выяснилось, весьма прозаическую причину — они как бы помогают моллюскам переваривать только что проглоченную пищу. Шутка, — сказал я и добавил: — Но в каждой шутке есть доля правды.

— Если Иванов сейчас действительно споет песню на свои слова и музыку, — я умру от удивления, — сказала Нина Темкина.

— Тогда, чтобы продлить жизнь Темкиной, скажу еще два слова о дыхании во время пения: «На умении набрать достаточно воздуха и умении его правильно и экономно использовать зиждется все искусство пения» — это сказал Карузо. А голос, как известно, рождается в результате взаимодействия колеблющихся голосовых связок с воздушной дыхательной струей, проходящей через их сомкнутые края. Если нет этого воздушного потока, то голос не образуется, несмотря на то, что колебания голосовых связок, как это утверждает теория Юссона, в принципе могут осуществляться и без тока воздуха. Таким образом, дыхательный аппарат певца — легкие с многочисленными мышцами — совершенно справедливо сравнивается по своей роли с механизмом музыкальных инструментов, то есть является энергетической системой голоса...

— Иванов, рождай поток воздуха! — раздался голос из хора.

После этого я оборвал лекцию и набрал в свои сверхлегкие воздух, тронул пальцами струны гитары, мысленным взором увидел все аккорды аккомпанемента песни и расположение пальцев на грифе, а также текст

песни о сердце, согласно теории стихосложения, овладевшей со вчерашнего вечера моим прозаическим воображением. Но... что такое? В чем дело? Вместо стихотворных слов я увидел тот же прозаический абзац со словами: сердце — это конусообразной формы полый орган. Задневерхняя расширенная часть сердца называется основанием сердца, базис кордис. Передненижняя, суженная часть называется верхушкой сердца, апекс кордис. Сердце располагается сзади грудины, с наклоном в левую сторону. Но петь песню на эти слова было нельзя, хотя я знал, что звуком называется воспринимаемое нашим слухом ощущение от колебания воздуха. Материалом для музыки служат только музыкальные звуки, то есть такие, которые имеют определенную высоту, силу, тембр и извлекаются человеческим голосом или различными музыкальными инструментами. Я не мог произнести ни звука. В музыкальной комнате стояла нехорошая тишина. «Была не была,— подумал я про себя,— запую». И запел во всю силу моего многодецибельного голоса.

Запел на слова, что сердце — это конусообразной формы полый орган и что задневерхняя часть сердца называется основанием... Хотя ни голос, ни пальцы меня не слушались, я продолжал петь изо всех сил. Прозаические слова путались в моем мозгу, не подчиняясь мне и никак не желая становиться стихами. И хотя стрелка индикатора моего сознания ходила ходуном, но внешне я был спокоен. Пульс (я успел наложить пальцы на запястье), пульс, как всегда, глубокого наполнения, пятьдесят два удара в минуту.

О чем я хотел написать песню? О сердце! О сердце, которое бьется... Сердце бьется, как... как что?.. Как метроном! А метроном — это такой прибор для отбивания ритмических частиц времени. Сердце бьется, как... как часы. А часы — это прибор для измерения точности

времени... А «бьется» — это глагол. Но какое это сейчас имело значение, что «бьется» — это глагол, а метроном — это прибор, а часы — это часы... И что все вокруг шумят и не понимают моего спокойствия...

«Где вы, где вы, братья по разуму?.. Они бы меня сейчас поняли, не то что эти братья по пению», — думалось мне.

Более полувека назад физики обнаружили интересное явление природы. Оказалось, что из космоса наша планета постоянно «обстреливается» потоком атомных ядер высокой энергии. Она так велика, что ядра атомов не только пронизывают все живое, но способны пробить довольно толстый слой свинца, проникнуть на сотни метров в глубь Земли.

Интерес к посланцам космоса был отнюдь не праздный: даже одна столь энергичная частица способна вывести из строя пятнадцать тысяч клеток человеческого организма. По сравнению с общим количеством клеток — порядка тысячи биллионов — это не так много, но, может, эти частицы вывели из строя мои музыкальные клетки? Да нет, все это ерунда, у других же они ничего не вывели! Да и Павлов Иван Петрович был прав, когда писал, что «самые сильные раздражители — это идущие от людей. Вся наша жизнь состоит из труднейших отношений с другими, и это особенно болезненно может чувствоваться». Вот люди надолго останутся наедине с космосом... и с самими собой. Теснота, необычная обстановка, изоляция. Как тут избежать отношений, которые могут «особенно болезненно чувствоваться»? Тут не в космосе, и то вон что творится. Полное непонимание.

В музыкальной комнате мои одноклассники все были в панике, в стрессе, но я-то был спокоен, хотя мне не подчинялись ни голос, ни пальцы, ни стихи, ни...

То, что они принимали, как всегда, за мое нахальст-

во, за желание сорвать урок, за... даже не знаю что, на самом деле было совсем не это. Просто одна из моих систем существования (из запущенных систем — по Чарлзу Дарвину) попала в аварийную ситуацию, и все, что я делал (форсировал голос, перестраивал на грифе гитары непослушные пальцы, пытался переложить прозаические слова о сердце в рифмованные строки), все это было попыткой выправить положение.

Возникла какая-то сверхпарадоксальная ситуация: я знал и не мог, я не мог, но я знал!

Это все равно что шофер, сев за руль автомобиля, включил зажигание и нажал на стартер, а у него, вместо того чтобы завестись мотору, заиграл бы радиоприемник. Мои знания особенностей научного творчества пришли в невероятное противоречие с особенностями художественного творчества; и то и другое я знал на зубок, но если я знал, как извлекается корень, то я его мог извлечь, а если я знал, как писать стихи ямбом, это еще не означало, что я это могу сделать...

Я пел, испытывая такое ощущение, как будто подлетаю к неведомой планете для выполнения сверхтрудной сверхзадачи, у меня отказали все приборы, и сейчас я совершаю самую сверхжесткую сверхпосадку, правда, в которой пострадает всего лишь одна система, и то не пострадает, а как бы... не сработает так как надо!..

Нет, не все системы моего сверхорганизма отказали... Но этот нерасшифрованный язык искусства... Эти иероглифы пения и стихотворства... И неужели не удастся их расшифровать? И неужели отец прав, и у меня никогда не было музыкального слуха и голоса, не было и не будет?.. Неужели прав и Чарлз Дарвин, и я опоздал с оживлением клеток мозга, занимающихся искусством?

Как правило, у людей, лишенных слуха, он никог-

да не появляется. Есть правила, но ведь есть и исключения из них. Попробуем быть исключением!.. Конечно, быть исключением, наверное, очень трудно, а когда мне было легко?

Я все бы еще продолжал петь, если бы меня, вот так аварийно поющего и аварийно сочиняющего стихи, не выдворили всем хором, в полном смысле этого слова, из класса. Первый раз в жизни я выдворился из класса в спокойном недоумении и в недоуменном спокойствии, больше всего занятый не тем, что меня выдворяют из класса, а тем, что творится в моей всепонимающей и ничего не понимающей голове. «Информация принята, но не расшифрована и поэтому не обработана...» — подумал я, слушая за спиной возмущенный ропот класса. Еще я подумал, что они, умеющие петь и играть на рояле, сильнее меня, пока, конечно, временно, только временно, временно!..

ВОСПОМИНАНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

На медосмотр, как на пожар

Какая-нибудь чувствительная личность могла сказать, что это был несчастливый день. Но у нас, у сверхкосмонавтов, не принято считать дни счастливыми и несчастливыми. Просто пришлось больше попотеть, и все. Истратить больше калорий. Не может быть, что я не одолею это пение! Я негнушными пальцами построил аккорды и запел. В прихожей зазвенел звонок.

Я открыл входную дверь и увидел на лестничной площадке мой класс почти что в полном составе. Впереди всех стояли Кутырев с Масловым. Я рванул дверь на себя, но кто-то из ребят зацепил дверь ногой, осталь-

ные схватились за нее руками. Мальчишки и девчонки гурьбой ввалились в столовую.

— И все в грязных ботинках?! — закричала в ужасе мама.

— Ребята, снимай ботинки! — сказал Маслов.

— Что здесь происходит? — удивился отец.

— Мало того, что... Сейчас же все уходите, — сказала мама.

— Мы к вам по поводу вашего Юрия, — сказал Маслов.

— Никаких поводов! Уходите сейчас же! Юра пишет стихи и сочиняет музыку, — отрезала мама.

— Вы извините, но сочинять стихи без таланта и писать музыку, не имея музыкального слуха, — занятие бесполезное, — сказал Андрей Кубышев.

— Нет, это вы извините, — налетела на Андрея Кубышева моя мама, — наш Юрий не имеет музыкального слуха, вероятно, только потому, что он не хотел его иметь, и был неталантлив как поэт и тоже, вероятно, не находил нужды быть таковым!

Вот это ответ! Вполне согласен со словами моей мамы. И я тут же мысленно издал приказ самому себе: «Иванову Ю. Е. в самый кратчайший срок стать талантливым, и все! И точка! И никаких вариантов!..»

— А вы знаете, что он только что сорвал урок пения? — спросил мою маму Виктор Маслов. — Сорвал со своим так называемым музыкальным слухом и поэтическим талантом. Сорвал урок музыки и довел до сердечного приступа нашу любимую учительницу!..

И после этих слов весь класс хором в один голос произнес на весь дом:

— Мы пришли заявить вам официально, что всё! Что хватит! Что довольно! Что наше терпение лопнуло!

— Раньше вы нападали на моего сына всем классом в школе, а теперь в его доме! Уходите! — сказала мама.

— Не уходите! Надевайте ботинки и не уходите! — крикнул папа.

— Ах, так?! Тогда или я, или... эти... как их!.. — сказала мама.

— Или?! Сегодня будет или! Проходите в мою комнату! Все проходите! — сказал папа. — Ты собралась уходить и уходи! Сегодня твоя помощь в кавычках, — подчеркнул папа голосом слова «помощь в кавычках», — может только помешать твоему сыну.

Отец с матерью спорили еще некоторое время, пока мамин голос не произнес решительно:

— Ваше счастье, что я уйду!

После этого входная дверь оглушительно хлопнула.

Я слышал, как все ребята, стуча ботинками, всем классом ввалились в папину комнату, забрав с собой музейные стулья из столовой, на которых никто не сидел. Стулья были в чехлах.

— Снять чехлы! — скомандовал папа.

— А ты, Иванов, тоже заходи, — сказал Маслов, — у нас от тебя секретов нет, это у тебя есть от нас секреты!

Он постучал в дверь моей комнаты и подождал.

Я сидел за пианино и смотрел левым глазом на белые и черные клавиши. Пианино прекрасно звучало и без музыки: субконтроктава, контроктава, большая октава, малая октава, первая октава, вторая октава, третья октава, четвертая октава, пятая октава. Правым глазом я смотрел на гриф гитары, повторяя про себя инструкцию: «Чтобы настроить инструмент, нужно взять камертон, который издает звук «ля» первой октавы. Этому звуку соответствует звук первой (самой тонкой) струны гитары, прижатой на седьмом ладу; тогда открытая (неприжатая) она даст звук «ре». Вторая струна, прижатая на третьем ладу, должна звучать, как первая открытая...» Я хотел ударить по клавишам, но

папа из своей комнаты крикнул голосом гипнотизера :

— Выходи!

— Конечно, выйду, только подождите три минуты,— сказал я, открывая дверь.

— Почему три минуты? — спросил Маслов.

Мне не хотелось при одноклассниках заниматься не подчиняющейся мне музыкой.

— Потому что я сейчас должен натирать три минуты полы,— ответил я.

Так как и дома и в классе знали, что спорить со мной бесполезно, то никто, даже папа, не возразил мне ни слова. А я вернулся в свою комнату, надел на ноги две щетки, включил магнитофон с пленкой и заскользил по полу. Повторяя за певцом слова песни, я выделял всякие танцевальные движения под видом натирания пола. Сгрудившиеся в двери ребята смотрели на меня и бросали всякие реплики.

— А Иванов не натирает, а, по-моему, танцует.

— И поет...

— Сорвал урок пения и поет!

— Голованова и Гранина, запишите это тоже в симптомы: вдруг запел и затанцевал.

Три минуты прошло. Усилив немного эмоциональную сторону своей природы с помощью танца, я снял с ног щетки, выключил магнитофон и в сопровождении ребят из нашего класса прошел в папину комнату.

Мне было очень неприятно, что сначала никто не решался начать разговор. Трусы ничтожные. Ченеземпы! Сидят на стульях хором! Мнутся! Ну, кто самый смелый? Начинай! Я думал, что первым по злобе начнет, конечно, Маслов! Но первой говорить неожиданно для меня начала Голованова.

— Евгений Александрович,— сказала она,— я скажу сразу вам без всяких предисловий и дипломатии. Может, это не совсем дипломатично и даже жестоко, и

даже безжалостно... Вы ведь отец Иванова... Раньше мы думали, что у Юрия просто сложный характер. Потом мы думали, что ваш сын Юрий... В общем, у нас было несколько версий... Целый месяц думали, обсуждали... У нас вот и протокол есть... Слушали... «О Юрии Иванове»... Постановили... последнюю версию считать правдоподобной. Единогласно!.. То есть почти единогласно... Двое воздержались... А один человек против... Ваня Зайцев против... Зайцев против последней версии и против предпоследней версии. Зайцев, встань!

Зайцев встал и сказал:

— Последняя версия — это вообще бред, а предпоследняя — это бред сумасшедшего. Предпоследняя — это с больной головы на здоровую.

— Да мы и сами,— сказала Вера Гранина,— от предпоследней версии отказались. Я вам просто хочу рассказать, как мы дошли до предпоследней. Говорить неудобно, но я скажу. Мы сидели и думали про диагноз... Вы нас, конечно, извините за диагноз... У нас, я и Люда, мы с медицинским уклоном, мы говорим, в общем... Люда, говори, что ты говорила...

— Я скажу вам прямо, как будущий врач,— сказала Люда Голованова.— Я давно наблюдала за вашим сыном с научной точки зрения. Я даже «Историю болезни Ю. Иванова» завела для практики, конечно... Вот тут у меня симптомы...

— Так,— сказал папа,— и какой же диагноз?

А Люда продолжала:

— ...записаны. Вот раздражение эндогенного и реактивного характера, плюс неожиданные разрешения аффектов, плюс бормотание и выкрикивание отдельных несуществующих ни на каком языке слов, вроде: «пураближ», «ченеземпр», «чедоземпр» и так далее и тому подобное, в итоге получился... чок...

— Какой чок? — переспросил папа.

— Ну, что он чокнутый... извините, конечно... а по-научному... псих...

— С приветом, в общем! — сказал кто-то из ребят за моей спиной.

— А вы в детстве не болели нервными болезнями? — спросила Вера моего отца.

— Нет, — сказал папа, печально глядя на меня.

— А ваш Юрий не болел?

— При мне не болел, — сказал папа, — но я часто и надолго уезжал в командировки... Я фининспектор... Может, он без меня болел?

— Иванов, — спросила меня Люда Голованова, — ты в детстве не болел детскими болезнями?

— Я никогда ничем не болел, — сказал я.

— Это тоже симптом, — сказала Голованова. — Они всегда говорят, что они вполне здоровы...

— Кто — они? — спросил папа Голованову.

— Ну они... — ответила Голованова.

— А я с этим диагнозом был тогда не согласен! — сказал вдруг Зайцев. — И сейчас тоже. По-моему, Иванов никакой не псих, а обыкновенный, рядовой гений... Он мне хоть и враг, я все равно так про него скажу: он со мной три раза дрался...

— Четыре, — поправил я Зайцева.

— Четыре, — согласился Зайцев. — Три раза из-за того, что я прикоснулся к его портфелю, и один раз — из-за книги — я хотел посмотреть картинки в книге «Кукла госпожи Барк»... И все-таки мне кажется, что Иванов — это самобытная и даже выдающаяся железная личность, просто незаурядный тип...

— Именно тип! — крикнула Гранина.

«А этот Зайцев в людях разбирается!.. — подумал я. — Не то, что другие».

— Да он же противный! — сказала Филимонова.

— Ну и что? — ответил Зайцев. — Бывают приятные незаурядные личности, а Иванов — неприятный.

— Ты говори по существу его поступков, — сказал Маслов.

— Я и по существу скажу... Атомы железа-57, как известно, существуют в двух видах. Есть возбужденные, радиоактивные атомы, испускающие гамма-лучи, и есть обычные атомы железа, невозбужденные. Так вот, Иванов, по-моему, возбужденный и активный человек.

— Это ты точно сказал, — согласился Маслов. — Только ивановская возбужденность и активность слишком дорого всем обходятся.

— Потому что у Юрия Иванова в голове произошел информационный взрыв. К сожалению, этот взрыв оказался неуправляемым. Поэтому оказалось столько раненных этим взрывом, — сказал Зайцев.

Все зашумели. Даже кто именно и что именно говорил, нельзя было разобрать. Слышалось только: «У него в голове произошел информационный взрыв. И из него это осколки вылетают...» «Взрыв!.. А ты слышал этот взрыв?..» «Слышал!.. А в нас вот уже третью неделю осколки информации летят...» «А это что — все раненные?! Раненные — здоровые!»

— Пострадавшие от информационного взрыва в голове Иванова, высказывайтесь!

— Он мне сказал: «Ты когда на меня смотришь, у тебя глаза какие-то большие становятся. Ты щитовидку, говорит, проверь».

— Он жестокий к людям... У него любимая поговорка: «Всех бы вас к пираньям во время отлива!»

— И ругается на каком-то непонятном языке.

— Высокомерный...

— Просто зазнайка, — сказала Лена Марченко. — Воображает, что он один все знает, а другие ничего не знают. Строит из себя сверхчеловека...

— Глупости все это,— сказала Голованова, обращаясь к моему отцу.— Последний диагноз наш такой: Юрий Иванов — не Юрий Иванов, одним словом, ваш сын — не ваш сын.

— А кто же он? — спросил папа.

— Он — инопланетянин... Вашего сына они похитили, а вместо него подослали двойника вашего сына! Может быть, у этих наших братьев по разуму, с одной стороны, так высоко развита техника, что они могут создавать двойника человека, а с другой стороны, эти братья, может, не такие уж братья и уж не по такому разуму, если судить по Юрию Иванову, то есть я имею в виду не его разум, а его поведение, а может, у них на планете все себя так ведут!.. Поэтому мы,— сказала Голованова,— предлагаем устроить завтра же Юрию медицинскую экспертизу!.. Если вы, конечно, не возражаете... У Веры папа профессор-психолог, он с космонавтами занимается... Мы уже с ним договорились, сделает ему все анализы — крови, ну и всякие другие, которые нам все разъяснят!

— Я не возражаю против экспертизы,— сказал папа,— но он, мой сын, уже одного гипнотизера усыпил, поэтому я боюсь, как бы он с врачом космонавтов что-нибудь не сотворил.

— А ты, Иванов, не против экспертизы?

— Хоть две! — сказал я громко и даже обрадованно. Лучшего подарка, чем экспертиза, мне никто не мог придумать. Тем более, что мне уже было пора и самому пройти психологический практикум у хорошего профессора. Кстати, под хорошим предлогом пройти тренировочку. А я-то думал, как мне попасть к профессору, который с космонавтами занимается, а тут он мне сам, можно сказать, в руки лезет.

— Значит, завтра,— сказала Голованова.— Тут у меня записано.

— Только имейте в виду, что у меня завтра от пятнадцати ноль-ноль до шестнадцати ноль-ноль будет... В общем, я буду занят.

После этой фразы папа, ребята и все девчонки как-то по-особенному переглянулись, пошептались между собой, пошептались потом с моим папой. А Голованова сказала:

— Хорошо, Иванов, хорошо. У профессора как раз прием кончается в четыре, так что ты, Иванов, после четырех — прямо к врачу.

— Только ты, Иванов, дай... Юрий! — сказал папа низким голосом, — только ты дай в присутствии всех ребят честное слово, что ты придешь!

— Ческо-сло, — сказал я, имея в виду «честное сверхкосмонавтское слово».

— Ческо-сло! — простонал папа тихо.

— Запиши адрес поликлиники, — сказала Голованова. — Улица...

Но адрес поликлиники узнать в эту минуту мне не удалось. Голос Головановой покрыл оглушительный взрыв и звон разбитого стекла, раздавшийся где-то в районе кухни. Все вздрогнули, как по команде... кроме меня, конечно. Через секунду там же раздался второй взрыв. И все вздрогнули еще раз. Я продолжал сидеть совершенно спокойно, только сердце у меня чуть-чуть заныло от нехорошего предчувствия. Вскочив со стула, папа поспешно выскочил из комнаты. Ребята все, как сумасшедшие, опрометью бросились вслед за отцом. Самым последним поднялся я и неторопливо проследовал на кухню.

Наша белоснежная, как операционная палата, кухня представляла собой страшное зрелище. Потолок, стены и все шкафы были заляпаны красными пятнами. А возле больших, стоящих на газовой плите бутылей в луже на полу плавали раздавленные ягоды черной

смородины и осколки стекла. Посредине кухни валялось горлышко бутылки, закупоренное притертой пробкой.

— Что, что здесь произошло? — закричал папа, хватаясь за голову.

— Мама готовила витамины на зиму, — сказал я. — И если бы кто-то не поставил бутылки к газовой горелке, ничего бы не случилось. А теплота дала брожение... — добавил я.

— А почему, почему, — снова закричал папа, — все эти взрывы, подрывы происходят в моем доме?

Я промолчал. Мое дело было объяснить причину события, а не мотивы поступков, породивших явление, хотя взрывы и должны были тренировать мою нервную систему на невздрагиваемость при внезапно возникающих взрывах.

— В моем доме делают взрывы, неизвестно кто ставит бутылки к газовой горелке! — папа опустил на табуретку и замычал, как от зубной боли.

— Ну, — сказала Голованова в коридоре ребятам, — теперь вам понятно, до чего доводят человека всякие эти сикимбрасы и чебуреки?

В коридоре раздался громкий ропот.

— Ребята! — папа вскочил с табуретки. — Дорогие ребята! А нельзя ли нам устроить этому моему сыну, а может быть, и не моему сыну, экспертизу сегодня же! Сейчас же! Сию же минуту!

— Я сейчас позвоню папе в поликлинику! — отозвалась Вера Гранина, и они вместе с папой вышли из кухни в столовую.

Девчонки стали потихонечку прибираться в кухне. Кто-то из ребят попробовал ягоды и сказал: «А вкусно!» Кто-то сказал: «Стали бы делать, если бы невкусно!» Но на все это я не обращал никакого внимания. Я стоял и смотрел опасности в лицо, опасности, которая

грозила мне, если мне может вообще грозить какая-нибудь опасность. «А хорошо,— подумал я,— если бы профессор признал во мне что-нибудь такое... А потом бы мой портрет в газете «Известия» — бац! В связи с благополучным приземлением и в связи с благополучным установлением контактов... Мы, конечно, с моей командой после рейса на Юпитер отдыхаем в том самом отдельном домике, в котором отдыхает сверхкосмонавт после возвращения. Моих космонавтов обследуют всякие академики и члены-корреспонденты Академии медицинских наук, всех, кроме меня, конечно, я, как всегда и везде, абсолютно здоров. Лежу в кресле, думаю. Вдруг отец Веры Граниной входит в комнату. Смущенно улыбается и говорит:

«Вы меня, товарищ Иванов, не узнаете?»

«Не узнаю»,— говорю.

А не узнаю я, конечно, не по-настоящему, а понарошку.

«Ну как же, помните, вы, когда были вот такой... приходили ко мне обследоваться. А я вас еще в нормальные определил. Ха-ха-ха! А вы, оказывается... оказывается, сверхнормальный!»

Я, конечно, тоже рассмеюсь.

«Ха-ха-ха! Да, профессор, не разобрались вы тогда во мне. Ха-ха-ха! Ну, не вы один! Ха-ха-ха!»

«Это точно! Моя дочь-то тоже вас нормальным человеком считала. Ха-ха-ха!»

«Точно! Считала! Ха-ха-ха! А где она, кстати? Ха-ха-ха!»

«Стоит в коридоре. Войти стесняется. Ха-ха-ха!»

«Стесняется, говорите? Ха-ха-ха! Ладно уж, пусть войдет! Так и быть!.. Ха-ха-ха!.. Пусть войдет!»

— Войди сейчас же в столовую! — раздался голос моего отца.

Я вошел в столовую.

— Одевайся и на медосмотр! Как на пожар!

Все стали собираться, стали натягивать на себя плащи, куртки, нахлобучивать на головы кепки и береты, когда на середину столовой вышла какая-то девчонка из нашего класса и громко, торжественно произнесла:

— Не надо его на медосмотр!

— Почему не надо? — спросил отец.

— Что это еще за «не надо»? Почему это еще «не надо»? И зачем это еще «не надо»? — раздались голоса.

— Не надо никакого доктора, — снова упрямо повторила какая-то девчонка из нашего класса, а мне из-за спины ребят не видно, кто говорит.

— Кто это такая? — спросил я рядом стоящего со мной Маслова.

— Кто это такая? — удивился Маслов. — Тополева Таня из нашего класса. — И добавил: — Нет, тебя все-таки надо на медосмотр. Это же самая красивая Таня на свете...

— Вот дневник Юрия Иванова, — сказала Таня, подняв в руке мои зашифрованные воспоминания. — Я, конечно, понимаю, что читать чужие дневники, тем более зашифрованные, читать в одиночку, а тем более коллективно не принято, но раз вопрос зашел об инопланетянстве, тем более о докторе космонавтов, который должен поставить диагноз Юрию Иванову, то пусть уж этот диагноз поставит этот дневник. Он нам все расскажет об Иванове и поставит ему диагноз лучше всякого доктора. Сначала он расскажет нам, что Иванов — это вовсе не Иванов на самом деле, а Баранкин. Ваша фамилия ведь Баранкин? — обратилась она к моему отцу.

— Да, — подтвердил отец, — моя фамилия Баранкин. Но моему сыну не нравилась эта фамилия, и он решил учиться под фамилией своей мамы... Знаете, есть такая книга «Баранкин, будь человеком!». Так вот, ког-

да мой сын под этой фамилией учился в школе, к нему в той школе все приставали с одним и тем же вопросом: «Баранкин, будь человеком, расскажи, как ты превращался в воробья, или бабочку, или муравья». Поэтому Юра попросил перевести его в другую школу и взял мамину фамилию.

— Теперь нам понятно, почему он, перед тем как укатать нас в парке на аттракционах, говорил про муравьев. Помните? «Объем тела самого крупного муравья измеряется кубическими миллиметрами, а объем муравьиной кучи вместе с ее подземной частью в сотни тысяч раз превосходит размеры «строителя»...

— А мне про воробьев объяснял, разве, говорит, это справедливо: воробьи зимой и летом босиком ходят, а человек... — сказал Сергей Медов.

— А мне про бабочек рассказывал. «Ты, говорит, Маслов, с Ольгой Фоминой дружишь?» Я говорю: дружу. «А за сколько километров ты можешь ее присутствие обнаружить?» Я говорю: когда вижу, тогда и обнаруживаю. А он говорит, что вот бабочки друг друга за сорок километров могут обнаружить.

В эту минуту, когда расшифровалась моя настоящая фамилия, меня занимало не то, что она расшифровалась, а то, каким же это самым непостижимым образом мои воспоминания попали в руки ученицы нашего класса, ученицы, на которую я совсем не обращал внимания. Пока все шумели, обсуждая мое однофамилие с Баранкиным, я уставился на Таню Тополеву и впервые увидел ее объемное, как бы сказать голографическое изображение. Таня Тополева действительно была так красива, что напомнила мне высказывание Дидро, что «красота — это то, что пробуждает в уме идею соотношения». И еще математическая мысль о красоте: в изгибах прекрасных линий всегда можно уловить математическую закономерность. Вот она откуда утечка

моей самой сверхсекретной информации: от той самой красоты, что пробуждает в уме идею соотношения, от тех изгибов прекрасных линий лица Тани Тополевой, в которых всегда можно уловить математическую закономерность! Поэтому я и не заметил эту идею соотношения и не уловил математическую закономерность, а зря! Зря не заметил!.. Если бы вовремя заметил, глядишь — и не было бы утечки информации. Но как и почему рукописи, которые я отдал на хранение Степаниде Васильевне, оказались у Татьяны Тополевой?! С одной стороны, утечка информации, с другой стороны, приток стихотворений. И приток, и утечка! За приток я должен благодарить Тополеву, а за утечку я ее должен презирать. Что же мне делать с Тополевой? Презирать ее или благодарить? Сначала надо все-таки расшифровать, как она расшифровала зашифрованное? Я мог бы узнать и сейчас, но по железному расписанию у меня через пятнадцать минут было участие в гонках на картах, и я не мог их отменить, но я не мог отменить и расследование, каким образом рукопись из рук сторожихи тети Паши попала к Тане Тополевой. Это можно было сделать, только задержав всех у нас дома часа на три, но как можно было задержать всех, в том числе и Таню Тополеву у нас дома? А очень просто и единственным образом.

— Я, к сожалению, сейчас должен уйти, — сказал я. — У меня теперь от всех вас секретов нет, слушайте меня сейчас, потом поймете — эта формула больше недействительна! Слушайте сейчас — поймете сейчас! — вот сегодняшняя формула взаимного понимания! Читайте сейчас — поймете сейчас! И как сказала гражданка Тополева в своих неплохих стихах: «Идешь на бой, лицо открой, — вот смелости начало!»

Я вышел из комнаты, ощущая в себе чувство спортивной агрессии, способности к максимальному напря-

жению своих психических и физических возможностей для достижения высоких и наивысших (рекордных) результатов.

Спустя часа два, когда я взлетел по лестнице на свой этаж, я уже на лестничной площадке услышал точно такой же знакомый шум, который некоторое время тому назад я оставил в музыкальном классе нашей школы. Одним словом, стресс продолжается. Стресс — под ним долгое время подразумевали отрицательную реакцию организма на раздражитель (угнетенное состояние, нервный срыв и т. д.), пока автор термина — американский ученый Г. Селье не разъяснил специально, что стресс может быть как плохим (дистресс), так и хорошим (эвстресс) — радость, вдохновение...

Среди присутствующих были почти все под дистрессом, и только на лице Тани Тополевой был написан ярко выраженный эвстресс. «Она-то чему радуется?» — подумал я про себя.

Честно говоря, разглядывая из прихожей через стекла двери столовой лица одноклассников, я продолжал делать сразу два дела: с одной стороны, слушал, что говорят обо мне мои одноклассники, с другой стороны, я продолжал удивляться, как это я, умея произвести в уме, подобно хорошему математику, извлечение корня девятнадцатой степени из числа со ста тридцатью тремя цифрами, не могу написать стихотворение о своем сердце!

— И ругается он словами на каком-то непонятном языке.

— Например? — спросила Таня Тополева.

— Например, — Лена Марченко замялась, — я не знаю, удобно ли это произнести вслух? Например, сепактакроу! — сказала она, заливаясь смехом.

— Сепактакроу — это в переводе с малайского «игра ногой в мяч», — сказала Таня Тополева.

— Он — человеконенавистник, — закричал Лев Киркинский. — У него любимая поговорка: «Всех бы вас к пираньям во время отлива!»

— Чудаки вы все, — сказала Таня Тополева. — Все дело в том, что во время отлива океана река мелеет. В это время пираньи никого не трогают, они как бы спят. Наступает прилив, повышается уровень реки, и в нее уже нельзя входить, гибель неминуема.

— Зато, — крикнул Колесников, — он все время знает, который час!..

Я вошел в комнату, и наступила тишина. Все смотрели на меня, как будто меня действительно подменили инопланетяне. Между прочим, среди моих одноклассников появились каким-то образом и врач-гипнотизер, и даже дядя Петя.

— Вот спросите, спросите его, — заорал Колесников, — сколько сейчас времени?

— Юра, — спросил меня отец, — который сейчас час?

— Пять часов тридцать минут двадцать три секунды, — ответил я, не задумываясь.

Все, у кого были часы, посмотрели на циферблаты, а доктор-гипнотизер, проверив мои показания, цокнул языком и пожал плечами.

— Самая трудная задача на свете — это быть в одном месте с этим фантастическим Ивановым, который оказался вовсе не Ивановым, а сверхфантастическим Юрием Баранкиным! — сказала Нина Кисина.

— Доверь ему встречу с инопланетянами, он нашу Землю поссорит со всеми галактиками!

— И пусть он скажет, он тот Баранкин или нет? — крикнула Вера Гранина.

— В конце концов, мы все живем, — сказал Лев Киркинский, — и летим на космическом корабле «Зем-

ля», и желательно, чтобы экипаж этого корабля был бы совместим и во взрослом возрасте, и в детском.

— Нет, пусть он скажет, он тот Баранкин или нет? — не унималась Вера Гранина.

— Кстати, это еще Эйнштейн говорил, — крикнул Маслов, — что любое, самое великое, открытие стоит меньше и дешевле проявления человеческих качеств.

Потом Алла Астахова сказала:

— Академика Велихова спросили, что такое современный человек. И знаете, что он ответил? Что современный человек — это такой человек, который способен чувствовать ответственность за все, что происходит рядом с ним и далеко. А Баранкин — это такой человек, которому наплевать, что происходит далеко, ему важно, что происходит с ним, вокруг него и в нем.

— И пусть он скажет, он тот Баранкин или нет? — не унималась Вера Гранина.

— Нет, я не тот Баранкин, а этот Баранкин, — сказал я.

— А какой этот? — продолжала допрашивать меня Кисина.

На такой вопрос я не нашел нужным отвечать, но за меня ответила Таня Тополева:

— Я вам могу сказать, какой это Юра Баранкин. По-моему, это самый фантастический из всех реальных и самый реальный из всех фантастических! — И еще она добавила: — Вы знаете, что это за человек? Вот есть люди, которые испытывают самолеты на всякие перегрузки или даже катастрофы, а он, а он... — сказала Таня два раза, — а он... — сказала она даже в третий раз, — себя, вы понимаете, себя на эти перегрузки и, может быть, на эти катастрофы...

— А ты бы полетела с Баранкиным на выполнение самого трудного задания? — спросила Нина Кисина.

— Нет,— сказала Таня,— я бы не полетела. Я бы не полетела, потому что у Баранкина его фантазия сильнее его самого. Мне кажется, что не он владеет своими фантазиями, а его фантазии владеют им самим.

Я почему-то только при этих словах обратил внимание на то, как во время моего отсутствия изменилась наша столовая. Вся комната была в книгах и журналах. Они кипами лежали на столе, на полу. Они походили на баррикаду, из-за которой велся по моей особе огонь отдельными словами и целыми очередями слов. С обложек книг и журналов на меня смотрели Павлов, Галилей, Горький, Кеплер, Ломоносов, Станиславский и так далее. И те слова, что я принимал за жалкие правоучительные цитаты, на самом деле были как бы не цитаты, а как бы просто слова тех ученых и мыслителей, от имени которых они произносились. «Жалко, что эти ученые и мыслители представлены всего лишь рисунками или фотографиями,— подумал я,— а то бы они были по эту сторону баррикад, то есть на моей стороне, на стороне сверхкосмонавта».

— И можешь порвать свои воспоминания и свой бортжурнал. И вообще перестань терять время на свою сверхжесточенную сверхподготовку к сверхкосмическим сверхполетам. Я не понимаю,— говорил отец, все повышая и повышая голос,— зачем зря терять время? Зачем готовиться к тому, что никогда не осуществится! Ты никогда не полетишь в космос! Понятно?

Я первый раз в жизни услышал, как кричит мой отец.

— Нет, полечу! — сказал я тоже громко.

— Нет, не полетишь!

— Это почему же я не полечу? — спросил я еще громче.

— Потому что,— отчеканил мой отец,— в космос летают только очень здоровые люди. А ты болен. Ты

очень болен! — Это все он говорил от себя, не заглядывая в книги.

Если бы я был несерьезный человек, я бы на такие слова просто рассмеялся. Нет, обо мне можно сказать все, но сказать, что я нездоровый человек?!

— Ты тяжело болен! — продолжал отец. — Тяжело! Очень тяжело! Сейчас мы тебе поставим диагноз, от которого тебе не поздоровится. — Он стал рыться в журналах и книгах, нервно повторяя: «Нет, это не то! И это не то!»

«Интересно, — подумал я про себя, — кого это отец ищет на помощь? Что за консилиум? И так здесь почти весь класс!..»

— Ага! Вот! — сказал отец, беря со стола и разворачивая какой-то журнал. Потом он надел очки и, поглядывая на меня поверх стекол, прочитал следующее: — «Несколько слов о психологической несовместимости... (Пауза.) В длительную экспедицию исключительно важно подобрать состав участников так, чтобы им было приятно вместе жить и работать. Это исключительно важно... (Пауза.) Достаточно вспомнить эпизод из жизни замечательного полярного исследователя Фритьофа Нансена... (Пауза.) Это был крупнейший ученый, человек большой души... (Пауза.) И исключительно обаяния!.. (Пауза.) Лекция, которую он однажды прочел в Эдинбурге, называлась «То, о чем мы не пишем в книгах». Речь шла о знаменитом дрейфе корабля «Фрам». Нансен рассказывал о штурмане Йогансене. Это был его большой друг. Вместе они достигли 86 градуса северной широты и должны были возвращаться на материк к Земле Франца-Иосифа. Этот путь у них занял около полутора лет. Ели они одну моржатины и медвежатину. Упадок сил, казалось, был полный. Но ничто не переносили они с таким трудом, как общество друг друга. Если раз в неделю они и обраща-

лись друг к другу с какими-то словами, то не иначе, как «господин главный штурман» или «господин начальник экспедиции». Это не была их прихоть или сварливость характера... (Пауза.) Это было проявлением закона психологической не-сов-мес-ти-мос-ти... который воплощал в себе всем своим существом штурман Иогансен!♦

И тут, развивая папину мысль, меня стали то поодиночке, то все сразу обстреливать такими цитатами на эту тему, что я вынужден был зажать своими сверхпальцами свои сверхуши.

— Я тоже хочу сказать,— сказала, выглядывая из-за стопки книг, Нина Кисина,— я хочу сказать, что, как сказал Сервантес,— пролепетала Нина, лихорадочно перелистывая какую-то книжку,— тогда, чтобы... м-м-м... для того, чтобы приготовить пирог с яблоками за тридцать минут, надо взбить три яйца, посолить, добавить ванилин, один стакан песка и десять граммов муки... Ой, минуточку, я что-то не оттуда читаю.

— Вот именно, не оттуда,— перебил я ее.— Не десять граммов муки, а один стакан муки, иначе будет не пирог, а...

— А здесь написано, что надо взять десять граммов муки,— сказала Нина.

— Значит, опечатка,— сказал я.— Посмотри в конце, есть опечатка или нет?

— Действительно, опечатка,— сказала Кисина, осмотрев вклейку в конце книги.

— А вообще, все правы, Юра, и ты хоть сверхздоровый человек,— продолжала Кисина,— но ты болен болезнью, которая у космонавтов называется... человекопсихологической несовместимостью... Третьей стадии... Тяжелой и, по-видимому, неизлечимой формой...

— У них есть такие болезни, а у сверхкосмонавтов,— сказал я,— нет такой болезни! И не может быть!

И вообще, ребята, сейчас уже семь часов пятьдесят две минуты тринадцать секунд. Завтра я поступаю сразу в три института: в театральный, в литературный и в консерваторию. Теорию я уже сдал на собеседовании. Круг, как вы понимаете, должен сомкнуться. Вот так, уважаемые повара, кулинары, диетологи и пекари пирога под названием «Несовместимость Юрия Баранкина!». А теперь насчет того, что вы не хотите идти в мой экипаж, на выполнение моего задания под моим... руководством... Не пойдете вы — пойдут другие!

— Ребята! — скомандовал Маслов. — По домам! Этот всезнающий и всепонимающий человек ничего не понял!

С книгами под мышками и в руках все стали выходить из столовой.

— Я тоже уйду, — сказал отец, — уйду жить к бабушке. Ну, хорошо, — бормотал он, — ты не хочешь слушать своих соучеников, ты не хочешь слушать нас, взрослых, ты не хочешь слушать и Горького, и Станиславского, и Павлова...

Отец хлопнул дверью, и я остался один.

Как жаль, что человеческий голос не может (пока не может) произнести одновременно три фразы. К сожалению, природа не запатентовала такой способности еще ни у кого, но если бы она запатентовала это, то я бы, оставшись в долгожданном одиночестве, произнес следующее: «Кис-кис-кис!» Затем бы пропел: «...то, что испокон веков неосновательно называли «колебаниями» голосовых связок, не является в строгом смысле колебаниями: это просто серия сверхкоротких и быстрых сокращений голосовых связок». И продекламировал: «Сердце бьется! Сердце бьется! А как же оно бьется?!» Все это я бы произнес одновременно, потому что в одиночестве мои мысли сосредоточились на многих проблемах. На этот раз их было всего три. Хотя, если быть

точным, то есть если быть, то только точным, было ощущение и четвертой проблемы: ощущение конфликта с одноклассниками. Правда, это ощущение было ощущением как бы не общим, а личным. «В конце концов, все, что произошло, это даже не конфликт, а просто противоречие, но ведь не каждое противоречие переходит в конфликт», — думал я, рассказывая по квартире в поисках кошки Муськи, чтобы ее накормить.

Заглядывая в поисках нашей кошки Муськи под стол, я увидел на скатерти кусок перфокарты и листок бумаги. На листке было написано: «Юрию Баранкину от Тани Тополевой». Я взял листок в руки и, перевернув, стал читать. «Юра, — было выведено решительным почерком, — я думала, что до этого не дойдет дело. Но до этого дело дошло. До этого — значит, до электронно-вычислительной машины. Во время разговора с нами, вернее, во время постановки диагноза твоего заболевания ты, наверное, решил, что твоя несовместимость касается только твоих одноклассников, но дело обстоит гораздо хуже. Гораздо хуже, чем предполагали мы и чем предполагаешь ты. Перед нашим разговором с тобой я с помощью одного инженера-кибернетика заложила твой психологический портрет в электронно-вычислительную машину. Не мне тебе объяснять, что предмет психологии — это закономерности формирования психических свойств человека: потребностей, интересов, привычек, способностей, темперамента, характера. Это и привело меня к инженеру-кибернетику. Мы заложили в электронно-вычислительную машину твой психологический портрет, и вот, что нам ответила машина: ты, Баранкин, несовместим ни с одним космонавтом на всем земном шаре!» И подпись: Таня Тополева.

Говоря честно, я еще некоторое время ходил по комнате в поисках Муськи, стараясь не думать о Таниной

записке, но мысль моя то и дело возвращалась к словам: электронно-вычислительная машина со скоростью миллион операций в секунду (человеческому мозгу эти скорости еще не под силу!) определила твою полную сверхнесовместимость с кем-либо из космонавтов на всем земном шаре. Между мною и этими словами возникло какое-то непреодолимое тяготение. И я, может быть, первый раз в своей сверхкосмонавтской жизни занялся только лишь одним делом: я думал о прогнозе. ЭВМ предсказала мне полное одиночество при выполнении самого трудного задания на земном шаре. Тяготение, тяготение критических масс, тяготение двух критических масс. Их сближение и... как сказал этот Зайцев, этот совсем не академик Зайцев, что в голове Юрия Баранкина произошел информационный взрыв, дезинформационный взрыв, и жизнь остальных мыслей в моей голове оказалась короткой. Короткой, как жизнь кометы, открытой недавно датчанином Ричардом Уэстом. Распад космической странницы фотографировали в течение месяца киевские астрономы. На фотографиях было четко видно, как ядро кометы разделилось на четыре фрагмента — каждый диаметром около километра. Окутанные газовым облаком, образовавшимся при интенсивном испарении льда, части небесного тела постепенно разошлись в разные стороны.

Думая о комете Уэста, я прилег на папин диван просто так, без всякого расписания, товарищи потомки, лег глупо, бессмысленно, совершенно не ощущая беспрестанного тиканья в моем существе биологических часов. На диване высилась кipa журналов и газет, с помощью которых совсем недавно папа собирался дать мне вместе с моими одноклассниками решительный бой. Я взял лежавшую сверху «Литературку» и взглянул на последнюю страницу. Со страницы на меня смотрели смешной рисунок, рассказы, рассказыки, фразы, пародии... Мой

взгляд остановился на переводе с датского «Маленькая утренняя радость», и я прочитал его вслух:

«Как утром весенним приятно проснуться,
и сладко зевнуть, и слегка потянуться,
следить за мерцанием солнечных бликов
и слушать часы, не уставшие тикать
за долгую, но уходящую ночь...

Дремоту свою не спеша перевозмочь
и своему безмятежному телу
отдать приказанье сурово и смело:

«Доброе утро! Пора бы вставать!»

И после в постели остаться лежать».

Я повторил слова стихотворения: «Дремоту свою не спеша перевозмочь и своему безмятежному телу отдать приказанье сурово и смело: «Доброе утро! Пора бы вставать!» И после в постели остаться лежать». И остался лежать в постели, хотя по расписанию я должен был тренироваться.

ВОСПОМИНАНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Пульс, пульс, пульс!

Утром, как это ни странно, я проснулся в своей постели. Дома уже никого не было. Очевидно, вернувшись от бабушки, отец перенес меня, сонного, на постель. Позавтракав, я тоже не пошел ни на какие тренировки. Сначала я расхаживал бездумно по комнате, декламируя вслух: «Дремоту свою не спеша перевозмочь и своему безмятежному телу отдать приказанье сурово и смело: «Доброе утро! Пора бы вставать!» И после в постели остаться лежать».

И с этими словами на губах я вышел из дому на улицу. Очутившись на улице, я бесцельно постоял на трам-

вайной остановке и почему-то сел в трамвай и поехал туда, куда поехал трамвай, до самой его конечной остановки, которая называется Михалково. Потом я купался, загорал, ходил в кино, просто гулял и просто ничего не делал.

Кажется, на четвертый или на пятый день я встретил Таню Тополеву. Она подошла ко мне и сказала:

— Я тебе тогда позабыла оставить твои воспоминания,— и протянула мне мою зашифрованную тетрадку.

Я взял свой дневник и сунул его в карман куртки.

— А как все-таки к тебе попали мои воспоминания? — Я никак не мог понять этого.

— А мне тетя Паша их передала. Она сказала: «Я живу на первом этаже, а тут, видно, очень важные документы... Ты ведь живешь на двенадцатом этаже, у тебя они лучше сохранятся».

После этих слов мы еще долго стояли молча, потом Таня посмотрела на небо и сказала:

— Птицы улетают...

Потом она помолчала и добавила:

— Оказывается, они в полете ориентируются по Солнцу, звездам и по силовым линиям магнитного поля Земли.— Затем она помолчала и добавила: — А мне кажется, что это не обязательно всем знать, как и почему ориентируются птицы, улетаая на юг. Кто изучает полеты птиц, тот пусть это и знает...

Я промолчал.

— А ты эти дни не тренировался?

Я промолчал.

— Ну и правильно,— сказала Таня. — Самые великие космонавты и то ведь не все время тренируются...

Я промолчал.

Таня тоже замолчала. Так мы стояли молча очень долго. Затем я ее спросил:

— А стихи — это ты сама написала?

— Какие сама,— ответила Таня,— какие у папы взяла. У меня папа детский писатель, только он не поэт, а прозаик. У него есть друг, он артист, ты его, наверное, видел по телевизору, он старуху Маврикиевну играет. Так вот они с папой хотели какую-то пьесу написать, но она у них не получалась, а стихи остались. Остались и, как видишь,годились.

— Как вижу,— согласился я.

Затем Таня кивнула мне головой и пошла по аллее. И я почему-то пошел за ней.

Мы долго бродили с Таней Тополевой по парку культуры и отдыха. Я все не решался, а потом сказал:

— Ты знаешь, а я все-таки написал стихотворение про сердце. Хочешь... я прочитаю тебе вслух?

Таня обрадовалась.

И я начал читать:

«Человек о сердце много
написал стихов, баллад.
И в них сердце сквозь тревогу
смело бьется, как солдат.
Не стучит, а бьется.
Сердце бьется, как солдат.
Огарев дружил и Герцен,
дружбе не было преград.
Их сердца в едином сердце
бились вместе, как солдат.
Потому, что сердце
не стучит оно, а бьется.
Сердце бьется, как солдат.
Если сделал людям плохо,—
сердца нету, говорят.
С самых первых в жизни вздохов
сердце бьется, как солдат.
Не стучит, а бьется.
Сердце бьется, как солдат.

Как мотор не заведется,
не стучит, как агрегат,
человека сердце бьется,
сердце бьется, как солдат.
Не стучит, а бьется.
Сердце бьется, как солдат.

Сердце кровью обольется,
не уйдет в борьбе назад,
потому что оно бьется,
сердце бьется, как солдат.

Не стучит.

Не стучит, а бьется,
сердце бьется, как солдат».

Когда я кончил читать стихотворение, со мной произошло что-то неладное: во рту у меня стало сухо, я побледнел, а по рукам и по ногам побежали мурашки. Чтобы не упасть, я даже схватился за штaketник забора.

— Что с тобой? — спросила испуганно Таня Тополева.

— Не знаю, — сказал я.

Таня схватила меня за руку, подержала в своей руке и тихо произнесла:

— У тебя учащенный пульс! — Посчитала и сказала: — Сто ударов в минуту. Забился! — сказала она. — Наконец-то! Наконец-то у тебя забился пульс!

Я прислушался к учащенному биению своего сердца, к своим внутренним биологическим часам и сказал:

— Прошло... сколько прошло дней?

— Прошло дней пять, — уточнила Таня Тополева.

— Ой-ой-ой! — сказал я.

— У тебя на лице написано, что потерял много времени? — спросила Таня Тополева.

— Нет, — сказал я. — Сколько я нашел времени, дол-

жно быть написано у меня на лице! Даже лицо перестало мне подчиняться.

— Я тебя очень прошу,— сказала Таня,— найди еще дня два-три времени, и...

— И что?

— И начнешь тренироваться! Договорились?

— Договорились! — сказал я, глядя в небо, глядя туда, в том направлении, где когда-то и кем-то будет выполнено самое трудное задание во всей Вселенной!

Глядя на звезды, на дневные звезды, которых как будто бы и не было в небе, но которые на самом деле были...

— Между прочим,— сказал я,— ты написала в своем стихотворении, что... — Я тихо произнес: — «...Видно, парень влюбленный мечтает о глазах голубых на Земле...»

— Под гитару он их вспоминает,— подхватила тихо Таня,— на далекой звезде, на Збюне...»

— Но такой же звезды нет,— сказал я,— я знаю все звезды в небе. Звезды Збюны там нет.

— Нет,— согласилась Таня,— нет, но будет... потому что это твоя звезда... Ведь она знаешь как расшифровывается?... — И после этого Таня замолчала. Я не знаю, сколько бы она молчала, если бы я ее не спросил:

— А как же расшифровывается звезда Збюна?

— Звезда... Баранкина... Юрия... — сказала тихо Таня и добавила: — Новая!.. Сверхновая!.. — Танины губы продолжали шептать беззвучно слова, но эти слова я уже знал наизусть. Она шептала их тихо, так тихо, как будто бы она, Таня Тополева, была вместе со мной, с Юрием Баранкиным, на той далекой звезде...

И мы видим поля в дымке синей,

Мы скучаем по мягкой траве,

И гитара поет о России

На далекой звезде, на Збюне...

К о н е ц

* МАЛЬЧИК В ЧЕРНОМ КОСТЮМЕ *

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кажется, в тот самый день в Москве была гроза. Первая весенняя гроза. Первая весенняя гроза со всеми ее великолепными пиротехническими эффектами. Сверху, из окна шестнадцатого этажа было видно, как засеменяли солидные прохожие, спасаясь от грозы, а молодые весело и храбро шагали по лужам под проливным дождем, взявшись за руки. Андрей Ивенин распахнул створки окна и поставил на подоконник микрофон, радостно прислушиваясь к раскатам грома, словно к музыке. На столе среди учебников и тетрадок бойко кружились бобины магнитофона.

Быстро, как всегда, пронеслась гроза над Москвой, из подворотни и подъездов вышли люди, заторопились по своим, наверное, важным делам.

По своим очень важным делам... А его дело — всего-навсего уроки. Ему всего-навсего четырнадцать лет. Еще и только четырнадцать... Но в тот день он почему-то почувствовал, что не «еще и только», а «уже» четырнадцать.

— «Люблю грозу в начале мая...» — монотонно повторяет он и вдруг включает магнитофон. Теперь весенняя гроза бушует в комнате, сама природа врывается в стихи Тютчева.

В симфонию грозы проскользнули звуки скрипки: за стеной младший брат Олег разучивал гаммы. Андрей зажал уши... С ума сойти! Вечно одно и то же. Странное очарование покинуло его — перед ним снова обычная комната, привычные учебники и тетради. Взгляд его упал на журнал «Огонек», валяющийся на полу. На обложке журнала красивая девушка. Он улыбнулся и кивнул ей. Он ее знает давно, вот уже с неделю, как только вышел журнал. Там на оборотной стороне листа написано, что она в прошлом году окончила ПТУ, а сейчас уже бригадир строителей на БАМе. Она возводит щитовые домики в трескучий мороз, от которого лопаются стальные рельсы, ее теперь знает, конечно, вся страна, и тысячи старшеклассников и солдат пишут ей тысячи писем.

Нет, надо учить стихи. Он опять твердит все те же строфы, а рука его бессознательно чертит в тетрадке женскую головку, слегка напоминающую журнальную.

В глубине квартиры раздался звонок. Андрей на мгновение прислушался: это пришел доктор, вызванный к брату. Скрипка умолкла, а гром весенней грозы в комнате продолжал греметь.

Вбежала мать.

— Андрюшка! Как тебе не стыдно! К Олегу доктор пришел, а ты магнитофонишь!

...Теперь в комнате стояла тишина. Андрей вздохнул, к чему-то прислушался — он слушал самого себя. Он потрогал свой лоб, грудь, пожал плечами.

«Да что это со мной? Может быть, и я заболел? Может быть, и мне нужно врача?.. А что у меня болит? Не знаю... Гм, странно... Спросить врача? Нет... Еще подумает, просто в школу не хочу».

— Андрюша! — позвала мать. — Сходи в аптеку, вот рецепт, заодно возьмишь в булочной сухарей.

Андрей ушел. И в его комнату сразу же проник

Олег. Ему скучно, и он чувствует себя разведчиком на территории врага. Старший брат запрещал ему в свое отсутствие заходить в комнату: так все перероет, ничего потом не найдешь!

Потирая забинтованное горло, Олег на цыпочках ходил по комнате, прижимал палец к губам и сам себе говорил: «Тсс!» Он заглядывал в учебники брата, словно в тайные планы неприятеля, испуганно оглядываясь, делал воображаемые фотоснимки... И вдруг заметил тетрадку, испещренную рисунками женских головок.

— Мама! Смотри, Андрюха в тетрадке девчонок рисует!

Мать взглянула на рисунки, ничего не сказала, положила тетрадь на место и легким шлепком пониже спины выпроводила Олега из комнаты старшего брата...

Андрей шел по умытой грозовой Москве. Воздух был свежий и резкий, пропахший сладким запахом бензина и подснежников. Витрины, все в каплях дождя, змеившихся вниз, отражали несметные полчища людей. Вот метро «Маяковская». Он замедлил шаг и, в конце концов, невольно остановился в толпе нервничающих молодых людей. Их настроение передалось ему, он вглядывался в лица девушек, мелькающих в потоке прохожих... Она?.. Не она?..

Порой то один, то другой парень с просиявшим лицом бросался к своей подруге, и Андрей улыбался им, а они улыбались ему. А когда какой-то щеголь кавалер галантно поцеловал руку своей даме, Андрей сконфуженно отвернулся.

Со своей авоськой в руке он, наверное, выпадал из общего фона толпы ожидающих, словно заблудившийся путник.

Паренек с букетиком фиалок, вертевшийся рядом, вдруг сочувственно спросил его:

— Ждешь?

Андрей пожал плечами.

— Чудак, что ж ты с авоськой пришел? Купил бы цветов, вон, за углом, продают. — Он прервал свою речь и, нечаянно толкнув Андрея, порывисто побежал на встречу своей девушке.

И только теперь Андрей вспомнил, зачем, собственно, он послан, и повернул за угол. Тут и в самом деле продавали цветы. И, сам не зная, почему он это делает, Андрей купил букетик.

Заказав в аптеке лекарство, он неимоверно удивил продавщицу, оставив на прилавке свой букетик.

На улице он на минуту остановился в раздумье и, вместо того чтобы повернуть домой, отправился бродить по Москве.

Он шагает по бульварам, и маленькие электрические луны светят ему сквозь тонкую листву тополей. Несутся машины, он смотрит на крутящееся колесо: одно, другое, третье — даже голова закружилась. На бульваре какая-то пара кружится в вальсе под гитару. Он удивленно смотрит и вновь бледнеет — снова закружилась голова.

Когда же успел наступить вечер?..

Он прислонился к дереву.

«Да что это со мной?»

Он глядит вверх, сквозь молодую листву дерева, на луну. И тут на его глазах происходит чудо: с тихим странным звуком, который ему кажется громким, как пушечный выстрел, лопнула почка. Он потрясен, он осматривается, и на его глазах с тем же звуком одна за другой лопаются на деревьях почки. Он улыбается этой канонаде весны.

И тут у него вырвались слова:

— Я вас люблю... Я вас очень люблю...

И, как будто эти слова отняли у него все силы, он

опустился на скамейку. Почему у него мокрые глаза? Он встряхнул головой. Странно...

«Что же это со мной?.. Разве я кого-нибудь люблю? Кого? Никого...»

Он вновь побрел, все еще ошеломленный происшедшим, и опять остановился.

«А может, так бывает в жизни: человек еще никого не любит, а уже признался?.. Или не бывает?.. Вернусь домой, спрошу у мамы».

Он не помнил, как вернулся. Мать спросила его о заказанном лекарстве, а он смотрел на нее так, словно сам хотел о чем-то спросить.

— Да что с тобой, Андрей?

— Так... Ничего.

Мать тревожно прикоснулась к его лбу, попыталась заглянуть ему в глаза, но он отвел взгляд.

Андрей ушел к себе. И остановился посередине комнаты, как недавно посередине бульвара... Резко повернувшись, вошел в комнату матери, взял с туалетного столика большое зеркало.

Он опять в своей комнате, перед ним зеркало. Он всматривается в себя, будто первый раз видит этого человека.

Андрей провел пальцами по верхней губе — нет, не растут, заглянул в свои глаза... Затем попытался рассмотреть свой профиль, пригладил волосы. Достал расческу... Может, попробовать причесаться на пробор?..

Решительно сбросив школьную форму, он надел белую рубашку и праздничный черный костюм.

Мать, войдя к себе, привычным жестом поправила прическу у туалетного столика и только тут заметила, что исчезло зеркало. Она удивленно огляделась и направилась к Андрею. У комнаты сына она остановилась и осторожно открыла дверь.

Она увидела отражение сына в зеркале и спроси-

тельно взглянула на Андрея. Мать медленно осматривала его с головы до ног, все время сравнивая с отражением. Как он вырос! Какой он нарядный! Вот только старенькие ботинки никак не подходят к парадному костюму. «Сын, что с тобой происходит?...» Осторожно прикрыв дверь, она вернулась к себе.

Мать стояла у туалетного столика, машинально перекладывая с места на место какие-то предметы, и задумчиво смотрела на то место, где было зеркало. И не видела ничего.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Зазвенел будильник. Андрей вскочил с постели и с недоумением уставился на небрежно брошенную школьную форму и аккуратно висящий на спинке стула черный костюм.

На кухню он вошел в черном костюме.

— Андрей, ты почему не в форме? — спросила мать.

— Так, — ответил он.

Когда он вошел в школу, ребята и девчонки удивленно и насмешливо провожали его взглядами. Кто-то хлопнул его по плечу:

— Ты, чудило, чего так вырядился?

— Так.

И в классе на переключке учительница спросила его:

— Ивенин, ты почему не в форме?

Андрей встал и, потупившись, ответил:

— Так...

— Это не ответ.

Он молчал. Кто-то хихикнул. Сзади сказали:

— «Не хочу учиться, а хочу жениться».

Класс засмеялся.

— Следовало бы тебя отправить домой... Садись.

Шел урок. Учительница постукивала мелом по доске, что-то объясняла... Но для Андрея мир словно бы отключился. Он не слышал ни звука, он смотрел на учительницу и слушал только себя: «Интересно, кому же это я вчера сказал?»

Он медленно повернул голову и взглянул на девочку с челкой. Может быть, Нине?.. Нет... Он посмотрел на девочку с косами. Наташе?.. Нет... Обернулся в другую сторону, к девочке с веснушками. Любе?.. Нет...

— Ивенин, что ты вертишься?

Андрей встал. И тут прозвучал звонок.

В коридорах была обычная школьная суета. Андрей медленно, сам еще не зная куда пойдет, забрел в соседний класс.

Здесь он с той же необъяснимой серьезностью всматривался в лица девочек.

На одном из лиц он остановился особенно долго, пока смутившаяся девочка строго не спросила его:

— Ты что это уставился, Ивенин?

И Андрей молча ушел.

Прозвенел звонок, ученики разбежались по классам, а Андрей спустился по пустынной лестнице к гардеробу.

— Ты что, с уроков сбежал? — спросила гардеробщица тетя Паша.

Андрей молча взял свой плащ. Тетя Паша осторожно тронула его за рукав и, кивнув на костюм, тихо спросила:

— У тебя, может, помер кто?

Андрей вздрогнул и дико посмотрел на тетю Пашу. «Добрая ворчунья тетя Паша, ничего ты не знаешь. Да я сам ничего не знаю... Умер — странное слово. Раз-

ве может сейчас в мире хоть кто-нибудь умереть?! В этот май с лопающимися почками, со вчерашней грозой, со стихами Тютчева?.. А может, и правда? Может, нет его самого, Ивенина Андрея? Может, это не он, а кто-то другой? Может, настоящий Ивенин, в школьной форме, сидит сейчас в классе и прилежно слушает урок?..»

— Да,— сказал он тете Паше.

— Кто же? — сочувственно спросила она.

— Я,— и он пошел к выходу. А тетя Паша побежала к уборщице тете Оле поделиться своими последними новостями.

У дверей он заметил объявление и прошел уже мимо, но вернулся и прочитал. Почему он вернулся? Ему же было все равно, что там написано. Нет, не все равно. Какое-то слово резануло его сознание. Да-да, слово «бал».

«Внимание! 10 мая в нашей школе состоится весенний бал. Приглашаются учащиеся соседней школы».

Он оглянулся. Тетя Паша и тетя Оля смотрели на него из глубины школьного вестибюля. Он чопорно поклонился им и толкнул дверь на улицу.

Он шел привычным путем домой и представлял себе этот бал, весенний бал на пятом этаже школы в актовом зале, где бородатые классики в строгих рамках, Толстой и Тургенев, строго косятся на мальчишек и девчонок, а вечно юные Пушкин и Лермонтов с добродушным изумлением глядят на «племя младое, незнакомое».

Андрей не пошел домой. Он сел на «Букашку», троллейбус «Б», и приехал по Садовому кольцу в ЦПКиО. «Ну и названьице!» — в который раз привычно подумал он. Здесь уже вовсю работали аттракционы, карусели и всякие хитрые механизмы индустрии развлечений, открытые, как всегда, к Первому мая...

Он снова, еще не зная зачем, купил второй раз в жизни на деньги, не истраченные в школьном буфете, букетик нарциссов. И шагал по набережной Москвы-реки, по Нескучному саду, поражаясь тому, как много вокруг прекрасных и юных девичьих лиц. Как много... Но ни одно не напоминало ему то, какое непонятная сила уже нарисовала в его душе.

...— Мама,— спросил он дома,— если бы отец был жив, я мог бы с ним очень-очень, ну очень серьезно поговорить?

— Да,— не сразу сказала мать.— А со мной?

— С тобой?..— тоже не сразу ответил Андрей.— С тобой... я уже поговорил...

Поздним вечером за стеклом окна ничего не видно, кроме близких и дальних огоньков. Но если выключить свет в комнате, улица сразу приблизится, фонари округлят сиянием свои лампы, и даже звуки шагов станут громче...

Снова зажег свет — букетик нарциссов лежит на столе. У цветов какой-то беззащитный вид, они такие одинокие на большом пустом столе...

Андрей снял башмаки и тут же увидел рядом, под кроватью, новые элегантные туфли. Они как бы презрительно смотрели на своих собратьев — предшественников, прошагавших многие километры.

Прижав новые туфли к груди, он сделал по комнате несколько робких танцевальных па.

Утром мать увидела перед зеркалом букетик цветов. Как давно ей не дарили цветы... Когда это было в последний раз?

«Если сын дарит матери цветы, значит, он уже вырос»,— подумала она. И ей стало радостно и больно: радостно оттого, что сын уже большой, и больно потому, что так неумовимо быстро летят годы и приближение старости замечаешь только по своим детям.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ах какой это был первый весенний школьный бал! Бал... бал. Даже в звуке слов — музыка.

Праздничная музыка доносилась сверху в вестибюль, где стояли ребята, чинно встречая своих приглашенных девочек из соседней школы.

«В своем отечестве нет пророка... Или пророчиц, — подумал Андрей. — Почему я не учусь в соседней школе?.. Они, вы понимаете, кто? ОНИ там совсем другие!..»

И все же как ни вглядывается в приходящих девочек, но на сокровенный вопрос «да», в душе звучит самое простое «нет».

Все сегодня нарядные в этом большом зале, и Андрей всего лишь один из всех.

Он гордо стоял у колонны, словно Чайльд Гарольд, и напряженно искал чье-то, пока еще неизвестное лицо.

Две девочки танцевали вместе, и не из-за отсутствия партнеров, а потому, что были удивительно хороши. Просто им нравилось, когда мальчишки пытались разбить их пару, а они не сдавались и делали вид, что им нравится танцевать друг с другом. Пролетая мимо Андрея, они посматривали на него и шептались, словно заговорщики.

Внезапно они остановились, и самая бойкая, оставив партнершу, шагнула к Андрею. На нее сразу устремилось множество глаз, она была такая особенная, что даже завуч, внимательно наблюдавшая за «правильностью» танца, неожиданно вспомнила свои школьные годы.

— Потанцуем? — спросила девочка смело, потому что стеснялась.

Долгую секунду Андрей всматривался в ее глаза и ответил будто не ей, а самому себе:

— Я... не танцую.

Девочка обиженно вздернула плечиком и удалилась в толпу. А уже через мгновение унеслась в танце с другим, неоробевшим кавалером.

Андрей покинул бал, здесь не было той, которую он искал. Он зашел в свой класс. Странно выглядит знакомый класс вечером, когда ты в нем только один. Едва слышно звучит музыка, а по темным стенам скользят лучи от фар проезжающих машин.

Андрей распахнул окно и глубоко вдохнул воздух весны.

Тихо... Умолкла музыка, лишь изредка шуршат шины по асфальту. И вдруг в этой тишине послышалось отчетливое «стаккато» каблучков по асфальту...

Андрей, перегнувшись через подоконник, пристально следил за сперва приближающейся, а потом удаляющейся фигуркой девушки. Исчезла...

И, по-видимому, это «стаккато» родило в его душе свою музыку, когда он неожиданно и все более увлеченно начал танцевать, мысленно держа в объятьях ту самую, воображаемую. И не слышал, как открылась дверь, не видел, как в изумлении застыли на пороге те самые девушки, одна из которых пригласила его на танец. Он пришел в себя только тогда, когда девушки, прыснув, исчезли.

— А говорил, что не танцует. Подумаешь, строит из себя... — донеслось из коридора.

Спохватившись, Андрей выбежал из класса, скатился с лестницы.

Скорей на улицу, скорей домой...

...Домой он вошел на цыпочках, боясь разбудить мать. Но она не спала и встретила сына обычным вопросом всех мам:

— Есть хочешь?

— Очень! — ответил Андрей.

— А почему так рано?

— Так... — сказал сын.

За столом он уплетал свой ужин с тем аппетитом, который бывает только в юности и на который не влияют никакие душевные переживания.

Сейчас он счастлив потому, что все пережитое, хотя до сих пор и не осмысленное, приносит радость и еще потому, что мать сидит напротив и со счастливой улыбкой смотрит на сына. Их взгляды встречаются. Наверное, его взгляд спрашивает: «Ты что-нибудь понимаешь?», а ее взгляд отвечает: «Все будет хорошо».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

...Отцвела весна. Началось лето с его самым приятным подарком для школьников — каникулами.

Мать увезла Андрея и Олега в Подмоскowie, где у них была небольшая дачка. Они ездили туда каждое лето.

Дачные домики, негустой лесок, прибитая травка на небольшом пляже у речки.

Пляж был центром местной вселенной, с лодочной пристанью, вышкой для прыжков в воду и даже с участочком чистенького желтого песка. Здесь собирались ребята, знакомые только по соседству дач и встречавшиеся только летом. В Москве они забывали друг о друге... И с трудом вспоминали имена летних приятелей после долгой разлуки. Выручало привычное слово «старик»: «Ну, как, старик, дела?» — «Ничего, старина, идут». Обычный, ничего не значащий разговор при встрече.

У Андрея было трое таких знакомых. Он их даже пронумеровал: Первый, Второй и Третий.

Оригинальная компания. Вот уже второе лето они

вновь готовились к переэкзаменовке. Это их очень сближало, даже в глазах у них было что-то общее, как у родных братьев.

Андрей познакомился с ними в прошлом году. Они лежали на пляже и лениво следили, как Второй чертил на песочке задачу с иксами и игреками.

«Это хуже нет, когда переэкзаменовка, — изрек Первый. — Что, не получается?»

Задача в самом деле не получалась, и, когда на нее упала тень, Второй раздраженно поднял глаза. Андрей молча присел рядом, взял палочку и написал решение.

За лето они наreshали столько задач, что исписали весь прибрежный песок. Ребята не остались в долгу и научили его нырять с вышки. Далекое прошлое лето...

...В этот раз, завидев его на пляже в черном костюме, они разом забыли о решении новой задачки (будто никуда и не уезжали) и вытаращили глаза.

— Видали чудака? — ухмыльнулся Второй.

— Нанес речке визит, — сострил Третий.

— Человек в футляре, — проявил эрудицию Первый. — Здорово, старина!

— Привет, старики, — поздоровался Андрей.

— С корабля на бал? — спросил Второй, уставившись на костюм.

— Так... — уклончиво ответил Андрей, поставив магнитофон на траву.

— Слушай, у тебя записи Кросби есть? — оживился Первый. — У меня такой диск дома!

— Нет... — виновато ответил Андрей. — У меня тут... природа записана.

— Природа? — удивился Третий. — Какая еще природа?

— Ну, лес... река... дождь...

— Можно? — попросил Первый.

Андрей нехотя включил.

Ребята слушали записи майской грозы, и на Андрея вновь нахлынуло прежнее ощущение, что сейчас вот-вот что-то должно случиться! Особенное! Необыкновенное!..

— Пустое это. Все это,— Андрей широко повел рукой, как бы захватывая и небо, и лес, и реку,— можно даром слушать.

Он торопливо выключил магнитофон.

— А купаться ты тоже в костюмчике будешь? — подмигнул ему Второй.

Андрей молча разделся и побрел к воде. Ребята с криком помчались за ним. Кто-то толкнул его, он полетел в воду... Куча мала... Летят брызги... Смех... Все забыто. Как хорошо летом!..

...А вскоре появился Четвертый, ему, наверное, хотелось подружиться с ними. Иначе зачем бы он располагался всегда рядом и посматривал в их сторону. Ребята делали вид, что не замечают его. У них своя компания. Нужен он больно!..

Как-то, когда они купались, Четвертый, заметив оставленный Андреем на мостках магнитофон, осторожно нажал клавишу. Магнитофон охотно отозвался майской грозой. От громовой канонады Четвертый в ужасе отскочил, а Андрей закричал ему из воды:

— Эй, не балуйся с моим громом!

По вечерам они ходили в ближайший поселок на танцы, а Четвертый, так и не принятый в компанию, маячил в стороне...

Скучно на танцах... Местные ребята во главе с семнадцатилетним верзилкой по прозвищу Сутулый выламываются на середине площадки, показывая «столичный» стиль, задирают приезжих, разобщенных ребят-москвичей. Им тоже скучно, да пойти больше некуда. Не станешь ведь каждый день гонять в Москву за шестьдесят километров, где в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, по рассказам Сутулого,

играет в «шестиграннике потрясный джаз». А его дружки стоят вокруг развесив уши.

Андрей и его «летние друзья» только снисходительно усмеваются на эти провинциальные восторги.

И здесь, на танцплощадке, где уныло гремела музыка и лениво кружились пары, Андрей не танцевал... И здесь он не находил той единственной, которой уже принадлежало его сердце.

Ее нет, еще неизвестно, когда она появится, а он уже написал ей письмо. Трогательное немного и, главное, первое любовное послание, точь-в-точь такое, какое в ночном уединении может написать незнакомой и еще даже неизвестной девушке едва созревший юноша, испытавший первые радости любви и еще не изведавший ее мук. Но это у него впереди...

Ее нет... Ее нет... ни на берегу речки, ни в лесу и вообще в дачном поселке.

Однажды, ничего не сказав матери, Андрей уехал в Москву. В этот день, словно гонимый лихорадкой, он вновь метался по огромному городу: он был в консерватории, в картинной галерее, на поэтическом вечере в Политехническом — везде, куда влекло его неосознанное поэтическое чувство, потому что любовь тоже поэзия.

Он снова оказался в сквере под тем самым деревом, где когда-то произнес поразившие его слова.

— Андрей, на дачу покатаем? — раздался чей-то голос.

Андрей поднял голову. У бровки сквера, придерживая мопед ногой, стоял Первый.

— Гляжу, ты! — весело сказал он. — Думаю, кто это? Знакомая личность!.. Ты что ж не сказал, что в город собираешься? Мы бы с тобой мигом! Я за своим транзистором гонял. Забыли в суматохе, когда на дачу собирались.

Они мчались по загородному шоссе. Первый включил приемник. Сочный, волнующий голос Яхонтова читал стихи Пушкина «Желаю славы я!..»

«А я? — подумал Андрей. — Я тоже славы желаю!.. Немедленно. Может, тогда я сразу нашел бы... Она нашла бы меня... Я читал бы стихи в Политехническом, как известные поэты, она подошла бы ко мне откуда-то из задних рядов, попросила бы автограф, я написал бы, поднял глаза и увидел: ОНА!..»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Андрей разделся, положил на одежду книгу и медленно вошел в воду. Лес отражался в речке, колеблясь на мелкой волне.

Компания решала задачки и привычно ссорилась, не находя решения.

Ветер перевернул страницы книги, и из нее вылетело письмо. Третий подхватил его, чтобы положить на место, но успел прочесть первые строчки.

«Здравствуйте, Тэна!

Это письмо вам пишет...»

Трое склонились над письмом, хотя и не собирались читать его до конца.

— Ага! Понятно, почему Ленский не танцует... — иронически бросил Первый.

Они беззлобно засмеялись, переглянулись и водворили письмо на место.

Когда Андрей, сплавав на другой берег, вернулся, Первый многозначительно подмигнул ему:

— Долго будешь ее прятать?

— Кого? — удивился Андрей.

— Брось! Мы все знаем! — хохотнул Второй.

— Ты хоть Расскажи, какая она? — попросил Третий.

— Да кто?

— Тэна твоя... — выпалил Первый.

Андрей молча отодвинулся. Трое лежали вместе. Андрей чуть в стороне.

И тут свершилось!

Берег все тот же, все такой же реденький лесок просматривается почти насквозь, все так же покачиваются лодки, прикованные к пристани, но уже свершилось то, что вдруг привлекло внимание троих, а для Андрея преобразило этот простой пейзаж в мир сказки.

На берегу появилась Она.

На первый взгляд это была обыкновенная девочка, но Андрей с первого же мгновения почувствовал, что это Она!..

Все трое повернули голову к Андрею и, увидев на его лице отражение того, что происходило в его душе, спросили:

— Она?

— Та самая?

— Тэна?

И Андрей не знал, что ответить, потому что для него она и в самом деле Она, а для них?..

Она улыбнулась, просто так, никому: небу, реке, лесу... Солнце золотило ее волосы, вода и лес отражались в ее глазах, а по щеке пробежала легкая тень одинокого облачка, которое ветер гнал по огромному пространству неба.

— Да, теперь я понимаю Андрея, — сказал Первый.

— Ради такой и я на танцах бы стоял истуканом, — сказал Второй.

А Третий присвистнул.

Она легла на траву и раскрыла журнал. Она даже не посмотрела в их сторону, хотя трое старались изо

всех сил привлечь ее внимание: Первый ходил на руках, Второй лихо прыгал с вышки, а Третий громко и с большим мастерством насвистывал мелодию песни «Путник в ночи». Только Андрей не делал ничего такого, он лежал и читал, как Она. Внутри его все дрожало, вспыхивали и гасли молнии, бушевал ливень и гремел гром, а он спокойно лежал и машинально перелистывал страницы.

Первый, устав ходить на руках, вынул из кармана зеркальце и направил колкий солнечный луч на лицо незнакомки.

Она подняла голову и оглядела компанию тем равнодушным взглядом, каким смотрят на незнакомых людей.

«Странно! Почему же Она, Тэнка, даже не улыбнулась мне, почему не кивнула мне головой?..» — подумал Андрей.

Она поднялась и спокойно пошла прочь.

Все тут же последовали за ней, держась поодаль.

«Почему я не один? Почему мы идем вместе? Почему я с ними? Зачем они здесь? Это ведь я, я, я искал ее и нашел!» — билась в голове Андрея мысль.

Она вошла в калитку дачи, и ее мать позвала из окошка:

— Наташа! Давно пора обедать. Сколько можно тебя ждать?

«Что? Наташа, а не Тэна? Значит, Андрей, ты ее не знаешь, значит, даром она с тобою не поздоровалась? Ну-с, что скажешь, Андрей?» — насели ребята.

Но не может же Андрей объяснить ребятам все, что происходит с ним с самой ранней весны. Он растерянно смотрит на них.

Впрочем, долго ждать объяснений ребята были не намерены, какая-то одна и та же мысль заставила их быстро разойтись по своим дачам.

По-видимому, та же мысль погнала домой и Андрея. Тут он быстро привел себя в порядок перед зеркалом, не замечая, что с веранды за ним подглядывал младший брат, разучивающий, как всегда, скрипичные упражнения.

— Мама! — крикнул Олег. — Андрей опять в зеркало смотрит.

Андрей вздрагивает и вылезает в окно.

Он бежал через весь сад, чтобы скорее вновь очутиться у дачи Наташи.

— Ага! Теперь все понятно! — ехидничал Олег.

— Ничего тебе не понятно!.. — сказала мать. Из окна было видно и ту самую дачу, куда устремился Андрей, и троицу его приятелей, спешивших со всех сторон к заветной калитке. Все они в нарядных костюмах, словно собрались куда-то на праздничный вечер. И на лицах у них один и тот же вопрос: увидят ли они ЕЕ?

Она появилась у калитки и на вопрос матери: «Наташа, ты куда?», ответила:

— Кажется, на берегу я оставила сумочку.

Тот же магнит тянет ребят за Наташей к речке. Они тоже ищут потерянную сумочку, и это простое действие приводит в ужас Андрея. Что же они делают, как смеют, какое имеют право? Ведь это не Наташа, а его Она!..

— Вы не имеете права! — горячо шепчет он им.

— Это почему? — шепотом возмущаются они.

— А ты имеешь право?

— Ты все наврал!

— Не имеете, не имеете права! — настаивает Андрей. — Потому что, потому что...

Но трое уже отвернулись — вновь принялись за поиски. Только Андрей остается в стороне, ошеломленный предательством,

И трое — счастливицы! — нашли сумочку и галантно вручили ее владелице. Превосходный повод для знакомства!

Однако Наташа совсем этого не думала и, мимолетно поблагодарив рыцарей, спокойно ушла.

Трое и Андрей, подавленный и потрясенный происшедшим, остались одни. От молчаливых взглядов, которыми они обменивались, все стало ясным — враги. Враги? Этот вопрос они молча задавали друг другу и получили один ответ. Не сказав ни слова, они ушли вслед за девочкой.

Андрей остался на берегу...

С болью и недоумением посмотрев вслед трем, теперь уже бывшим, друзьям, Андрей бросился на песок и в исступлении бил кулаком:

— Предательство! Предательство!.. Как они могли?! Какое они имеют право?

А когда он поднял глаза, перед ним сидел на корточках Четвертый.

Он даже не успел задать вопроса, как Андрей в запальчивости начал сбивчиво рассказывать все, что с ним произошло с того самого весеннего вечера, когда он впервые открыл, что на земле существует Она, и кончая только что совершившимся предательством.

— Нет, ты понимаешь, понимаешь?! — твердил Андрей.

— Ага! Все понимаю... Я только не понимаю, чего ж она с тобой так и не поздоровалась?

— А!..

И в этом «А!» было все смятение чувства непонятно Андрея.

Он снова начал сбивчиво объяснять, и Четвертый наконец-то понял.

— Ну, если ты ее любил, когда еще не знал, тогда... конечно, тогда ты прав!.. Только знаешь что, — довери-

тельно продолжает он, — у тебя сильные эти самые... как их... соперники. Я ведь этих девчонок знаю. У них ведь знаешь, кто на уме? Одни киноартисты!

— При чем здесь киноартисты?

— Как при чем? Так ведь Первый снимается в кино. А Второй знаешь кто? Тенор! Поет в хоре Локтева! А Третий знаешь кто?.. Без десяти минут мастер спорта. В спортивной школе учится.

Андрей ошеломлен и обескуражен. И все-таки он со всей силой вновь ударил кулаком по песку, как бы проявляя какую-то внутреннюю решимость.

— Во! Во! Правильно! — откликнулся на этот жест Четвертый. — Мы с тобой знаешь, что сделаем...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В проходной киностудии «Мосфильм» толпились люди. Одни стояли в бюро пропусков, другие здесь же названивали по внутренним телефонам, прикрепленным к стене, в разные загадочные отделы: ОДТС, «Экспериментальное объединение», «Постановочный цех», добиваясь пропуска на студию.

Из ворот и в ворота студии въезжали и выезжали автомашины с надписью: «Киносъемочная». Цепочкой тянулась на «Мосфильм» мимо вахтера делегация бородатых латиноамериканцев, горячо тараторящих что-то и не желавших оставлять свои фотоаппараты в камере хранения.

— Спокойно, господа, — вытирал пот со лба сопровождающий, — так положено, товарищи.

— Вот, — показал Четвертый Андрею на объявление у проходной.

«Для съемки в кинофильме «Молодой весны гонцы» требуются мальчики и девочки от 10 до 15 лет».

— Я же тебе говорил, что требуются! — сказал Четвертый Андрею.

— А ты думаешь, у меня что-нибудь получится? — с сомнением спросил Андрей.

Четвертый окинул друга взглядом знатока.

— Чистый Олег Стриженов в молодости. Пошли!

И, уже полностью войдя в роль доброго гения, он вступил в переговоры с вахтером, затем с каким-то неведомым кинодухом по телефону, получил пропуски, и друзья прошли за заветные ворота.

Они долго блуждали по лабиринтам киноцарства.

— Привет! — неожиданно остановил их какой-то мальчишка, здорово похожий на Гекльберри Финна. — А вы тут чего?

И только по голосу Андрей признал в марк-твеновском герое Первого.

— Сниматься, — неуверенно ответил Андрей, с завистью глядя на рваные штаны Первого, на его рыжий парик и несусветно грязную клетчатую рубашку.

— Где вам, — усмехнулся тот и, взглянув на часы, помчался куда-то по бесконечному коридору.

— Слушай, может, не стоит? Наверно, у меня ничего не выйдет... — испуганно сказал Андрей новому другу.

— Может, и в хор не стоит? И в спортивную школу не стоит? Эх ты!.. Ты же один должен стать, как Первый, Второй и Третий. Разве она тогда устоит? Я же знаю этих девчонок.

— А не врет Первый? Ни в каком кино он не снимается...

— Не врет, не врет. Пошли! — и он потащил Андрея за руку.

В конце концов друзья нашли киностудию картины «Молодой весны гонимы».

Режиссер с женщиной-помощницей просматривали

картотеку фотографий. Небрежно отбрасывая карточки, одну за другой, режиссер устало говорил:

— Не то, не то... Посмотрим на этот материал,— указывал он на толпу кандидатов в приемной, девчонок и мальчишек разного калибра с мамами и папами, без мам и без пап.

Четвертый, ведя за собой Андрея, решительно пробежал сквозь эту толпу. И вот они уже у стола.

Четвертый сразу взял быка за рога.

— Слушайте, тетя,— обратился он к помрежу.— Тут одному мальчику очень нужно сняться в кино.

Тетя улыбнулась и переглянулась с режиссером. В ответ режиссер кивнул, как бы говоря: «Вот это то самое, что я искал».

— Ну, что ж,— откликнулась «тетя». — Нам как раз тоже нужно снять одного мальчика.

— Ага, что я говорил! — Четвертый подтолкнул Андрея локтем к столу.

— Как твоя фамилия? Адрес?

— Ну! — вновь толкнул друга Четвертый.

— Ивенин Андрей,— представился Андрей.— Живу я на...

— Нет, я не тебя спрашиваю,— оборвала помреж.— Вот ты нам подходишь,— обратилась она к Четвертому.

Четвертый, несколько ошарашенный этим, пытался убедить «тетю».

— Нет, мне не нужно. Вот его надо снять, моего товарища.

Помреж снова переглянулась с режиссером, который отрицательно качнул головой.

— Понимаешь, товарищ твой нам не подходит, а ты годишься.

— Как не подходит! Как не подходит! Тетя, вы же не понимаете, ему вот как нужно сняться! — и Четвертый чиркнул себе ребром ладони по горлу.

— Что поделаешь, для этой картины нам нужен ты, а не он и не они,— показала она на толпу претендентов.

Четвертый на мгновение обернулся, бросив только взгляд на толпу, и продолжал убеждать:

— Но вы же не понимаете, он должен сняться, для него такой вопрос решается, такой!..

Но Андрей уже быстро пробирался к выходу. Четвертый нагнал его только в коридоре.

Некоторое время они молча шли, не замечая ничего вокруг. Вдруг Четвертый решительно схватил Андрея за руку и потащил обратно.

— Ладно, тетя, я согласен! — сказал он, вновь пробившись к столу.— Так и быть! Снимайте!

— Давно бы так! Сейчас мы тебе сделаем фото-пробу!

— Минуточку! Только у меня условие: вместе со мной вы снимаете и его!

— Но пойми, он нам не нужен!

— Ах так... Тогда и я не буду!

Правильно говорят, от судьбы не уйдешь. Андрея не приняли и в хоровой кружок, и в секцию по прыжкам в воду не приняли.

«Ну, почему же так? Почему я такой невезучий?.. Просто я, наверное, неспособный. Это за километр видно,— угрюмо размышлял Андрей.— Четвертого вон сразу везде приглашают: и на киностудию — внешность подходящая, и в хоровой кружок — превосходно поет сольфеджио, и в спортивную секцию — классно прыгает с трамплина!.. Не завидуй, не надо... Зато он настоящий друг, везде отказался без него, Андрея».

Усталые и обескураженные неудачами, брели вечером по дачному поселку Андрей со своим добрым, но не состоявшимся гением.

И, уже подходя к даче Андрея, они увидели, как весело взбежал на веранду своей дачи Первый, как, на-

свистывая веселый мотивчик, открывал калитку Второй, как, размахивая спортивной сумкой, перепрыгнул через забор Третий.

На темной дачной улице остались двое.

— Ты не расстраивайся, Андрей! — утешает Четвертый. — Я утром обязательно что-нибудь придумаю... Я ведь знаю этих девчонок...

«Я среди них — пятый», — грустно сказал сам себе Андрей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

А утром Андрей наблюдал из-за ограды такую картину: Четвертого, уже направлявшегося к Андрею, вдруг перехватил Первый.

О чем они шепчутся так таинственно? На что согласился Четвертый, добродушно кивнув головой? Что за таинственная записка в его руке?

Андрей надеялся, что сию минуту все тайны разъяснятся, но Четвертого затем перехватили и Второй и Третий. И от них он принял какие-то записки.

Тогда и Андрей из-за своего забора окликнул друга.

— Ага, и ты написал? — спросил Четвертый, протягивая руку.

— Что написал? — поразился Андрей.

— Записку Наташе?

— Ничего я не писал, — вспыхнул Андрей. — А ты-то что?

— Что?

— Обещал мне помочь! А теперь и нашим, и вашим. Что, они сами не могут?

— Так в том-то и дело, что не могут. Самолюбие же, — виновато сказал Четвертый.

— Какое самолюбие!

И Четвертый, добродушно мигая своими добрыми

глазами, терпеливо начал объяснять Андрею, что одному не позволяет самолюбие актерское, второму — самолюбие тенора, а третьему — спортсмена и что не может он отказать хорошим ребятам в таком пу-
стыке.

— А у тебя самого самолюбия нет?

— А зачем оно мне?! Ведь я же... — Четвертый беспомощно развел руками. — Ну так будешь писать?

Андрей молча повернулся и ушел. Но недалеко, что-бы можно было увидеть: что будет дальше?

И увидел. Подкараулив Наташу у калитки, Четвертый начал что-то говорить, протягивая записки. Но Наташа гордо отказалась и закрыла калитку перед его носом.

Обескураженный Четвертый опустил на лавочку со всеми записками, а обрадованный Андрей помчался домой. Он включил сразу магнитофон и приемник, бросился к матери и кружил ее в танце под звуки музыки и грома.

— Андрюша! — отбивалась смеющаяся мать. — С ума сошел! Отпусти!..

...Андрей провожал мать на станцию. Плыли летние сумерки, редкие фонари привлекали мошкар, белыми точками мелькавшую вокруг ламп.

Какая-то девочка шла далеко впереди, и внезапно Андрей понял, что это Наташа.

— Мама, пойдем поскорей, — порывисто сказал он, — а не то опоздаем.

Мать взглянула на него, затем на девочку, мелькнувшую под фонарем, и послушно ускорила шаг.

Когда они нагнали Наташу, Андрей нарочито равнодушно отвернулся, а мать с любопытством посмотрела на девочку. Матери было интересно рассмотреть поближе девочку, из-за которой сын ускорил шаги. Мать

улыбнулась — Андрей заметил это краем глаза — видно, что Наташа ей понравилась.

— Вам тоже на поезд? — неожиданно спросила мать.

— Да, — сухо ответила Наташа.

— Опаздываем, — напряженно сказал Андрей.

— Успеем, — снова улыбнулась мать.

— Еще пятнадцать минут, — спокойно сказала Наташа.

И так они молча прошагали до станции, и никто ни на кого не смотрел.

Когда уже закрывались двери вагона электрички, Андрей сказал матери:

— Я тебя встречу, ладно?

— Хорошо, — сказала мать.

Поезд отошел, набирая скорость, и скрылся за поворотом, где в одиночестве сиял на семафоре зеленый глаз.

Андрей не пошел домой. Он долго сидел на лавочке, одна за другой прибегали электрички, на станции выходили редкие пассажиры, ее среди них не было.

А потом он увидел маму, она вышла на расстоянии вагона от него.

— Ты настоящий рыцарь, — сказала она. — Пошли домой.

— Мам, — не сразу ответил он и достал фонарик. — На... А я тут еще немного побуду?.. Ребята должны вернуться, они вслед за тобой поехали.

— Хорошо, — мать послушно взяла фонарик. — Ты только не задерживайся...

И ушла.

Он прождал еще примерно с полчаса... Проходили товарняки с двухэтажными платформами, загруженными новенькими «Жигулями», спешили скорые меж-

дународные поезда «Москва — Варшава — Берлин — Москва», пронеслись сквозные электрички... Тихо было на станции, когда грохот поездов замирал вдали. Тогда Андрею казалось, что он ожидает здесь ЕЕ вечно.

Она вышла из последнего вагона в 21.35 и прошла мимо, не заметив его. А может быть, она нарочно не заметила?..

Когда она спускалась с платформы к тропинке, ведущей в поселок по лесу, он встал и двинулся за ней.

«Я ей сейчас все скажу!.. Не знаю пока что, но скажу... Скажу самое главное: можно вас проводить до самого дома? Мы с вами почти соседи, я знаю, где вы живете».

Он сошел с платформы, догнал ее. И вдруг впереди вспыхнули три фонарика. Из кустов выросли фигуры трех его друзей.

Три электрических фонарика рыцарски освещают ей дорогу. Три друга идут рядом с ней.

— Мы вас проводим... Какая случайная встреча!.. Вы бы без нас пропали!..

А кто-то, кажется Первый, патетически воскликнул под Маяковского:

— А луна такая молодая, что без провожатых ее и выпускать рискованно!..

Она ничего не отвечала, и силуэты, такие черные в свете идущих впереди фонариков, удалялись от него.

Андрей грустно плелся по тропинке. Сзади слышались шаги. Он обернулся. Это был Четвертый... Он не пытался нагнать никого, он просто шел, отставая от Андрея на каких-то три шага.

Фонарики любезно проводили Наташу до самой дачи. Сначала они дружно светили вперед, а сейчас с ними происходило что-то непонятное, они скрещивались, как фехтовальные шпаги. Потом остановились на Андрее, и он был вынужден заслониться рукой.

Фонарики уже были готовы разойтись, но в их свете вновь мелькнула Наташа.

— На танцы?.. Пожалуйста! — раздался голос Первого.

И рыцари вновь провожают ее...

Андрей и Четвертый шли следом...

На танцплощадке все танцевали с ней по очереди. Первый, Второй и Третий...

И наконец, Андрей. Он держал ее так, как держал когда-то в классе ту, воображаемую.

Наташа со всеми держалась одинаково ровно и точно холодно. И все танцевали молча, будто язык прилип к гортани.

И лишь Четвертый не танцевал с ней, словно нарочно затерялся где-то в толпе.

Компания Сутулоγο покуривала на лавочке под нависшей сиренью, насмешливо поглядывала на них и отпускала шуточки.

— Не стеклянная, не расколешь, — хохотнул Сутулый, когда Андрей с Наташей провальсировали мимо. Андрей заметил, что у Наташи дрогнула рука.

«Эх, если бы я был боксером, — подумал Андрей, — я врезал бы Сутулому так, что тот вместе с лавочкой взвился под облака!.. Лучше не связываться, собака лает — ветер носит».

Наташа стояла, опершись локтями на перила загородки, окружающей танцплощадку. Четверо рыцарей были рядом, двое — слева, двое — справа от нее. И по-прежнему все молчали. Была музыкальная пауза, оркестранты выдохлись и, наверное, поэтому блаженно покуривали на дощатой сцене.

И тут появился Четвертый, он подошел к Сутулому.

— Вы их не трогайте, — тихо сказал он. — Ну, чего привязались?

Наташа и ее рыцари были рядом, и им было отчетливо слышно каждое слово.

— Жаль, что у тебя кепки нет,— лениво сказал Сутулый.

— Почему? — невольно растерялся Четвертый.

Компания Сутулого довольно заржала в предвкушении ответа вожака.

— Чтoб тебе ее на лоб надвинуть! — заявил Сутулый.

Компания заржала еще громче.

— Да... — задумчиво протянул Четвертый. — Тебе-то ее, конечно, не надвинешь...

— Это почему? — на этот раз растерялся Сутулый.

— У тебя лба нет,— спокойно ответил Четвертый и отошел.

— Видали, какой умный,— раздраженно сказал Сутулый своим. — Сегодня он глупым будет, я ему устрою такую возможность.

Вновь заиграла музыка. И пока Наташины рыцари были в замешательстве, чья очередь ее пригласить, к ней рванулся Сутулый. Отвесив дурашливый поклон, он выпренно сказал:

— Разрешите ангажировать вас на тур аргентинского танго!

Причем сказал не с вопросом, а с ударением, как о само собой разумеющемся, и даже протянул руку.

— Я не танцую... с вами,— подчеркнула Наташа.

— Я повторять не люблю,— процедил Сутулый. — Пошли.

— Идите,— кивнула Наташа. — Я тоже повторять не люблю.

— Попомнишь,— прищурился Сутулый.

— Вам же сказали,— неожиданно для себя звонко сказал Андрей. — И почему вы на «ты» с незнакомой девушкой?.. А хоть бы и со знакомой!..

— И хотя бы разрешение у нас спросили,— неуверенно поддакнул Первый.

— Слишком вас много,— ухмыльнулся Сутулый.— Пять петушков, курочка одна! — И с булькающим смехом двинулся к своим.

Наташа взглянула на ребят, на тех, что слева, и на тех, что справа, и каждый виновато отвел взгляд.

Сердце у Андрея отчаянно билось. «Сейчас, сейчас... Сейчас я кинусь за ним, и он за все ответит. Пусть мне достанется, пусть! Но она поймет, что я не такой, как они: Первый, Второй и Третий, ведь я ждал ее всю жизнь!..» Он даже шагнул вперед, но вдруг увидел, что Она уже идет к выходу с танцплощадки.

Ребята заторопились за ней, и Андрей бросился за ними.

«Глупо показывать свое геройство,— успокаивал он сам себя,— если она этого не увидит». И ему даже как-то легче стало, что она уходит и ему не придется столкнуться с Сутулым. И он презирал себя за это. Презирал и трусливо радовался.

Но радоваться было рано. Метрах в ста от танцплощадки, такой нереальной в такой дали, с этой музыкой и шарканьем подошв, дорогу им преградила компания Сутулого.

Андрей сжал кулаки.

«Вот сейчас, сейчас... Сейчас Она увидит!..» — опять решился он. И снова шагнул вперед, но почему-то сказал дрожащим голосом:

— Ну, чего вам нужно? Мы же вам ничего не сделали...

В тот же момент ему заехали по носу, и, пятясь, прежде чем упасть, он увидел, как Первый, Второй и Третий бросились прочь. За ними со свистом и гиканьем понеслась компания Сутулого, а сам вожак остановился перед застывшей Наташей.

И теперь, лежа на земле, Андрей увидел, как метнулся навстречу Сутулому Четвертый и завязалась драка.

Андрей поднялся, провел рукой по носу, ладонь стала мокрой. По земле, хрипло дыша, катались две фигуры. Он посторонился и, словно во сне, подошел к Наташе.

— Пойдемте отсюда...— сказал он, не узнавая своего голоса, и тронул ее за рукав кофточки.

Она резко выдернула руку:

— Я останусь. А вы, пожалуйста.

Сутулый поднялся первым и, когда Четвертый только еще вставал, с размаху ударил его.

— Пойдемте... Ну, пожалуйста,— умолял Наташу Андрей.

Послышался топот ног, и появилась компания Сутулого.

— Подержите его,— приказал Сутулый.

Мальчишки вцепились в Четвертого, и тут Наташа бросилась к ним, стала отрывать их от него, колотила их кулаками и, всхлипывая, кричала:

— Все на одного!.. Отпустите!.. Да отпустите же!..

Андрей зажал уши руками и побежал прочь, с треском прорываясь сквозь кусты и падая.

— Товарищ милиционер! Товарищ...— задыхаясь, сказал блестящим пуговицам кителя, возникшим на тесной дорожке между заборами дач. И все показывал рукою назад.— Там... Там!..

А потом он сидел на земле у своей калитки и слышал, как вдали, у танцплощадки, угрожающей трелью заливался милицейский свисток.

И все стало тихо.

Он вошел в дом, на веранде горел свет — наверное, не потушила мама, чтобы сын не плутал в темноте и пришел на огонек.

Вытирая кулаками слезы, Андрей смотрел на разорванный пиджак своего черного костюма...

Утром Андрей обнаружил, что пиджак тщательно почищен и зашит.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Весь день Андрей не выходил из дому.

Вечер был душный, мягко светила яркая луна, где-то квакали лягушки. Чего-то не хватало в звуках вечера. Андрей сидел с магнитофоном на ступеньках крыльца, записывая неторопливый и тихий шум подмосковного вечера. Чего же не хватало в окружающих звуках?.. И он понял: далекой музыки с танцплощадки.

За обедом мать говорила, что танцы запретили на неопределенное время из-за какой-то драки, но ничего не сказала о его распухшем носе и разорванном пиджаке.

Он выключил магнитофон и вдруг увидел Наташу. Она стояла у своей калитки под фонарем. Она посматривала на часы, вертела головой, словно ожидая кого-то, и нет-нет да поглядывала на себя в круглое зеркальце, поправляя волосы.

А потом он увидел Первого, Второго и Третьего... Они смотрели из-за оград своих дач туда же, куда смотрел и он. На Нее...

И появился Четвертый. Он шел по тропинке, вежливо кивая ребятам. И те тоже кивали ему, не останавливали и не спрашивали.

Он поравнялся с Андреем... Андрей заметил на его лице синяки, но Четвертый нес их с достоинством, как боевые медали, даже не попытавшись их как-то замазать или запудрить, что непременно бы сделал Андрей.

— Больно? — спросил Четвертый, взглянув на нос Андрея.

— Нет... — мотнул головой Андрей, а потом посмотрел в сторону Наташи и сказал: — Да...

Они поздоровались. Четвертый поморщился, когда Андрей сжал ему руку.

Андрей пошел домой, не оборачиваясь, он не хотел видеть, как ОНИ встретятся.

Но он все же обернулся у двери и увидел, как медленно удаляются Четвертый и Наташа.

С минуту Андрей стоял на месте, раздираемый противоречивыми чувствами — искренней дружбы и первой любви.

«Так, значит, предательство? Значит, Четвертый со всем своим дружелюбием и бескорыстием отводил друзьям глаза, а сам... Сам!.. За их спиной!.. За их спиной?»

Нет, ничего подобного! Он действительно прекрасный парень, этот Четвертый, он действительно с большой буквы Человек, он самым искренним образом хотел помочь приятелям, нимало не думая о себе, потому что в себе не видел никаких качеств, которые могли бы привлечь внимание такой девушки, как Наташа. И именно таким благородным, искренним, подлинным рыцарем и предстал он перед Наташей».

— Эй! — позвали Андрея трое друзей. — Пошли погуляем?

— Идите сами... — тихо ответил он.

В комнате он бросился на диван, обхватив руками голову, и так лежал долго. За стеной надоедливо терзал скрипку младший брат Олег.

Мать с состраданием поглядела на сына и тихо закрыла дверь. Она знала: никто в мире не может ему сейчас помочь, никто. Просто это надо пережить.

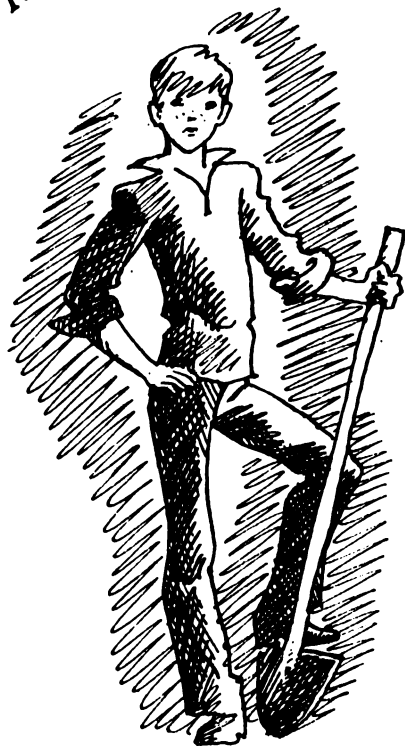
Но, кажется, самой природе не понравилось проис-

шедшее, она мечет на землю громы и молнии. Начавшийся дождь заставил Андрея встать. Он выбежал в сад и поднял кверху лицо, по которому катились не то слезы, не то дождь, и вслушивался в грозу.

Что напоминает ему этот гром? Его губы шепчут то, что произносили уже когда-то: «Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром...»

Правда, сейчас уже не весна, а лето на исходе. Ну и что? Все равно. Она еще придет... Но сумеет ли он ЕЕ встретить?

КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА
* * *

или 36 и 9

ШЕСТЬ РАССКАЗОВ ИЗ ЖИЗНИ
ДМИТРИЯ КОЛЧАНОВА

**Как капитан Соври-голова
чуть не влюбился,
или Некрасивая девчонка**

Дима Колчанов, он же капитан Соври-голова, он же (сокращенно!) капитан Сого, снял с гвоздя боксерские перчатки, которые он взял у одного начинающего боксера. Потом химическим карандашом нарисовал себе небольшой синяк под глазом и на совсем здоровый лоб крестом наклеил лейкопластырь. И в таком устрашающем виде он смело и почти что бесстрашно вышел на улицу и направился на поиски подавляющей компании. Обычно он избегал этих встреч, но сегодня он сам шел им навстречу. Всю их ораву он обнаружил возле кинотеатра. Борис Смирнов брякал на гитаре и пел, а Степан Комаров что-то подпевал ему. Колчанов приблизился к ним, ну, просто нахально и совсем вплотную. Боксерские перчатки грозно висели у него на плече... светился пластырь на лбу, синяк синел под глазом.

— Что это такое? В чем дело? Ой, мама, я боюсь,— сказал Комаров.

— Капитан Сого — чемпион мира в весе ни пуха ни пера,— засмеялся Смирнов.

Колчанов стоял прямо, хотя ноги от страха у него подламывались. Это так озадачило подавляющих, что они даже не сразу начали его подавлять, а сначала допели свою песенку.

— Ваше нам,— сказал Комаров, обращаясь к Колчанову,— а наше не вам...

Начиналось обычное подавление личности, от которого Колчанов чаще всего спасался бегством, но на этот раз он стоял, хотя ноги его сами по себе так и норовили сорваться с места.

— Что-то я тебя давно не вижу? — сказал Комаров.— Где ты пропадаешь?

— В боксерской школе пропадает! — сказал Смирнов.

— Там и пропадает! — поддержал его Молчунов Виктор.

— Уж начал пропадать, ишь сколько ему синяков поставили.— Комаров противно засмеялся. Колчанов смело промолчал.

— А как собак стригут, знаешь? — спросил его с издевкой Борис Смирнов.

Подавляющие всегда задавали Колчанову при встрече какие-то дурацкие вопросы.

— Ножницами! — нахально ответил Колчанов.

— Ножницами! — засмеялся Витька Молчунов.— Собак стригут так... За хвост и об забор. Жалко, что у тебя нет хвоста, а то... я бы тебе показал, как стригут собак.

Колчанов снова смело промолчал.

— Подпрыгни,— сказал Комаров,— что-то ты долго стоишь на одном месте? Застоялся, наверно?

Колчанов подпрыгнул. В карманах у него зазвенела мелочь.

— Выгружай,— приказал Комаров, как всегда.— Смирнов, помоги.

— Ты чего не выгружаешь? — удивился Комаров.— А вы чего не выгружаете? — спросил Комаров Смирнова и Молчунова Виктора.

— Так ведь ударит, — сказал Смирнов.

— Не ударю, — сказал Колчанов. — С меня расписку взяли, что я не буду бить не боксеров.

— Кто взял?

— Тренер по боксу. В «Крылышках». Там открытые соревнования были. Выходи и боксируй кто хочешь с кем хочешь. Я вышел, нокаутировал чемпиона Москвы среди мальчиков. Мне сразу третий разряд. И с меня расписку, чтоб зря не дрался. Не сдержу слово — дисквалифицируют.

— Вот дает, — сказал Комаров.

Молчунов и Смирнов выгребли из карманов Колчанова всю мелочь.

— Рубль двадцать три копейки, — сказал Дима Колчанов и пояснил: — Это я для того, чтобы с вас лишнего не взять, когда будете долг возвращать... — А про себя подумал: «Не подействовали перчатки...»

А на следующий день к Колчановым на пироги приехал папин сослуживец. Вместе с собой он привез двух сыновей, которых смешно звали Кешка и Гешка, и еще дочку с собой захватил, по имени Тошка. Дима сразу ее переделал в Картошку. Дима вообще о девчонках не привык думать и даже внимания на них не обращал. Даже на Наташу Рыбкину внимания не обращал. То есть был как-то случай, когда он на нее обратил внимание, как-то заметил, что она существует — такая вся застенчивая и светленькая. И он что-то такое маме сказал про Наташу — мол, она на подснежник похожа. Мама удивилась и сказала: «Это еще что такое! Рано тебе еще об этом думать, рано!»

«Ну, рано так рано!» Маме лучше знать, что рано или не рано, ну, конечно, только в этом смысле, а не в смысле путешествий. Она взрослая, и тут ей видней. Дима тогда подумал, что, наверное, в жизни каждого мальчишки настает такой день, когда к нему подходит

мама или папа и говорит: «Ну, давай думай о девчонках, думай! Пора!»

Тошку почему-то, между прочим, посадили за столом рядом с Димой. А папа похлопал Диму по плечу и сказал: «Ну, сын, будь мужчиной, ухаживай за своей соседкой!» — «Началось,— подумал Дима,— значит, о девчонках уже можно думать!» Он внимательно посмотрел на Тошку и ужаснулся. Действительно, нос, как картошка! Глаза какие-то... совсем... не такие, а как у кошки. Зеленые. И зубы редкие... через раз... и уши тоже... Торчком уши! И голос такой... писклявый и противный! А главное, когда она стала есть пирожки, то у нее уши стали смешно двигаться. Вверх и вниз, то вверх, то вниз. Диме стало неприятно на нее смотреть. Лучше уж на ее братьев смотреть. Хотя, между прочим, небольшое это было удовольствие. Кешка глотал пирожки, как удав, совсем их не пережевывая, он, наверное, штук десять в минуту заглотал. А Гешка, наоборот, с таким аппетитом жевал пирожки, что у него все время за ушами что-то трещало. Трык да трык! И Диме тут стало так противно, он внутри себя так распахивался, что не выдержал. Встав без спроса из-за стола, он убежал в сад и стал читать книгу, которую папа оставил на поляне. В эту минуту он готов был убежать на край света.

Вдруг за его спиной раздался шорох, когда он совсем уже было успокоился. Дима оглянулся. И увидел эту противную Тошку-Картошку. Она, напевая себе что-то под нос, стала ходить вокруг Димы, сужая круги, и собирать цветочки в траве. Дима подозрительно смотрел на нее и думал: «Приперлась, тоска зеленая... Понравиться, наверное, хочет... Ишь распелась! Ля-ля, ля-ля! Никто ее сюда не звал!»

— Вы что, книжку читаете? — спросила она, останавливаясь за Диминой спиной.

— Землю копаю...— ответил Дима грубым голосом.

— Про любовь? Или про дружбу? — спросила девчонка, не обращая внимания на грубый Димин голос.

— Про дружбу! — еще грубее ответил Дима. — Кошки с собакой...

— Вы грубый...— сказала Тошка, — потому что вы, наверное, не верите в дружбу! Не верите ведь? — спросила она Диму и тут же сама себе ответила: — Не верите, не верите, я по глазам вижу!

«Скажи-ите, пожалуйста, она еще и по глазам чего-то там видит», — подумал про себя Дима, но вслух ничего не сказал.

Тошка немного попела еще писклявым своим голосом, а потом спросила:

— А вы правда в дружбу не верите?

Дима снова промолчал.

— Может, вы презираете девчонок? — не унималась Тошка. — Есть такие ребята, которые презирают...

— Ненавижу! — сказал Дима, трясаясь от злости. — Ненавижу всех девчонок на свете!

— А вот мой брат Кешка меня не ненавидит, — сказала Тошка. — Он со мной дружит. Он за меня всегда заступается!

В это время на поляне как раз появился Кешка. Он молотил по воздуху руками и при этом как-то смешно приплясывал. «Пирожки утряхивает, — подумал Дима. — Облопался!» А вслух спросил:

— А что это он делает?

— Упражняется, — объяснила Тошка. — Он у нас боксер. А это называется бой с тенью.

При слове «боксер» Дима посмотрел на Тошку повнимательней. Вообще-то девчонка как девчонка и не такая уж противная, как показалось. И глаза — зеленые, как трава, ничего глаза, нормальные. И нос не

картошкой, а просто чуть курносый. Симпатичный такой нос. Во рту Тошка все время травинку держит...

Дима еще раз посмотрел на брата Тошки, продолжающего бой с тенью, и спросил:

— А можно... я буду вас звать не Тошкой... а Травкой?

— А почему Травкой? — заинтересовалась Тошка.

— Знаете, Тошка как-то звучит смешно — Тошка-картошка...

— Можно, — сказала Тошка, — зовите Травкой... если вам так больше нравится...

— А если бы вы шли не одна, — спросил Дима Травку, — а, скажем, со своим знакомым мальчиком, то ваш Кешка заступился бы за него, за мальчика? Ну, если бы на него напал какой-то подавляющий мальчишка?

— Каждый мальчик должен сам за себя заступаться, кто бы на него ни напал. Сам...

— Сам... А если мальчик в переходном возрасте? — сказал Дима. — Знаете, возраст есть такой, человек с собой-то не может справиться, не только что с другими!

— Ну, конечно, — сказала Травка, — если бы мой знакомый мальчик был в переходном возрасте, то Кешка бы, конечно, за него заступился!

— А у вас есть знакомый мальчик? — спросил Дима Тошку. — Хороший знакомый?

— Нет, — сказала она, — знакомого мальчика у меня нет... А что?

— Да что-то... — сказал Дима, — что-то хочется быть... кому-то знакомым... — сказал Дима, покраснев, глядя, как Кешка продолжает колотить невидимого противника. Вот бы Комарову так надавать с Кешкиной помощью!

— Вам, наверное, с красивой девочкой хочется быть знакомым, — сказала с грустью Травка.

— Почему это с красивой,— соврал Димка.— Можно и с некрасивой,— а про себя подумал: «Лишь бы у нее брат был боксер!»

В это время на поляне появился второй брат Тошки — Гешка. Он тоже запрыгал по траве в каком-то диком танце.

— Танцор? — спросил Дима, кивая на Гешку.

— И совсем не танцор, а тоже боксер. Ноги отработывает!

Диме очень понравилось, что второй брат Тошки боксер. Братья-боксеры! Ясно, что они заступятся за Тошкиного знакомого. Ну, а если она будет с кем-нибудь дружить... тут уж, наверное, они жизни своей не пожалеют!

— А вы верите в дружбу? — спросил Дима, рисуя в своем воображении повергнутого Комарова.

— А что? — спросила Травка.

— Ничего,— сказал Дима.— Но вот... вот если бы с вами подружился один мальчик, а его жизни угрожала бы опасность, ваши братья за дружбу мальчика с вами могли бы отдать жизни? — Это Дима произнес словно стихи.

Травка подумала и сказала:

— За дружбу? Могли бы...

Это Диму вполне устроило, потому он сказал:

— Подружиться что-то хочется... Только вот не знаю, с кем... Все какие-то... — он не договорил.

— Какие «какие-то»? — тихо переспросила Травка.

— Все какие-то не такие...

— Какие «не такие»?

— Ну, не такие... Не такие, как вы...

— Значит, вы хотите со мной подружиться? — спросила Травка шепотом, при этом она так покраснела, что ее белые волосы стали рыжими.

— Хочу! — подтвердил Дима тоже шепотом и тоже

покраснел — от ужаса, что он такое тут врет вслух. Папа бы услышал!

— Вот Прощка обрадуется! — сказала Травка.

— Какой Прощка?

Может быть, у Травки есть еще один брат? Боксер. Только взрослый. Дима решил: если это так, то он скажет Травке, что готов не только дружить с ней, но готов даже влюбиться в нее. Не сейчас, конечно, а когда станет взрослым. Выяснит, кто такой Прощка, и... если тоже боксер, то влюбится.

— Значит, у вас еще есть брат-боксер? — с надеждой в голосе спросил Дима.

— Прощка тоже боксер, но он мне не брат, он собака, — сказала, смеясь, Тошка.

Дима с сожалением вздохнул. Ну, раз он собака, то пока насчет того, что он со временем влюбится в Травку, можно ничего не говорить. Впрочем, собака-боксер Прощка лучше даже человека-боксера, потому что собаку даже взрослый человек боится больше любого боксера.

— А почему же он обрадуется? — спросил Дима.

— Потому, что с ним никто гулять не хочет, одна я гуляю, а теперь я буду с ним не одна гулять, а вместе с вами.

И Дима снова подумал, что здесь, пожалуй, можно подумать, чтобы влюбиться. Пусть Кешка, Гешка и Прощка знают, что он обязательно влюбится в Травку и чтобы они втроем, в случае чего, горло перегрызли этому подавляющему Комарову и его приятелям. Дима уже хотел сказать Травке, что он со временем в нее влюбится, но она вдруг рассмеялась:

— У вас совсем нет поперечнополосатых мышц! — сказала она, посмотрев на его голую спину, и спросила: — А как вы разгибаетесь и сгибаетесь?

Дима быстро натянул ковбойку и промычал что-то невнятное. И насчет мышц даже не знал, что ответить. Не мог же он объяснить Травке, что потому и хочет с ней подружиться, а потом и влюбиться в нее, что у него нету этих самых поперечнополосатых мышц.

— Я вам назначаю свидание,— сказал Дима, пускающая петуха. Проклятый переходный возраст!

— А чего вы так визжите? — сказала Травка. — Свидание надо назначать тихо и таинственно. Вот так. Где и когда? — сказала она тихо и таинственно...

— Завтра в шесть часов у кинотеатра...

— Хорошо,— сказала Травка таинственно.— Я приду...

— Только у меня к вам просьба,— сказал Дима, на этот раз тоже тихо и таинственно.— Приходите не одна на свидание.

— Как не одна, а с кем же?

— Приходите,— Дима чуть было не сказал: со своими поперечнополосатыми боксерами.— Приходите с братом Кешкой, с братом Гешкой и с собакой Прошкой. Билеты я всем куплю...

— Но послушайте...— сказала Травка.— Может быть, лучше, если я приду одна? Ведь на свидание с братьями не ходят! И в книгах и в кино всегда приходят без братьев!

«Одна! — передразнил Дима Тошку про себя.— А кто будет за меня заступаться, когда Степан Комаров начнет меня подавлять? Кто будет давать ему хук справа и нокдаун слева? А кто будет кусать за ноги убегающего Комарова?»

— Ну, пожалуйста...— проныл Дима.— Ну, приходите в первый раз втроем! То есть вчетвером... Будем дружить все вместе!

— Ну, хорошо,— сказала Травка.— Мы придем

втроем... то есть вчетвером... Я про Прошку совсем забыла.

Итак, надо было достать четыре билета в кино: для Травки, Гешки и Кешки. И для себя. И купить четыре эскимо, нет, три, на этот раз Дима сам решил обойтись без мороженого. И для собаки Прошки — вареную кость с мясом.

Деньги на билеты и эскимо Дима одолжил у Туркина, копившего себе на какие-то особые лыжные крепления. Кость взял без спроса у мамы из супа. И, нарядившись почти как жених, пришел к кинотеатру за полчаса до начала сеанса с билетами в кармане, со свертком под мышкой (кость для Прошки) и с коробкой эскимо для своих защитников, для поперечнополосатых боксеров. Как только Дима вышел в таком виде из дачи, за ним сразу же увязался один из подавляющих — Генка Смирнов с собакой. Ясно, что караулил, как будто ему делать больше нечего. Смирнов свистнул, и тут же из кустов к нему подбежал рыжий Печенкин. Они пошептались о чем-то между собой и проводили Диму до кинотеатра. По дороге к ним присоединились еще двое. Дима остановился возле входа в кинотеатр, поближе к контролерше. Оглянулся. Травки еще не было. Степан Комаров тоже еще не появился. Осмелевший в четыре раза, Смирнов бросил в сторону Димы счетверенный взгляд, в котором крутилось что-то вроде таких невидимых слов: «Подозрительно! Подозрительно! Вырядился, плюс букет цветов, плюс коробка в руках, плюс сверток, плюс независимое выражение лица. — На лице Смирнова было написано: — А что, если мы сейчас устроим минус коробка, минус сверток, минус... что у тебя там в карманах? Плюс десять шалобанов по лбу!»

Тогда Дима небрежно приблизился к подавляющим и сказал, обращаясь к Витьке Молчунову:

— Сбегай за Комаровым!

— Как это сбегай? — возмутился Витька Молчунов. — Зачем?

— Затем... — сказал Дима. — Затем, что через некоторое время ваша подавляющая машина будет сломана!

— Ка-ка-кая ма-ма-шина? — заикался Печенкин. Он всегда заикался, когда злился.

Подавляющие переглянулись. Витька Молчунов бросился за Комаровым.

— Смирнов, пока не поздно, учись у Печенкина заикаться со страха, — сказал Дима. — А также учитесь пока у этой своей дворняжки высовывать языки!

— Па-па-па-че-му? — спросил Печенкин.

— Па-па-па-та-му, — передразнил его Дима, — что скоро вам всем будет сначала жарко, а потом холодно... Сейчас за меня придут заступаться сразу три боксера.

Дима взглянул на часы. Травка и три ее боксера должны были появиться с секунды на секунду. Не опоздали бы, а то эскимо уже начало таять.

Комаров, между прочим, тоже вот-вот появится.

Травка и Комаров появились за деревьями с разных сторон одновременно. Комаров шагал в сопровождении Витьки Молчунова прямо по направлению к Диме. Дима спокойно повернулся спиной к ним и двинулся к спасительной Травке, к Гешке, к Кешке и Прошке. И чем ближе он подходил к Травке, тем все тяжелее переставлял свои ноги. Ни Гешки, ни Кешки, ни Прошки, никого из них, кого он больше всего хотел видеть, за Травкой не было. Они не пришли на свидание. Дима еще смотрел с надеждой сквозь Травку: может, они отстали, может, они за деревьями? Но радостный Тошкин голос сообщил:

— Здравствуйте! Я пришла одна! У Гешки и Кешки тренировка, а у Прошки что-то с желудком!

Пришла одна, да еще радуется, да еще расфуфыри-

лась. «Все,— решил Дима,— я сейчас ей скажу, что я ее ненавижу. Обманщица! Так подвести своего...» Кем он ей приходится? И еще эта дурацкая кость под мышкой, и мороженое начинает таять в коробке. Тошку и Диму тут же окружила компания подавляющих.

— Заикаться, говорит, учитесь у Печенкина,— сказал Смирнов.

— И язык, говорит, высовывать — у Шарика, а то, говорит, вам всем жарко будет! — добавил Молчунов Виктор.

— Так,— сказал Комаров, глядя на букет.— Это все цветочки, а ягодки у него в коробке и вот в этом свертке.

В это время Печенкин рассмотрел сквозь целлофан кость в пакете.

— Мя-мя-мя-со... — удивленно заикнулся Печенкин.

— И мороженое,— сказал Витька Молчунов, приоткрывая коробку у Димы в руках.

— Цветы, мясо и мороженое? Непонятно... непонятно...

— А чего тут непонятного? — сказал Комаров.— Цветы для меня, мясо для собаки, а мороженое для всех!

Подавляющие прямо из коробки стали есть мороженое, черпая его руками, а потом Комаров вдруг сделал такое движение, как будто хотел вытереть руки о Димино лицо. И тут Тошка схватила Комарова за руку.

— Не трогайте его! — сказала она грозно.

— Это почему не трогайте? — каким-то писклявым голосом сказал Комаров и протянул руки, чтобы все-таки вытереть их о Димино лицо. Но Травка вдруг так ловко его мотнула за руку, что он чуть не упал было, и тогда Комаров замахнулся на Травку.

И здесь случилось что-то для Димы совсем непонятное. Он сам, без всяких там поперечно-полосатых мышц

треснул костью в целлофане Комарова по голове, ударил снизу коробку с эскимо, которую держал Печенкин, и мороженое залепило Печенкину всю физиономию. А Молчунова он ткнул букетом в нос... А Смирнов от него сам попятился... Комаров успел только заорать, что он вот сейчас даст,— Травка подсекла ему ногу, рукой толкнула в грудь, и Комаров шлепнулся. Все оцепенели сначала, а потом бросились на Травку с разных сторон.

— Не трогайте ее,— шипел, как картошка на сковородке, Смирнов,— не трогайте, у нее братья-разрядники, боксеры... Разрядники они! Разрядники! — вопил Смирнов, придерживая за ошейник лающего Шарика.

— Я тоже разрядник,— проговорила Тошка, разбрасывая подавляющих по траве.— По самбо разрядник... и еще каратэ знаю...

Подавляющие вскакивали и один за другим отступали за угол кинотеатра. Тошка и Дима остались одни. Запыхавшаяся Травка отряхивала с джинсов пыль и хвойные иголки. А Дима молча смотрел в землю. Когда Тошка привела себя в порядок и торжествующе поглядела в ту сторону, куда подавляющие скрылись, Дима сказал виновато:

— Вот... Травка... Я должен извиниться перед вами, я вам вчера все про знакомство с вами врал.

— Врали? — донесся до него удивленный голосок Тошки.

— И про дружбу тоже вчера врал... То есть не то чтобы врал...

— Врал? — горестным эхом откликнулась Тошка.

— Я вообще врун... жуткий врун... У меня и прозвище такое: Соври-голова... Капитан Соври-голова, может, слышали?..

Тошка повернулась и медленно пошла от Димы. Тогда он тоже пошел за ней.

— А сегодня я не вру,— сказал Дима,— ни про дружбу, ни про знакомство.

— Не провожайте меня,— сказала Тошка.

— Я не провожаю...— сказал Дима.— Я просто так...

Тошка удивленно и грустно смотрела на Диму.

— Конечно, я некрасивая...— сказала Тошка, хотя она была, по мнению Димы, такая красивая в эту минуту.— Мне, конечно, можно врать... не врут только красивым...— прошептала она со слезами на глазах, как показалось Диме.

Они стояли друг против друга. И Травка почему-то неожиданно засмеялась, безо всяких слез. Радостно так засмеялась и сказала:

— Они вам синяк поставили.— Тошка достала зеркальце, и Дима увидел в нем действительно синяк. Настоящий синяк, синий не от чернил, а совсем от другого. Это его еще больше обрадовало.

— А вы знаете,— сказала Тошка,— хотя у вас и нет поперечно-полосатых мышц, вы настоящий смельчак!

— Это почему же? — не поверил Дима.

— А потому, что только смельчак без всяких мышц может броситься первым защищать девочку, вы же не знали, что я самбо знаю... Вы ведь не знали?

— Не знал,— сказал Дима.— Честно, не знал.

— Вот! — снова счастливо засмеялась Тошка.— И вы вовсе мне не врете? Ну, теперь не врете?

— Не вру,— обрадовался Дима,— честно, не вру!

Травка что-то еще хотела сказать, но махнула рукой и побежала. А Дима остался стоять на месте. Потом она обернулась и крикнула:

— И вы вообще никакой не врун! Вы фантазер! Жуткий фантазер!

Она уходила все дальше и дальше, и чем дальше она уходила, тем больше Диме казалось, что он соврал Тош-

ке только в том, что он не знает, что такое дружба между мальчиком и девочкой... Ему казалось, что с этой минуты он что-то об этом уже знает... Это когда у тебя нет поперечнополосатых мышц, а ты заступаешься смело за девчонку.

— До свиданья, капитан,— доносилось до Димы издали.

— До свиданья! — крикнул он вдаль каким-то новым, совсем незнакомым для себя голосом.

Как капитан Соври-голова чуть не нашел клад, или Золотая лихорадка

Перед ужином Димины мама сказала ему:

— Если ты не выкопаешь ямы под кусты черемухи, которые ты обещал выкопать еще неделю тому назад, то завтра не проси денег ни на кино, ни на мороженое.

Вообще-то выкопать несколько ям для кустов — не задача для такого мужчины, каким себя показал Дима там, возле кинотеатра, где он назначил свидание симпатичной Тошке. Здорово он там разделался с подавляющими. Точнее, не он один, а они с Травкой. Но одно дело заступаться за кого-то, другое — за себя. «За себя заступаться не так интересно», — подумал он, прислушиваясь за столом к разговорам взрослых.

— А вот еще какой был случай, — сказал папе сосед по даче. — Ремонтировали старый дом. Представляете? Печь разворотили — представляете? А там золото и бриллианты — представляете?

— Представляю, — сказал папа.

— Или вот еще... — С этими словами сосед достал из кармана вырезанную, вероятно, из газеты заметку и стал читать ее вслух: — «...Восемь кирпичей золота».

Представляете? «По телефону от собственного корреспондента из Ленинграда... Строители заменяли пол в универмаге «Гостинный двор». Лом ударился о твердый предмет». Представляете? «Это оказался слиток металла величиной с небольшой кирпич. На слитке номера и русские буквы. Тут же нашли еще семь таких кирпичей». Представляете?

И здесь Диме вдруг стало ясно, что он вполне может выкопать ямы для черемух, не опасаясь насмешек со стороны подавляющих. Скажет: «Ищу клад!» И романтично и вообще похоже на правду. Доев котлету и допив чай, Дима встал из-за стола и почти бегом пересек двор и скрылся за акациями. Кусты поглотили голос соседа, что-то еще рассказывающего про какой-то клад.

Войдя в круг, очерченный известкой, с цифрой девять посередине, он крепко ухватился за черенок лопаты и, раскачав ее, вытащил из земли. Поплевав на руки, Дима вонзил было лопату в землю, как услышал за спиной какой-то шорох. Он оглянулся и увидел Комарова.

— Бригада кому нести чего куда...— сказал Комаров.

«Начинается»,— подумал уныло Дима.

— Чего это он?— спросил Молчунов.

— В Америку хочет прокопать ход, чтобы сбежать от нас,— пояснил Печенкин.— Эй, капитан!— крикнул он, но Дима продолжал копать, не обращая на подавляющих никакого внимания.

— Да это он могилу себе роет...— захохотал Молчунов.

Дима, сжав зубы, молча продолжал рыть землю.

Тогда вмешался Комаров. Он очень ехидно спросил:

— Эй, капитан, а что вы там роете?

— Да так... Клад ищу...— негромко сказал Дима.

Комаровцы о чем-то посоветались за забором.

— А кто тебе сказал, что здесь зарыт клад? — спросил насторожившийся Комаров.

— Дед один, — сказал Дима. — Купец здесь жил до нас. Жутко богатый... Перед революцией он сам дачу поджег, а золото закопал на этой поляне.

— А карта есть? — спросил Комаров.

— Карта у деда, — сказал Дима, орудуя лопатой, как заправский кладоискатель.

На этот раз подавляющие шептались так долго, что Дима не выдержал, достал из кармана сантиметр и стал отмерять расстояние от ямы до куста и от куста до ямы.

— Может, помочь? — спросил наконец Комаров, перепрыгивая через заборчик.

— Что помочь? — спросил Дима, настораживаясь.

— Клад искать... — сказал Комаров, доставая из кармана пятак. — Только, конечно, не так просто, а за деньги. — С этими словами он вставил пятак в глаз, словно стекло от очков.

— Конъюнктивит будет, — сказал Дима, которого просто в жар бросило от такого неожиданного предложения. В лучшем случае он рассчитывал на то, что они не будут дразниться. — Да что вы, ребята, — сказал он, — я же пошутил... Я для черемухи ямы рою...

— Темнишь? — прошептал Комаров. — Один хочешь все золото заграбастать?

— А знаешь, что такое амеба? — спросил Витька Молчунов, подступая к Диме с другой стороны. — Амеба сказала, что бог велел делиться. И разделилась пополам. Потом еще раз пополам. Проходил в школе?

Вообще-то Дима очень удивился. Сначала он сказал неправду, и ему поверили. Потом сказал правду, тогда ему не поверили. Что же говорить теперь?

— А с «кустами черемухи» ты это хорошо приду-

мал,— сказал Комаров.— Еще в доме кто-нибудь про клад знает?

— Нет,— сказал Дима.— В доме все знают только про «кусты черемухи».

— Очень хорошо,— сказал Комаров.— Значит, так и будем темнить. Кто что спросит: ты копаешь ямы под черемухи, а мы тебе помогаем.

Дима поставил ногу на лопату и еще раз внимательно взгляделся в лицо Комарова — может, он его все-таки разыгрывает? Но Комаров был серьезен. И глаза у него были умные. Умные глаза умного мальчика. Круглые глаза круглого отличника. Только изредка, когда он шнырял взглядом по саду, в глазах у него поблескивало что-то красное, как у кролика.

— Как делить будем? — спросил Комаров.

Дима пожал плечами. Такая задача была не под силу даже самому распрекрасному учителю математики — разделить несуществующий клад.

— Давай пополам! — сказал Комаров.

— Как это пополам? — удивился неожиданно для себя Дима — вот ведь какое нахальство! Хоть и нету клада, но как это вдруг пополам.

— Секрет, конечно, твой,— пояснил Комаров.— Но зато нас трое, а ты один. Поэтому делим так: пятьдесят процентов клада тебе, пятьдесят процентов — нам. Из них — тридцать мне, а по десять — Молчунову и Печенкину.

— Справедливо! — воскликнули Молчунов и Печенкин, подступая к Диме и одновременно хватаясь за черенок его лопаты.

— Вы вот что, вы не хапайте! — заявил Дима после небольшой паузы всем троим, чтобы они сразу не поняли, что он имеет в виду: не хапайте лопату или проценты.— Дело миллионное! Надо все взвесить и обдумать.

Подавляющие сняли руки с черенка лопаты, а Дима напустил на себя такой вид, как будто бы он и вправду производил в уме какие-то вычисления. (Он решил, что чем больше он будет торговаться, тем правдоподобнее будет выглядеть все, что за этим последует.) И здесь в его голове произошла вдруг какая-то необъяснимая вещь — ему показалось, что в разделении несуществующего клада есть какая-то несправедливость... И вообще, почему — несуществующего? Вот сосед говорил, находят же! То тут, то там! А вдруг...

— Значит, пополам! — прошептал Молчунов.

— Ишь вы какие! Пополам! Двадцать процентов я уже обещал деду! Мне самому нужны деньги. А остается от деда только восемьдесят! Из этих восьмидесяти процентов я могу обещать вам только двадцать!

— Не жмись, — сказал Комаров. — Давай весь угол!

— Какой еще угол? — удивился Дима.

— Угол — это двадцать пять процентов, — объяснил Молчунов.

Для вида Дима еще немного «пожался». Потом махнул рукой и проговорил:

— Ладно, только сначала принесите извинения...

— Это еще за что? — начал было Комаров.

— Возле кинотеатра вы посмели оскорбить одну мою знакомую... хорошо знакомую, — добавил Дима.

— Извиняемся, — сказал Комаров.

— И деньги надо вернуть, — сказал Дима, — те, что вы у меня в долг брали.

— Нет денег, — сказал Комаров.

— Подпрыгни, — сказал Дима.

Комаров подпрыгнул, и в кармане у него зазвенела мелочь. Пришлось вернуть долг.

«Жалко, Тошка не видит», — подумал Дима и громко сказал:

— Ладно, грабьте!

Итак, из ста процентов, может быть, существующего клада Диме принадлежало, может быть, целых семьдесят пять. Диму это здорово обрадовало, хотя какая разница, сколько процентов из ничего тебе принадлежат — девяносто девять или один?

— Учтите, — сказал Комаров своим помощникам. — Угол делим так: мне пятнадцать, вам — десять на двоих. Чтобы потом не было разговоров.

Молчунов и Печенкин сбегали за лопатами, а Дима с Комаровым уселись рядом на гранитном камне с загадочными знаками. Дима скрестил руки на груди.

— Десять кругов? С какого начинать? — спросили Диму Молчунов и Печенкин.

— Неужели непонятно? — с преувеличенным удивлением сказал Дима. — Простейший шифр. Вероятно, клад спрятан в круге под цифрой один. Если там клада не будет, вероятно, он закопан в круге под номером два. И так далее.

Молчунов и Печенкин вонзили лопаты в первый круг. Дима с Комаровым стали наблюдать за их работой.

— Димка! — раздался за спиной голос сестры Зинаиды. — Вот я сейчас папе скажу! Ты помнишь, что тебе папа приказал?

Дима прижал палец к губам, поясняя мимикой следующее: я все помню, что я сам, в педагогических целях, во что бы то ни стало все ямы своими руками!

— Сейчас приду и приведу папу! — сказала Зинаида.

Если Зинаида приведет папу (а она приведет, это уж точно!), то Дима знал — ему придется, без всяких отговорок, своими руками.

— Зин, — сказал Дима. — Хочешь, я тебе открою одну тайну! Так и быть... Дело в том, что мы копаем... не ямы для кустов... а мы... это... мы ищем...

— Что вы еще тут ищете? — спросила Зинаида с таким выражением, как будто она все еще находилась на пути к папе.

— Только дай слово, что могила!

— Ну, могила! — сказала Зинаида.

Дима оглянулся. Комаров смотрел на него, угрожающе сжав кулаки.

— Клад мы ищем, вот что!

— Какой клад? — удивилась Зинаида. — Глупости еще! — И, мотнув головой, она скрылась в кустах.

— Мне кажется, ты ей зря про клад трепанул, — процедил сквозь зубы Комаров.

— А по-твоему, было бы лучше, если бы сюда пришел мой отец и взял это дело в свои руки? И потом, она все-таки мне родная сестра!

— А претендовать она не будет? — спросил Комаров.

— На что претендовать?

— На долю от клада...

— С чего это она будет претендовать? — возмущился Дима. — У нас в стране такой закон — кто не работает, тот не ест!

— Ну, как? — спросил Комаров Молчунова, когда тот, скрывшись в первой яме по пояс, перестал махать лопатой.

— Пока ноль-ноль, — сказал Молчунов.

Дима подошел к первой яме, заглянул внутрь, пошевелив фонариком, и решил, что в такой глубокой яме можно сажать уже не черемуху, а целый дуб, и сказал:

— Попробуйте во втором круге... Дед говорил, что клад зарыт не шибко-то глубоко.

Витька Молчунов уже хотел вылезать из ямы, как вдруг, копнув последний раз, сдавленным голосом крикнул:

— Есть!

— Что есть?

Комаров поднялся с травы и в два прыжка оказался возле ямы. С фонариком в руках он упал на колени. Дима тоже суетливо вытащил из кармана электрический фонарик. Три луча света, направленные с разных сторон, скрестились у ног остолбеневшего от неожиданности Виктора. На дне ямы лежали две тусклые золотые монетки.

— Золото,— тихо прошептал Комаров и хотел нагнуться, чтобы поднять их, но Печенкин вдруг схватил его за шиворот.

— Я сам! — сказал Комаров, слезая в яму.

Тогда Дима тоже схватил Комарова за воротник.

— Это почему же ты сам? На моем участке работаете, а не на своем. Здесь я хозяин. Тут я сам — сам!

Толкнув Диму в грудь кулаком, так, что он и на ногах не удержался, Комаров схватил монетки вместе с землей и зажал их в кулаке.

Диму охватила дрожь. Ну, надо же! Теперь не нужно будет унижаться перед родителями, выпрашивать у них каждый день деньги на мороженое, в кино и вообще!

— Да это не золото! — неуверенно, вдруг упавшим голосом проговорил Комаров, разжимая пальцы и разглядывая монетки при свете фонарика. — Это наши одна и две копейки! Это кто же их тут зарыл?!

Комаров молча схватил Печенкина за пиджак и сунул руку ему в карман. Вывернул подкладку. Указательный палец Комарова вылез через дырку в кармане пиджака.

— Ах ты, карманная дырка! — сказал он, ударяя Печенкина по лбу кулаком. — Не носи деньги в дырявых карманах, не носи!!

— Деньги к деньгам,— сказал Печенкин, не обра-

щая внимания на комаровский кулак. — Хорошая примета!

Сказав это, Печенкин молча схватил лопату и побежал к третьему кругу. То же самое сделал и Молчунов.

Дима с Комаровым уселись рядышком, освещая фонариками землю. Диму било в лихорадке какое-то предчувствие. В конце концов, многие же клады были найдены совершенно случайно! И эти подавляющие могут найти. Случайно! На территории дачи Колчановых, как написали бы в газете.

— Слушай, — зло сказал Комаров Диме. — Ты, капитан Сого! Если ты хочешь получить свои с дедом проценты, так чего сидишь как вкопанный, сложа руки? Ты что — клад?

А Диме только этого совета и надо было. Поэтому он вскочил и, все врел я оглядываясь назад — как бы этот клад не нашли без него, — помчался в сарай еще за одной лопатой.

— Между прочим, — сказал он Комарову, вернувшись рысью, с лопатой на плече, — на твоём месте я тоже взял бы в руки какую-нибудь мотыгу.

— Это еще зачем?

— Когда деньги появятся на свет, еще неизвестно, как твои парни поделятся с тобой!

— Это еще почему? — започемукал Комаров.

— Потому что потому! Потом увидишь — почему. Ты что, фильмы про клады не смотрел?

Когда Дима выбросил из четвертого круга десять или двенадцать лопат земли, из темноты вдруг возникла Зинаида. От нервного напряжения и непривычной работы с Димой пот лил в три ручья. Сердце колотилось не в груди, а где-то в голове. Зинаида предстала перед кладоискателями в джемпере и брюках, а в руках у нее тоже была лопата.

— Ты это чего? — спросил Дима.

— Как чего? Я тоже клад искать буду!

Из темноты сада доносился лязг лопат и приглушенные голоса подавляющих.

— Ишь ты какая,— зашипел Дима на Зинаиду.— Как сажать черемуху, так, ах, мне нельзя лопату в руки брать, ах, мне нельзя на лопату ногу ставить! А как клад искать, так, ах, мне все можно!

— А сколько ты им обещал? — не обращая внимания на все это, спросила Зинаида.

— Угол,— сказал Дима.

— Какой еще угол?

— Ну, двадцать пять процентов.

При этих словах Зинаида схватилась за голову.

— Расточитель! Растяпа! Если бы мама узнала, что ты этим бродягам отвалил столько денег!

— Не хватает,— сказал Дима,— чтобы ты еще и маму посвятила в этот клад! И папу... Хотел бы я знать тогда, что мы увидим от этого клада!

— Да ты знаешь, что такое клад! — зашипела Зинаида.— Да если мы найдем этот клад, это все равно что мы откопали свой детский стадион возле нашего района!

— При чем тут детский стадион?

— Как при чем? Найдем клад и сдадим его государству. С условием, чтоб нам детский стадион построили. А то приходится на фигурное катание куда кататься? За тридевять земель!

— При чем тут фигурное катание?! — завопил Дима.

— А при том! — Зинаида полезла в карман и достала какую-то бумажку.— Вот я уже такое заявление написала! И еще заметку составила: вчера на территории дачи Колчановых был выкопан клад. Местные жители сообщают, что бежавший за границу купец... ну, и так далее...

— Да ты с ума сошла! — лихорадочным шепотом

сказал Дима. — Меня же эти подавляющие убьют! Мы же договорились все разделить между собой! И потом, я тоже протестую! Я этот клад ищу для себя, а не для твоего дурацкого стадиона! Я сколько еще буду зависеть от папиных подачек? Я протестую! В конце концов, я первый узнал про клад! — Когда Дима говорил эти слова, он уже совершенно верил в то, что и правда что-то про клад знает.

— Поздно протестовать, — прошипела Зинаида. — Поздно!

— Золото! — раздался вдруг приглушенный крик Печенкина.

Дима выбрался из ямы и следом за Зинаидой побежал к Печенкину. Все собрались вокруг его ямы. Под светом луны и фонарей на дне ямы блестел золотой бок самородка.

— Как будем делить? — спросил Молчунов.

— Что значит — как делить? — сквозь зубы спросил Комаров. — Делить будем, как договорились — пятнадцать процентов мне, а десять — вам.

— Держи карман шире! — сказали в один голос Печенкин и Молчунов.

— Мы вкалывали, а ты это дело перекуривал! — заорал Печенкин.

— Делить, так всем поровну! — сказал Комаров. — Так? Бунт гарнира?

— Подумаешь, какой бифштекс нашелся! — крикнул Молчунов.

Схватив Молчунова за воротник рубашки, Комаров вытащил его из ямы и бросил в кусты. Тогда, стоя в яме, Печенкин схватил Комарова за брюки и дернул на себя. Комаров упал в яму. Прямо на ее дно. И тут они стали, ругаясь, дубасить друг друга.

Воспользовавшись дракой, Дима сунул Зинаиде в руки фонарик, прыгнул в яму и стал осторожно осво-

бождать из земли брусок золота. Действуя то лопатой, то рукой, он отрыл брусок почти наполовину и вдруг увидел — какая-то ручка появилась! Да и брусок какой-то круглый! Покопавшись еще немного, Дима осторожно потянул за ручку клад на себя и вытащил на свет... самовар. Старинный пузатый самовар.

— Самовар... — сказала Зинаида разочарованно.

Подавляющие перестали драться.

— Самовар... — прошептали вместе Печенкин и Молчунов.

— Самовар, — проямил Дима.

— А дед твой, кажется, не наврал про дачу купца, — сказал Комаров. Он поскреб над краном самовар, и все увидели на боку несколько тисненых медалей. — Самовар-то купеческий! Теперь таких не делают! Поиски продолжаются! — сказал Комаров. — Дайте и мне лопату.

— А клад делим поровну? — опять заныл Печенкин.

— Как это поровну! — возмутилась Зинаида.

— Деду шиш! — заявил Комаров. — А остальные на пять частей. И баста! Две части вам, остальные три — нам!

— Это почему же нам две части? — опять возмутилась Зинаида.

— Потому что вас всего двое работает!

— Я вообще больше не работаю, пираты! — заявил неожиданно Дима. — Глупости все это! Нет тут никакого клада. И деда никакого нет. И не было. И купца не было с его дачей. Я ямы для черемух рыл, а не клад искал, я только так сказал, что клад ищу, а вы, дураки, поверили!

— А самовар?

— А я его сам тут закопал... То есть я не закопал, я его просто так бросил, а когда дорогу делали мимо на-

шего сада, так его и засыпали, наверное, вот... Я его хотел в утиль сдать на цветные металлы, а его тут землей засыпали, я не успел! Вот...

Главное, Диме сейчас самому ужасно вдруг стало стыдно за то, что пережил тут с этой самой выдумкой какой-то приступ, какой-то вроде болезни, что ли, золотой лихорадки с температурой, как при гриппе.

— Все,— повторил Дима громко,— я больше в этой золотой лихорадке не участвую!

Подавляющие переглянулись.

— Хочет, чтобы мы ушли,— сказал Комаров.— Хитер! Мы уйдем, а они тут вдвоем, без нас! Продолжать! — скомандовал Комаров.— Полдела сделано, я не из тех, кто отступает... и тем более — уступает!

— Прощайте, пираты... — устало сказал Дима и, еле переставляя ноги, двинулся к даче. А Зинаида осталась. Она вроде и поверила и не поверила. Наверное, больше не поверила, чем поверила, раз осталась.

Утром Дима с папой вышли на крыльцо. Вместо девяти ям было вырыто около восемнадцати. Папа даже присвистнул от удовольствия.

— Можно же при желании... — сказал он.

— При желании найти клад,— пояснил Дима.

— Какой клад?

И Дима рассказал папе про клад и про все остальное.

— Чтоб интересней копать было... — пояснил Дима.

— Ну, молодец! — пришел папа в восторг.— Какой сообразительный человек! Здорово про клад придумано! Теперь насажаем кусты и деревья, у нас тут настоящие джунгли будут! Молодец твой дед! Кстати, это что за дед?

— Какой дед? — изумился Дима. — Я все это сам придумал!

— К чужой славе хочешь примазаться? — спросил папа.

Дима хотел возмутиться еще больше, но в это время к ним подошел участковый милиционер.

— Тут поговаривают, что на вашей территории вчера клад нашли, — сказал участковый. — Закон знаете? Нашли — надо сдать. А премию, конечно, получите — тоже по закону.

— Какой клад? Какая премия? — вскипел папа. — Это дед какой-то про клад придумал, чтобы этим вот мальчишкам было интереснее ямы копать. Ямы под кусты мы рыли!

— Мое дело напомнить, — сказал участковый. — Сдать надо клад, — и он пошел к калитке.

— Так это ты придумал все-таки? — продолжал кипеть папа.

— Это не я, — сказал спокойно Дима. — Это дед. Он тут мимо нас в электричке проезжал!

— Ну, пусть только еще раз проедет! — сказал папа.

Как капитан Соври-голова чуть не стал чемпионом, или Фосфорический мальчик

Солнце лежало на полу большими квадратами. В каждый квадрат упирался как бы слоновой ногой широкий луг. Громадный солнечный слон стоял между классной доской и партами и весь сверкал мерцающими, летающими, плавающими пылинками. Что-то тропическое было в классе еще и от теней старого плюща в углу.

— Так вот, — сказал капитан Соври-голова, сокра-

шенно капитан Сого, он же Дима Колчанов,— в африканской пустыне эти самые арараты...

— Какие арараты? — поправил очки химик Шура Гусев, любивший точность. — Какие еще арараты? Арарат — это гора на Кавказе. Вечно заснеженная гора с вечнозеленой растительностью.

— Ха! — сказал Дима Колчанов. — Гора! Крестьян так зовут африканских — арараты!

— Их зовут ораторы, кажется, — робко вставила застенчивая Наташа Рыбкина, — или, как их, оратории... то есть нет...

— Арабы... — зевнул Костя Стрельников, которого никто ничем не мог удивить, даже сам капитан Сого.

— Арабы — это вообще... это нация... — сказал Дима Колчанов, — а арараты — это крестьяне... они копают землю кайлой и едят сушеных кузнечиков.

— От сушеных кузнечиков араратом не станешь, — возразил Шура Гусев. — А-а, вспомнил! Их зовут ара-тами!

— Какая разница? — сказал Дима, разглядывая прищуренными глазами солнечного слона, слегка переместившегося к дверям. — Араты или арараты? Важно, что они едят! Так вот, я засушил кузнечиков и...

Но никто так и не успел узнать, что сделал Дима Колчанов с сушеными кузнечиками. В пятый «А» влетела Света Брунова с криком ужаса:

— Ребята! Этот новенький, который Сорокин, обыграл всех в шахматы! Весь наш пятый «В»! Он обыграл еще и весь свой пятый «В»!

Даже солнечный слон от такого известия вздрогнул — золотые пылинки так и запрыгали в нем. Дима Колчанов спросил с ехидцей:

— В поддавки, что ли, играли?

— Ты что? — вскричала Света. — Шутишь?! А он сюда, между прочим, движется! С шахматной до-

ской, между прочим! И с сопровождающими лицами!

В классе стало тихо. Голос Светы звенел уже в коридоре. Новость о потрясающих победах новенького неслась по школе со скоростью Светы.

— Так вот,— сказал Дима Колчанов, поудобнее устраивая ноги под партой и возвращаясь к африканской теме,— когда мне было четыре года и мы жили в одном из глухих районов Конго...

— Ну, даешь! — зевнул снова Костя Стрельников. — Так я и поверил!

— Кто не верит, может выйти,— сказал Дима,— я не держу... Значит, в Конго...

Раздался грохот, как будто кто-то ударил в боевой африканский барабан. Саня Петушков, староста пятого «В», гремя шахматами в коробке, появился в дверях. За ним встал некий мальчик, худенький и строгий, и с любопытством исследователя посмотрел, как всем показалось, на капитана Соври-голову.

— Вызываем! — сказал Саня Петушков, ликуя. — Бросаем то есть вызов!

— Куда? — спросил Дима.

— Чего — куда? — удивился Саня Петушков. В коробке над его головой шахматы тихонько рычали, перекатываясь из угла в угол.

— Куда бросаете? — холодно спросил Дима.

— Как — куда? Вам бросаем! Вызов!

— Пробросаетесь... — сказал Дима. — И вообще мы заняты! Прошу закрыть двери! Так вот, в этом Конго...

— Струсили! — охотно сказал Саня Петушков, оглядываясь на всепобеждающего Сорокина.

Шура Гусев возмутился:

— Да он, этот твой новенький, знает, кому вы тут... вызов бросили? В прошлом году кто у нас был чемпионом? Дмитрий Николаевич Колчанов был чемпионом!

— А теперь будет Семен Иванович Сорокин! — сказал Петушков.

— Ай, пешка, знать она сильна, коль лает на слона! — засмеялся веселый и находчивый Туркин, поднимаясь во весь свой высокий рост.

Он посмотрел на Сорокина сверху вниз и сказал, как Суворов о Наполеоне:

— Далеко шагает, пора и унять молодца!

— И уйму! — сказал Дима, тоже поднимаясь из-за парты. — Я его прямо сейчас уйму! Для начала я дам ему фору! И в придачу королевский гамбит! А потом фишками закидаю!

В класс уже стекались все, кого победил и еще не победил Сорокин.

— Правильно, капитан! — кричал пятый «А». — Дай этому Сорокину гамбитом по организму!

— Сорокин! Не трусь! — кричал пятый «В». — За одного гамбитного двух негамбитных дают!

— Зачем по организму? — сказал Дима. Он вырвал шахматную доску из рук Саши Петушкова и потряс ею сам. — Я его по самому слабому месту! Я его по мозгам!

— Начнем, — спокойно сказал Сорокин.

Веселый Туркин пропел:

— Начне-ем, пожа-алуй!

Сорокин, видно, не хотел терять ни минуты, потому он тут же достал из портфеля книжку Симагина «Атака на короля» и разложил на подоконнике доску.

— Заглядывать в книжку будем? — спросил Дима.

Сорокин молча расставлял фигуры. Дима Колчанов долго и задумчиво смотрел на него. Сорокин, ероша жиденькие волосы, просмотрел несколько этюдов на разных страницах.

— Хорошо... — проговорил Дима, вздохнул и отправился... в буфет.

Солнце зашло за тучу, солнечный слон исчез, тропические тени погасли.

— Ну вот... — вздохнула Наташа Рыбкина, грустно глядя вслед капитану, ей очень было жаль, что так она ничего и не узнала о Конго.

Шура Гусев догнал Диму Колчанова уже в буфете.

— Ты что? — спросил он его. — Раздумал?

Дима купил три бутерброда со шпротами.

— Ты почему сейчас занимаешься тем, что ничем не занимаешься? — горячо прошептал Шура в ухо Диме.

— Как это ничем? — проглотив кусок бутерброда, сказал Дима. — Как это ничем?! Я запроваляю фосфором свои мысли!

— А почему ты не готовишь их к бою? — спросил прямодушный Коля Николюкин.

— Потому, что самое главное в мысли — фосфор! Школьный календарь читать надо! — сказал Дима, доставая из кармана листок. — Вот — «Фосфор — элемент жизни и мысли», — прочитал он вслух название заметки. — Элемент мысли! Улавливаете? Своей, а не вычитанной у Симагина!

Все вопросительно посмотрели на химика Шуру. Шура подумал и сказал:

— Вообще-то фосфор — сила! Это точно!

— Значит, чем больше его ешь, тем больше готовишься? — спросил Николюкин.

— Точно! Без фосфора — никуда!

— Факт! — согласился простодушный Николюкин. — Ведь у нас в голове тоже есть фосфор!

— Фосфор — он тоже разный бывает! — сказал тогда Дима. — Первого сорта. — Он погладил себя по голове. — И третьего. — И он погладил по голове Николюкина.

Сорокин вместе со своей доской переместился в свой

класс и там теперь листал книжку Симагина «Атака на короля». А Дима Колчанов всю вторую перемену жевал бутерброды, и третью, а на четвертую он жевать почему-то перестал, он просто сидел за партой и выворачивал карманы.

Пятый «А» почти в полном составе сходил к дверям пятого «В» — Сорокин все еще читал Симагина.

— Капитан,— сказал пятый «А» Диме Колчанову,— он читает, а ты почему-то не ешь! Ты что, перестал готовиться?

Дима развел руками:

— Деньги кончились!

— Так можно и проиграть... — сказал Туркин, перестав быть веселым. Но он был еще и находчивым и потому сказал: — Давайте денежки! Организуем фосфор в складчину!

Всем классом побежали в буфет и купили шесть последних бутербродов со шпротами, а еще один выпросили у Кольки-футболиста (ему фосфор все равно не нужен). Дима принял бутерброды с мужеством борца, готового на жертвы, и стал усиленно готовиться к матчу не только на переменах, но и на уроках. Сорокин не выпускал из рук книжку Симагина. Матч перенесли на завтра.

— А дома ты тоже будешь готовиться? — спросил Диму пятый «А» после занятий.

— Не знаю... — неуверенно сказал Дима. — У нас мясной обед...

— Тогда идем готовиться к нам, — предложил Коля Николюкин. — У нас уха, папа вчера был на рыбалке.

— А вечером можешь готовиться у нас, — сказал Туркин. — У нас жареная рыба.

Дима Колчанов охотно согласился. У Коли Николюкина за обедом он «проработал» уху из ершей, а вечером у Туркина «усвоил» за ужином жареную рыбу...

Утром следующего дня Диму в классе ожидал сюрприз. Под страшным секретным воззванием «Все силы на фосфоризацию капитана Сого!» пятый «А» притащил в портфелях всякую всячину: и рыбные пироги, и бутерброды, и даже несколько банок консервов. Сорокин жадно доглатывал последние страницы «Атаки на короля». Дима сложил приношения в парту и стал поглощать по очереди бутерброды, пироги и консервы. Он чувствовал прилив сил. Сорокину уже казалось, что книгу «Атака на короля» написал не Симагин, а он сам. Он мог пересчитать наизусть количество запятых на каждой странице.

На последней перемене в пятый «А» вошел «хор мальчиков» из пятого «В» и так свистнул, что в классе задрожали стекла. Хоровой свист означал, что Сорокин к бою готов. Но Дима неожиданно заявил:

— Я не живу за счет чужого фосфора, а накапливаю свой. Я пока не в форме!

От неожиданности пятый «А» просто охнул, а всегда спокойный Коля Стрельников неожиданно горячо удивился.

— Что значит не в форме! — закричал он, взвываясь чуть не под самый потолок. — Столько слодал всякой вся-я-я...

Если бы пятый «А» не охнул еще раз, фосфорическая тайна выплыла бы наружу. Тем более, что «хор мальчиков» из пятого «В» сразу же спросил вразнойбой:

— Чего, чего он у вас слодал?

— Я хоч-чу ск-к-казать, — заикаясь, проговорил опомнившийся Костя, — он столько проглотил всяких учебных пособий...

— Ладно, — сказал староста пятого «В» Саня Петушков. — Будешь готов — свисти!

Когда «хор мальчиков» закрыл за собой дверь, химик Гусев подошел к капитану и сказал:

— Слушай, Димыч, по моим подсчетам, ты накопил в своей башке столько фосфора, что можешь стать чемпионом мира среди пятиклассников!

— А если я чувствую, что у меня в голове еще немного не хватает, тогда что?!

Шура Гусев внимательно присмотрелся к Диме и сказал:

— Ладно, если не хватает... Так и быть, после уроков поведем тебя в рыбное кафе!

— А почему в рыбное? — спросил Дима. — Фосфор есть и в пирожках, и в шоколаде, и в какао!

— Ладно! — сказал Гусев. — Будет тебе какао!

И, забравшись на парту, бросил клич, как Минин и Пожарский:

— Ребята, еще раз деньги на разгром врага!

На площади Моссовета в кафе «Отдых» официантка принесла Диме Колчанову, Шуре Гусеву и всем остальным членам фосфорной комиссии вазу с пирожными, шоколад и какао. Веселый и находчивый Туркин сказал:

— Что перед нами? Перед нами «плоды просвещения»! Отвернемся?

Наташа Рыбкина проглотила слюну и повернулась к Диме боком. Комиссия мужественно уставилась в окно, стараясь не принимать к волшебным запахам, струящимся из вазы и из чашек с какао.

— Готов? — сурово спросил Шура Гусев Диму, когда ваза осталась пустой.

— Почти, — заверил комиссию Дима, — почти готов... остались самые пустяки... — В глазах у него все заметили какой-то странный, очень легкий блеск.

— Пойдешь к Наташке, — решительно сказал Шура Гусев. — У них сегодня именины...

Через час Дима сидел за столом у Наташи Рыбкиной, счастливой и сияющей, и праздновал с родствен-

никами Наташи день рождения ее бабушки. В это время фосфорная комиссия в полном составе стояла на лестничной площадке и в наступающих сумерках ждала, когда Дима, по словам Туркина, окончит заниматься торторазработками. И конец, который бывает всему в жизни, в том числе и самым большим тортам на свете, наступил.

Дима появился на лестничной площадке и огласил ее громким иканием. Комиссия радостно и торжественно ахнула. В крошечной тьме круглое лицо капитана Сого излучало мягкий фосфорический свет! Оно светилось, как циферблат от часов! Над головой Димы стояло сияние синего медицинского света.

Спускавшаяся сверху старушка оглянулась и сказала:

— Свят! Свят! Свят! — перекрестилась и отвесила Диме низкий поклон.

— Завтра матч! — вынесла приговор вполне удовлетворенная комиссия.

Но капитану Соври-голове, очевидно, больше нравилась уже сама подготовка к матчу, и потому он спросил:

— А почему, собственно, завтра?

Наташа Рыбкина не поверила своим ушам, а Костя Стрельников, вдруг научившийся удивляться, закричал:

— Какого тебе еще торта надо?! — и стал грозно приближаться к Диме.

— Фигу тебе! — сказал Шура Гусев.

— А в фигах разве есть фосфор? — благодушно спросил Дима, оглушенный, наверное, количеством съеденных «плодов просвещения».

— В этих нет! — ответил Гусев, поднося два кукиша к светящемуся носу капитана. — Завтра будешь играть как миленький!

— И смотри,— сказал помрачневший веселый Туркин.— Не подгады! Ваше сиятельство... то есть... наше сиятельство!

— На маленьком шахматном поле большое искусство живет! — пели девчонки пятого «А», сопровождая капитана Соври-голову на бой в пятый «В».

Рванув дверь в крепость противника, тихо шелестящего разными шахматными пособиями, Дима шагнул за порог. Как тихий ветер, шелестели приглушенные предбоевым напряжением голоса:

— Ж-6... Нет, нет... Е-2... Ж-6 же! Ах, ты куда тянешь пешку...

Дима после небольшой, но эффектной паузы свистнул. Это был художественный свист, в котором жажда боя и уверенность в победе сочетались с презрением к несветящемуся противнику. После этого Дима потряс над головой шахматной доской, расставил фигуры.

Сорокин, слегка бледный, с губами, сложенными жестко, сел против Димы. Он был тускл, как запыленное стекло. Первую партию Дима Колчанов проиграл Сорокину на десятом ходу.

Ошеломленный пятый «А» вывел Диму в коридор и спросил:

— В чем дело?

Под гнетущее молчание своих и под ликующие крики пятого «В» Дима долго анализировал что-то в своей голове. Потом шмыгнул носом и произнес одно-единственное загадочное слово:

— Стены!

— При чем тут стены? — спросил Костя Стрельников.

— А при том,— сказал Дима.— Мы играем в пятом «В», он для Сорокина — дом родной, а дома, как известно, и стены помогают.

— Ты не про стены говори, а говори про что предлагаешь!

— Что я предлагаю, я предлагаю играть следующую партию в нашем классе!

— А в нашем классе ты выиграешь? — спросил пятый «А».

— Ха! Если к фосфору прибавить стены — ни один Сорокин не устоит!

С криками разного характера шахматную доску перенесли в пятый «А».

Вторую партию Дима проиграл на шестнадцатом ходу...

Сорокин поднялся из-за стола бледный, если не сказать — серый. От волнения. Даже мало понимающему в шахматах было видно, какую превосходную комбинацию он провел сейчас! Даже мало понимающий в шахматах сообразил, что это стоило ему труда! Все-таки Дмитрий Николаевич Колчанов был чемпионом в прошлом году не за здорово живешь! Значит, чего-то стоил Сорокин! На этот раз Сорокина бросились обнимать и враги, и друзья. Потом его подбросили несколько раз под потолок и всей орущей компанией вынесли на руках из класса.

И только химик Гусев никак не мог успокоиться. ФОСФОР — сила или не сила?! Уже одетый, с портфелем в руках и вполне уверенный, что ФОСФОР — все-таки сила, Шура заглянул в свой класс. Там опять во всю светило солнце, тропические тени от плюща трепетали на стене и солнечный слон стоял между классной доской и партами. Дима Колчанов сидел над шахматной доской, обхватив руками свою фосфорическую голову.

— Да, — сказал задумчиво химик Шура. — Видно, кроме фосфора надо что-то еще иметь в голове...

Он тихо закрыл дверь.

На последней парте сидела никем не замеченная до сих пор Наташа Рыбкина. Она сказала:

— Димыч, а что там дальше было... в Конго?

— Конго... — ответил, не оборачиваясь, капитан, — Конго — это тебе не шахматы... там такое было... такое...

Блистающие, сверкающие пылинки дрогнули — как будто бы солнечный слон тихо вздохнул вместе с Наташей Рыбкиной.

— Интересно, кто это вам рассказал? — спросил меня капитан Соври-голова, прочитав рассказ.

— Ребята, — сказал я.

— Наврали, — сказал капитан. — Ни в какие шахматы я не играл. Это Сазонов играл, а я ему только листок из календаря подарил.

— Какой листок?

— Ну, с заметкой «Фосфор — элемент жизни». Листок дарил — это правда, а все остальное нет.

— Значит, про тебя уже легенды сочиняют.

— Сочиняют, но это для меня ничего не значит.

— Впрочем, если ты про фосфор придумал, ты тоже принимал в этой затее участие.

— Да не принимал я, не принимал, — рассердился капитан. — У меня в это время дело поважнее было.

Я насторожился:

— А какое это дело?

— В космос я летал, — спокойно ответил капитан. — Только вы меня об этом пока не спрашивайте. Тайна это... Важная тайна.

— Может быть, все-таки... — заикнулся я.

— Может быть, — ответил капитан, поняв меня с полуслова, — может быть, но только со временем... расскажу вам и про полет, так и быть...

— Слушай, капитан,— сказал я Диме,— а правда, что у тебя нормальная температура тридцать шесть и девять?

— Правда,— ответил Дима.

— А отчего она у тебя такая...— Я поискал слово и сказал: — Такая повышенная?

— А у вас какая температура? — ответил Дима вопросом на вопрос.

— Как у всех,— сказал я,— тридцать шесть и шесть.

— А может быть, это не у меня повышенная,— Колчанов говорил, глядя на меня весело прищуренными глазами, и щеки его при этом пылали,— может быть, это у всех пониженная, а у меня как раз нормальная?..

**Как капитан Соври-голова
готовился к путешествию,
или «Калорийные» ботинки**

Однажды вечером Диму Колчанова и его сестру Зинаиду пригласила к себе в гости двоюродная сестра их мамы, а утром он уже стоял с ее сыном Женькой на берегу Москвы-реки и рыбачил. Женька развел костер и приготовил для ухи всякую приправу, но оказалось, что есть рыбу придется без соли, без хлеба и тем более без каких-то там приправ, просто так. В сыром виде.

— А почему в сыром? — растерянно спросил Женька.

— Для подготовки моего второго кругосветного путешествия...— спокойно сказал Дима.

— Какого второго? — заволновался Женька.— Разве у тебя уже было первое?

— Конечно, было... Наполовину было.

— Как наполовину?

— Да понимаешь, подплываем это мы к Африке с одной стороны...

— Кто это мы? — спросил Женька.

— Ну, я и команда, на катамаране. Знаешь, что такое катамаран?

— Знаю, — сказал Женька, — лодка такая с двумя корпусами.

— Правильно, — сказал Дима. — Так, значит, подплываем и видим: стоит на берегу негр. А рядом с ним на хвосте стоит такая здоровая анаконда. Знаешь, что такое анаконда?

— Конечно, знаю. Змея такая, метров пять-шесть...

— Пять-шесть! А восемнадцать не хочешь? Вот они и стоят. Мы с командой совсем уже чуть было не пришвартовались, а негр вдруг спрашивает: «А удав у вас с собой есть? Если нет, так не швартуйтесь, тут по джунглям без удава не пройдешь...» У нас, понимаешь, с собаками по лесу ходят, а у них с удавами. Пришлось отшвартоваться... Подплываем мы это к Африке с другой стороны, а там на берегу сидит целое племя Нанкасе, и все курят трубки. Тут мы пришвартовались. А тут километров за тридцать дым повалил. Мы с командой подумали — пожар. А негр говорит: «Это не пожар, это охотники сообщают, что убили двух газелей и одну антилопу». Оказывается, они по дыму друг у друга мысли на расстоянии читают, а мы их мысли читать не можем. Представляешь?

— Представляю, — сказал Женька.

— А мало ли какие у них мысли! Может, они наш катамаран задумают отнять, а он у нас реактивный! Пришлось отшвартовываться. А в это время девятый вал как даст, как смочет за борт всю провизию. А я говорю команде: «Поплывем вокруг света без провианта, рыбы полно, а на крайний случай съедим паруса».

Они у меня кожаные были. А он мне отвечает: давай назад возвращаться...

— Кто это он?

— Команда,— сказал Дима.— Мишка-салажонок, трус, предатель! Представляешь, свежую рыбу отказался есть, я, говорит, только жареную дома ел. А про паруса и слушать не стал. Представляешь?

— Представляю...— слабым голосом сказал Женька, соображая, к чему все эти разговоры клонит Дима.

— Я хотел распилить катамаран, чтобы он на «ката» плыл домой, а я на «маране» вокруг света, он, понимаешь, расплакался.

— Кто расплакался? Катамаран?

— Какой катамаран! Мишка-салажонок. Я, говорит, один обратно дорогу не найду, я, говорит, заблужусь в океане. Ну, и пришлось вместе с ним домой возвращаться.— Дима замолчал, а потом сказал решительно: — Так что ты будь готов.

— А я и так...— сказал Женька, понимая, что он и есть теперь та команда, с которой Дима решил второй раз проплыть вокруг света.

— Что скажешь? — сурово спросил Дима.

Женька долго думал и совсем убито сказал:

— Благодарю...— и замолчал.

— За что? — спросил Дима.

— Благодарю за внимание... то есть за доверие.

— Ничего не поделаешь,— сказал Дима.— Это все называется испытание на флаг. Ты, конечно, знаешь, что морские флаги делаются из материала особой прочности... Так что в интересах всего человечества... Понимаешь?

— Конечно, понимаю,— сказал Женька.

Поплавки тихо лежали на воде. Женька сидел и думал, как бы это рыба вовсе не стала клевать. Уж если Димыч выловит пару плотвичек — пусть он их и ест.

Вот у Димы пусть и клюет. А у него, Женьки, лучше не надо.

Вдруг за поворотом реки, совсем рядом с дачами, затарахтел земснаряд. Да так громко, что, вероятно, разогнал всю рыбу в реке. Женька сидел и с удовольствием слушал, как тарахтит земснаряд. Он очень обрадовался, что ему не придется есть сырую рыбу. А Дима ужасно расстроился. Даже разозлился и, скрипя зубами, стал сматывать удочки.

Женька решил, что Дима стал сматывать удочки в полном смысле этого слова и они больше не будут сегодня готовиться к путешествиям, а будут просто лежать на берегу, просто купаться, просто загорать, но не тут-то было! Смотав удочки, Дима произнес следующие загадочные слова:

— Ну, что ж, раз сырой рыбы нет под рукой, будем тренироваться на чем-нибудь другом.

С этими словами Дима перевел взгляд на Женькины новые ботинки с ушками. Эти ботинки Женьке только вчера подарил папа.

Он знал, что Женька давно мечтал о спортивных ботинках с ушками и белым верхом, на толстой кожаной подошве. Поэтому папа и подарил Женьке именно такие ботинки.

— Сырая рыба — это что! — сказал Дима, глядя на ботинки. — Самое главное, надо уметь есть кожаные паруса. По методу итальянца Пигафетти.

Дима смотрел на Женьку, как укротитель смотрит на зверя, когда он, например, не хочет прыгать через горящий обруч, а Женька смотрел на Диму, как на укротителя.

Так они сидели на песке и смотрели друг на друга, пока Дима не произнес наконец:

— Ну что ты?

— Что я? — спросил Женька.

— Давай! — сказал Дима.

— Что — давай? — спросил Женька с дрожью в голосе.

— Давай разувайся!

— Зачем? — спросил Женька.

— Тренироваться будем!

— На чем? — спросил Женька, понимая и делая вид, что не понимает.

— На твоих ботинках!

Женька решил скорчить из себя круглого дурака и спросил:

— А как мы будем на них... тренироваться?

— Как?! Съедем их, и все! — ответил Дима просто, так просто, как будто всю жизнь только и делал, что ел кожаные ботинки.

Как пожалел Женька в ту минуту, что земснаряд разогнал на реке всю рыбу, ведь если бы был у них в ведерке хоть какой-нибудь улов, то они бы сейчас уплетали его за обе щеки и, конечно, Диме бы не пришлось в голову предлагать есть кожаные ботинки!

Нет! Нет! Надо было что-то делать! Надо было каким-то образом немедленно спасти жизнь новеньких кожаных ботинок. Надо было немедленно заманить Димины мысли в какую-то новую ловушку! Может быть, тоже предложить съесть, но только что-нибудь другое! Скажем, небольшой куст сирени с корой, листьями, с ветвями и даже с корнями, и даже с землей.

Но разве Диму простой корой соблазнишь, если он решил съесть ботинки? «Ну, хорошо, — думал Женька, — если уж надо обязательно есть кожаные ботинки, то почему же мои?! Почему не Димины?! Прекрасная идея!»

— Давай есть ботинки! — бодро сказал Женька. — Только, чур, начнем с твоих!

— Пожалуйста! — сказал Дима. — Только где это ты

читал, чтобы умирающие от голода путешественники употребляли в пищу резиновые кеды?!

Для иллюстрации Дима вытянул из песка свои ноги в кедах, в старых резиновых, совершенно несъедобных кедах! Какая неудача! Ведь у Женьки дома тоже были кеды! Зачем же он, дурак такой, потащился в теплую погоду в жестких, новых, совершенно неудобных ботинках! Фасонщик несчастный!

— Тряпки и резина,— пояснил Дима,— совершенно никаких витаминов и калорий! А у тебя ботиночки очень даже калорийные! Питательные! На них неделю вполне можно продержаться?

И все же Женька не сразу сдался. Он сделал еще одну попытку спасти жизнь своих «калорийных» ботинок. Он сказал:

— Хорошо, Дима! Если нам для тренировки нужно обязательно съесть ботинки, я согласен! Только я думаю, нам лучше начать не с ботинок...

— А с чего же?

— С полуботинок,— сказал Женька грубым шепотом.— У меня есть старые полуботинки, я сейчас их принесу, и мы их съедем!

— Ну что ты! — возразил Дима.— Полуботинками мы не наедемся! Я думаю, что и твоих ботинок будет мало...

— Хорошо,— согласился Женька.— Тогда я сейчас принесу старые папины сапоги, и мы наедемся ими до отвала!

— Ну что ты! — сказал опять Дима.— Разве можно сравнивать старые сапоги с новыми ботинками. Неужели ты не понимаешь, что в старой коже гораздо меньше калорий и витаминов!

— Хорошо,— сказал Женька, делая еще одну попытку спасти свои новые ботинки.— Хорошо! Мы съедем мои новые кожаные ботинки, но только не сегодня!

— Это почему не сегодня?

— Потому, что мы с тобой недавно завтракали! Как же мы на сытый желудок будем есть обыкновенные ботинки? У меня и аппетита-то никакого нету!

— Что же ты предлагаешь? — гневно спросил Женьку Дима.

— Съесть мои ботинки натошак!

— Ишь какой хитрый! — сказал Дима. — Да натошак такие ботинки всякий дурак съест, а на сытый желудок — только настоящие путешественники.

— Тогда вот... — начал было Женька.

Но Дима не стал слушать никаких его отговорок.

— Конечно, — сказал он. — Конечно... Есть такие жадюги путешественники, вроде Мишки-салажонка, которым легче придумать миллион отговорок или даже умереть с голоду, чем съесть без всяких рассуждений свои кожаные ботинки... в интересах всего человечества!

С этими словами Дима рухнул на песок и стал как бы совершенно умирать с голоду у Женьки на глазах.

А Женька! Да разве мог он перенести, чтобы капитан Соври-голова, он же капитан Сого и его троюродный брат, принял его за жадюгу путешественника! Нет, он не мог этого перенести! Ему легче было принести в жертву свои новые кожаные ботинки, чем потерять уважение такого человека! Только бы Дима считал, что он уже вполне готов к любым путешествиям.

— Хорошо, — сказал Женька. — Давай съедем мои ботинки, но только вместе с твоими кедами.

Не говоря ни слова больше, Женька снял свои ботинки и стал мыть их в реке.

— Ботинки сырые будем есть или вареные? — спросил он Диму прерывающимся голосом.

Дима подумал и сказал:

— Раз огонь не кончился, можно и вареные...

Все-таки Дима хороший человек и добрый. Другой бы на его месте вполне мог заставить есть ботинки сырыми. Женька подошел к котлу, в котором он собирался варить уху, зажмурился и, затаив дыхание, опустил ботинки в кипящую воду. Потом незаметно от Димы подбросил в котел еще пять картошек, три морковки и две луковицы, но умирающий от голода Дима каким-то образом это заметил и заставил вытащить всю приправу обратно: и пять картошек, и три морковки, и две луковицы...

— Что ты тут устраиваешь какой-то суп с ботинками...— сказал он.— Ишь какой кулинар нашелся...

— Это я-то кулинар!

Но Дима, видно, и сам пожалел, что так незаслуженно обидел Женьку, потому что он вдруг сжалился и сказал:

— Если уж тебе хочется, чтобы ботинки были вкуснее, пожалуйста, для первого раза можешь посолить воду. Соль у нас еще осталась... И перец остался, и лавровый лист...

«Нет, все-таки Дима — великодушный человек»,— подумал Женька, подбрасывая вместе с солью в кипяток черный перец и несколько лавровых листьев.

Вода в котле бурлила ключом. Ботинки крутились в кипятке, как белки в колесе. То правый наверх выплывет, то левый...

А Женька мешал ложкой воду, стараясь не глядеть на ботинки, и все время думал о том, что его маме, наверное, будет очень неприятно, когда она узнает, что он съел свои ботинки уже на второй день... Если бы Женька хоть немного поносил их и съел, скажем, через месяц или через два, тогда бы это, конечно, ее не расстроило.

Женька так глубоко задумался, что даже не успел заметить, как его ботинки сварились. Лишь когда Дима

заорал «Готово» и подцепил на вилку вареный ботинок, он отвлекся от своих грустных мыслей.

— Готово,— сказал Димка, кладя дымящиеся ботинки на лист лопуха.

Сначала на холодное они стали жевать разорванные на куски кеды, а потом перешли к ботинкам.

— В самый раз,— сказал Дима, глотая с аппетитом ушко.

Затем он разрезал на куски кожаный верх... Хотя Женька мысленно тоже умирал от голода, есть с таким аппетитом, как Дима, свои ботинки он не мог.

Вероятно, Дима расправился бы со всем ботинком, который ему достался, включая подметку и даже каблук, но в разгар пира в дальних кустах раздался треск, и среди зелени появилась голова Диминой сестры Зинаиды.

— Димка! Женька! — закричала она, подозрительно глядя. — Вот вы где! А вас Валентина Николаевна зовет!

— Зачем? — спросил Женька, вслед за Димой пряча под миску недоеденный ботинок.

— Как зачем? — закричала Зинаида. — Обедать пора!

Худшего известия Зинаида никак не могла принести. При всем ее желании. Женька так был сыт своим ботинком, что ему казалось, что он больше никогда ничего не захочет есть, а тут надо идти и поглощать обед из трех блюд!

— Ладно! Иди! Мы сейчас!

— А не наврешь? — издали спросила Зинаида.

— Да ты что! — завопил Дима. — Можешь проверить! Через три минуты...

Женька и Дима поднялись, залили костер бульоном из-под ботинок и зашагали домой.

Как Женька ел обед, он не помнил. Дима и второй обед в интересах человечества уплетал за обе щеки — вот это Женька хорошо помнил. Еще он помнил, что мама все поглядывала на его босые ноги и все время улыбалась. Пока вдруг не спросила:

— Евгений! А где твои ботинки? Почему ты вдруг босиком?

— М-м-м... — промычал Женька, размазывая кашу по тарелке.

— Почему ты без ботинок, я спрашиваю!

И тут вошла сама не своя сестра Димы, Зинаида. Она молча посмотрела под стол на босые Женькины ноги и на босые Димины ноги и вынула руку из-за спины. В руке был сваренный и недоеденный ботинок.

— Они их съели... — сказала ужасным голосом Зинаида.

Женькин папа, молчавший все это время, вдруг побледнел, приложил руку к сердцу и стал медленно подниматься со стула, а Женькина мама, пока папа поднимался, приложила к сердцу обе руки и стала медленно опускаться на стул.

Что после этого началось в доме! Как вызывали на дачу «неотложку»! Как прибежали папа с мамой к Диме! И как себя чувствовали все время мальчишки — этого не перескажешь, потому что какому путешественнику промывают желудок, если он спасается от голода, съев свои ботинки! Никакому и никогда! Об этом орал Дима на всю дачу.

— Во-первых, — говорил Диме Женькин папа, — ты съел не свои ботинки, а ботинки своего родственника! А во-вторых, где ты читал, чтобы путешественник начинал свою подготовку к путешествиям с того, что ел кожаную обувь?

А потом, а потом Женьку с Димкой напичкали каки-

ми-то лекарствами, уложили в постели под родительским конвоем и заставили заснуть.

Когда Женька проснулся на следующее утро, Димы уже не было — очевидно, его увезли на его дачу. Очевидно, его мама уже решила, что ему можно сделать несколько шагов до машины и проехать полкилометра до своей кровати. Под подушкой Женька нашел записку: «Все в порядке!!! — писал Димка. — Подготовка к путешествию продолжается!!! Жди!!! Указаний!!!»

Это означало, что, возможно, сегодня же вечером или, в крайнем случае, завтра утром Дима снова появится на даче своего троюродного брата.

**Как капитан Соври-голова
чуть не стал укротителем змей,
или Ужин с удавом**

Дня через два Женькины мама и папа вдруг стали лихорадочно прятать в доме всякие кожаные предметы и вещи. Все это складывалось на веранде в окованный железом бабушкин сундук.

Женька сидел безучастно на лестнице и все еще переживал гибель своих любимых ботинок. Его грустные мысли сами собой складывались в сообщение, которое обычно печатают на последней странице газеты в черной рамочке. Эти сообщения называются, кажется, некрологами.

«4 июля сего года, — сочинялось в Женькиной голове, — скоропостижно скончались ботинки Евгения Семенова (правый и левый). Они родились на обувной фабрике «Восход» и должны были прошагать по туристским тропам... не один десяток километров... но глупая и преждевременная смерть вырвала их из наших рядов».

— Отец! — закричала мама, выходя из сарая. — А мы с тобой охотничьи сапоги забыли! Они ведь тоже кожаные!

— Неси их сюда! — крикнул папа.

Мама демонстративно поволокла по лестнице папины сапоги и даже на секунду задержала их перед Женькиным носом. Назло, наверное. Наверное, она уже знала, что он, после того как съел свои ботинки, не мог переносить даже запаха кожи. Женька и так сидел не дыша, когда мимо него проносили что-то кожаное.

— Вот, — сказала мама, — вот! До чего дожили!

«Какая жестокость, — подумал Женька. — И без того тошно, так нет — сыпят соль на мои незаживающие раны все утро!»

В это время звякнула калитка, и во дворе в сопровождении своей мамы появился Дима. При виде его Женька вдруг испытал два совершенно противоречивых чувства — чувство ужаса и чувство радости. Поодиночке эти чувства, конечно, приходили к нему не один раз, но одновременно он испытывал их впервые.

Папа побледнел и, приложив одну руку к сердцу, опустился в плетеное кресло. Мама застыла на пороге веранды. А Женька как сидел, так и закрыл глаза, чтобы не видеть своего троюродного брата, который пришел почему-то с каким-то чемоданчиком. В темноте перед Женькой закрутились в кипящей воде ботинки. Поэтому он тут же открыл глаза — лучше видеть Диму, чем...

— А, Димочка пришел! — сказала очень добрая мама Женьки как бы радостным, но в то же время тревожным голосом.

— Я сегодня дежурю, — сказала Димина мама. — Пусть он у вас побудет до завтрашнего утра.

Папа улыбнулся кисло-прекисло, почему-то вздрогнул, осмотрел Женьку с ног до головы и вытянул у него

из брюк кожаный ремень. Потом подошел к Диме и, указав пальцем на его ноги, обутые в кожаные сандалии, сказал:

— Снимай!

Дима разулся.

После обыска Дима как ни в чем не бывало уже направился на берег Москвы-реки, и Женька уже сделал за ним три шага, как вдруг папа как закричит:

— А ну-ка, голубчики, постойте-ка!

Женька и Дима остановились.

— Вы куда?

— Туда...— сказал Женька, указывая рукой в сторону злополучного берега реки.

— Никаких туда! — сказал папа. — Только сюда!.. Или сюда!.. Или сюда!.. — Он указал рукой сначала на гамак, потом на веранду, потом на поляну перед самой дачей. — И чтобы быть все время у меня на глазах!

Диминая мама сказала:

— Сейчас придет Зинаида, она за ними посмотрит! Ты не беспокойся, пожалуйста!

— Вот это хорошо, — сказал папа.

Дима все это спокойно выслушал и спокойно направился к гамаку. «Кажется, сегодня подготовка к отважным путешествиям не грозит», — подумал Женька одновременно и с радостью и с разочарованием. И стал устраиваться в гамаке рядом с Димой. «Ну, и хорошо, что не грозит! — думал он. — Ну, очень хорошо!.. Но и плохо, конечно! Очень плохо!» Женька уж как-то привык, чтобы с Диминим появлением на даче ему обязательно что-нибудь грозило.

Гамак тихо качался. Свесив одну ногу за борт, Женька тихонько толкался ею об землю, поглядывая на Диму. Димино лицо горело, как в огне, но было, как всегда, непроницаемым. Только губы его все время что-то колдовали беззвучно. Пришла Зинаида и стала ря-

дом с ними делать вид, что с интересом читает какую-то книгу. Папа изредка из-за газеты бросал на них довольные взгляды. Заметив, что папа был ими очень доволен, мама тоже стала очень довольна. И Зинаида это тоже, видимо, все почувствовала и тоже была довольна тем, что мама была довольна тем, что папа был очень Женькой и Димой доволен.

Женька вдруг тоже стал доволен. Но вдруг Дима перестал беззвучно колдовать своими губами и сказал тихо:

— Я придумал, как тебе защищаться и как мне защищаться от подавляющих... Мы так защитимся, что они с ума сойдут...

— Правда? — ужасно обрадовался Женька не столько за себя, сколько за Диму. — А как?

— Как? — сказал Дима. — По методу Субанга! Помнишь, я тебе рассказывал про негра с анакондой?

Услышав имя какого-то Субанга, Женька задрогнул. Он уже знал, что любое непонятное слово или имя, произнесенное Димой, ни к чему хорошему еще не приводило и, вероятно, не приведет. Из-за итальянца Пигафетти, который тоже, наверное, съел парус, они чуть не отравились ботинками. А теперь еще этот Субанга... Ну и пусть Субанга! А чего бояться?

Папа с них глаз не сводит и мама рядышком — стол накрывает на веранде. И Зинаида сидит невдалеке и читает книжку, то есть не читает, а подслушивает, о чем они разговаривают. Значит, в худшем случае, Дима может рассказать про метод этого самого Субанга только теоретически.

— Так я тебе просто так, что ли, все рассказывал. Вот я тебе сейчас в доказательство почитаю, — сказал Дима. Затем достал из кармана кусочек бумаги, вырезанный то ли из газеты, то ли из журнала, и начал шепотом читать: — «...Субанга — житель Африки. Он на-

шел в лесу маленького питона и решил его выходить. Для этого он с ним вместе спал и ел...»

Когда Женька только представил, как этот Субанга обедал с этим питоном, а потом спал, может быть даже в обнимку, ему стало уже нехорошо и волосы у него на голове стали торчком. Зинаида заметила в Женькиной прическе что-то неладное и подсела к ним поближе. Дима это заметил и понизил голос:

— «Питон вырос — теперь это восемнадцатиметровая змея весом сто сорок килограммов. Днем она забивается в джунглях на кокосовые пальмы и стряхивает с них орехи,— тихо читал Дима,— а ночью свертывается на земле вокруг спящего хозяина кольцом, охраняя его жизнь и сон». Теперь понял? — спросил Дима.

— Конечно! Свертывается! И оберегает! — ответил Женька.

— Значит, с помощью кого мы будем оберегать себя?

— С помощью... Субанги...— предложил Женька.

— Как это Субанги?

— Так,— сказал Женька,— возьмем у него питона...

— Как — возьмем?

— Так,— сказал Женька,— напрокат. Днем он будет свертываться вокруг... орехов... а ночью... трясти нас...— Женька все от ужаса перепутал, но Дима не обратил на это внимания.

— «Напрокат!» — сказал Дима.— Что тебе питон — «Москвич» или пылесос? Мы должны лично вырастить и воспитать! Так что ты на Субангу не очень-то надейся! Ты, в общем, это... давай... готовься...

— К чему? — спросил Женька.

— Как — к чему? — удивился Дима.— Какой бесптолковый! К этому... чтобы воспитывать...

— Кого? — спросил Женька.— Питонов, что ли?

— Ну,— прошептал Дима,— питонов не питонов... но, в общем, тоже из класса пресмыкающихся.

От этих зловещих слов в воздухе сразу запахло практикой. Женькин лоб стал покрываться не теоретическим, а взаправдашним холодным потом. И тут впервые после прихода Димы Женька вспомнил о чемодане и о том, что на нем были какие-то странные пластиковые пломбы. Раз в Диминой голове были мысли о том, как им защищаться от подавляющих, стало быть, в чемодане было то, на чем они будут практиковаться! То есть в чемодане были питоны! Ну, питоны не питоны, но, в общем, тоже кто-то из класса пресмыкающихся. В таком маленьком чемодане, конечно, никакой питон не поместится. Так, может быть, там уместились их дети? Дети питонов! Питонцы! И этот чемодан с питонцами уже часов пять стоит у него под кроватью.

Женькино лицо побледнело от страха. Дима это заметил.

— Да ты не бойся,— стал он успокаивать Женьку.— В чемодане же ужи!

— Какие жеужи? — спросил Женька, слегка заикаясь.

— Не жеужи, а ужи, обыкновенные ужи! Четыре штуки. Два ужа основных и два ужа запасных. На всякий случай!

— Ах, ужи! — сказал Женька, вытирая со лба пот.— А они действительно ужи?

— Вот Фома неверующий! Я же их в живом уголке брал. В нашей школе. И расписку дал юннатам: «Взял ужей, в скобках — четыре штуки, на месяц. Обязуюсь за ними ухаживать...» Ну, и так далее...

Женька пожалел, что Дима дал расписку, а не юннаты, так хоть можно было бы действительно убедиться, что это ужи, а не какие-нибудь другие... пресмыкающиеся...

— А как мы будем этих ужей воспитывать?

— Для начала поужинаем с ними за компанию,— объяснил Дима,— а потом завалимся вместе спать.

— А у нас сегодня на ужин блинчики с мясом,— сказал Женька.— Разве уж блинчики едят?

— И у них, и у нас сегодня на ужин будет молоко,— заявил Дима.— А сейчас ты сделаешь вот что...

Выслушав Димину инструкцию, Женька вскочил с гамака и без всяких обычных отговорок в панике побежал на веранду, где мама уже накрывала стол к ужину. Расчет у него был простой. Ему показалось, что папа и мама в «молоке» и в их желании «пораньше лечь спать» обязательно заподозрят что-то недоброе.

«Это подозрительно,— скажет мама.— С чего это ты вдруг отказываешься от своих любимых блинчиков и просишь молока? Это подозрительно!»

«Да-да,— поддержит папа маму.— То их в постель никак не уложишь, а то они в семь часов собираются спать, видно, они с Димой опять что-нибудь затеяли».

«Никакого молока!» — скажет мама.

«А спать ляжете вместе со мной, на веранде,— скажет папа,— вот здесь».

Но на веранде, к ужасу Женьки, все произошло совсем не так, как он ожидал. Никто не насторожился. Ни у кого ничто не вызвало никаких подозрений. Даже наоборот. Мама, например, сказала:

— Два стакана молока? Почему вы мало так просите? Возьмите четыре!

А папа сказал:

— Хотите уже сейчас лечь спать? Ну, что ж... Тем лучше... Тем лучше... Чем раньше вы с Димой ляжете спать, тем лучше будет и для вас, и для нас!

«Боже мой,— подумал Женька, стоя, как дурак, на веранде с четырьмя стаканами молока на тарелке.— Если через десять минут выяснится, что Дима по ошибке

принес в чемодане не ужей, а каких-нибудь ядовитых змей, так папа пожалеет о том, что он сейчас сказал!»

— Тогда, значит, спокойной ночи, мама,— сказал Женька дрогнувшим голосом, здесь он не выдержал (кто знает, может быть, они прощались навсегда!). Женька подошел к матери и поцеловал ее в щеку, держа в руках эти четыре предсмертных стакана с молоком.— И тебе спокойной ночи, папа,— сказал Женька, целуя папу в щеку.

А Диминой сестре Зинаиде он только кивнул на прощание головой. Сидела рядом и ничего не могла подслушать! Растяпа! А ведь если бы подслушала, могла бы, в интересах всего человечества, наябедничать папе с мамой и тем самым предотвратить гибель двух троюродных братьев!

Простившись со всеми, Женька решил еще немного постоять. А вдруг произойдет чудо и кого-нибудь в последнюю секунду осенит все-таки подозрение! Прошло пятьдесят, а может быть, даже шестьдесят самых последних секунд. А он все стоял со стаканами молока на тарелке.

— Ты чего? — спросил папа.

Женька где-то читал, что перед смертью люди обычно просят за что-то прощения. Ничего не поделаешь, придется на всякий случай попросить. И Женька сказал:

— Папа и мама, вы простите нас с Димой, что мы съели ботинки...

— Боже мой,— сказала мама,— я и забыла про это!

— Я не сержусь,— сказал папа,— какие пустяки!

«Пустяки? — подумал Женька.— Конечно, пустяки... по сравнению с нашей гибелью...»

Все... Больше ему ничего не оставалось делать, как глубоко вздохнуть и нетвердой походкой направиться в свою комнату.

— Спокойной ночи! — сказал Дима всем.

Они подошли к дверям. Женька постоял в нерешительности, потом открыл дверь и вошел в свою комнату, как в могильный склеп.

Когда Женька вытащил из-под кровати чемоданчик, Дима сразу же захотел извлечь змей наружу. Но Женька наступил ногой на крышку.

— Подожди, Дима, — сказал он. — Ты пока не вытаскивай своих ужей.

— Почему моих? — удивился Дима. — Они теперь наши общие ужи...

«Общие! — подумал Женька про себя. — У меня со змеями никогда не было ничего общего». А вслух он сказал:

— Давай, Дима, сначала пройдем все, что у нас будет, только без ужей... Значит, мы пьем молоко из стаканов... А они из тарелки...

Дима вылил два стакана молока на тарелку и сказал:

— А потом все ложимся спать...

— А можно, — попросил Женька, — чтобы уж для начала спал под кроватью, а я на кровати?

— «Под кроватью»! Да разве тебя после этого уж будет оберегать, если ты его под кроватью держать будешь!

— Хорошо, — сказал Женька. — Тогда пусть я лежу под кроватью, а он на кровати...

— Вечно ты со своими отговорками! — зашипел Дима, сталкивая Женькину ногу с крышки чемодана. Потом он поставил чемодан к себе на колени, оглянулся вокруг и сказал: — Вместе, так все вместе!

С этими словами он сорвал пломбы из пластилина, щелкнул замочками и стал медленно открывать крышку, а Женька стал так же медленно закрывать свои глаза.

Потом наступила такая пауза, что Женька подумал, что с Димой все кончено. Бесшумно, как это и принято у змей. Вот настает и его очередь...

— Странно...— услышал он голос Димы.— Куда же они могли деться?

Женька открыл глаза. Дима сидел на стуле с чемоданом на коленях. Чемодан был совершенно пуст. Никаких ужей в чемодане не было. Дима перевернул чемодан и даже потряс его, потом оглянулся по сторонам и тоскливо сказал:

— Интересно, куда же они могли задеваться? И пломбы целы... Неужели они выползли через это окошко?

Дима перевернул чемодан, и Женька увидел, что сбоку у него был выпилен кусок фибры и дырка заделана тонкой металлической сеткой. Один уголок сетки загнулся и образовал отверстие, через которое, вероятно, и выползли все ужи.

«А может быть, эти ужи уже поужинали и завалились спать, не дожидаясь нас с Димой?» — подумал Женька, осторожно откидывая одеяло со своей постели.

Кровать была пуста. Тогда Женька подумал, а потом высказал подозрение, что, может быть, ужам больше понравилась мамина постель (она мягче) и они устроились у нее под одеялом. Дима внимательно осмотрел комнату от пола до потолка и сказал:

— Нет, ужи где-то здесь... Видишь, как ваш кот Васька сидит на шкафу?

Васька сидел на шкафу действительно с самым очумелым видом. Ясно было, что он чего-то так боится, что даже шерсть на загривке у него встала дыбом от страха.

— Это он ужей чует...— сказал Дима.

«Вряд ли бы Васька напугался ужей,— подумал Женька.— Он, наверное, чует, что эти ужи — совсем не ужи!»

— Вась, Вась, Вась... — позвал он кота, но тот даже и не взглянул на Женьку.

— Вот что... — сказал Дима, забираясь на стол. — Сейчас мы их высмотрим сверху и сцапаем. Они нас на столе не заметят и выползут... Ты осматривай правую половину комнаты, а я — левую...

Женька тоже забрался с ногами на стол. Было тихо. Потом вдруг раздался тихий шорох. Дверь в комнату стала тихо-тихо отворяться, и на пороге... тихо-тихо... появилась Зинаида.

— Чего это вы сидите на столе? — спросила она подозрительно. — Опять готовитесь?

— Зина, ты только не волнуйся, — сказал Женька. — Дело в том, что Дима принес ужей для тренировок, а они все куда-то расползлись.

Громко взвизгнув, Зинаида прыгнула прямо с порога на стол. Это был потрясающий рекордный прыжок. Никогда потом Зинаида не могла повторить его на своем фигурном катании. Дрожа всем телом, Зинаида стучала зубами и повторяла громко одно какое-то непонятное слово:

— Ва-ва-ва-ва-ва-ва...

— Если ты будешь дрожать вслух, — сказал ей Дима, — то мы не поймаем ни одного ужа...

— Хорошо, — сказала Зинаида. — Я буду дрожать про себя!

— Она будет дрожать, а мы будем наблюдать! — возмущенно сказал Женька. — Ты тоже... как увидишь ужа... так сигнализируй!

— Хорошо! — сказала Зинаида. — Я буду наблюдать! — И закрыла от ужаса глаза.

Они сидели втроем на столе, как на острове. Зинаида все время старалась дрожать, и это у нее очень здорово получалось. Женька наоборот. Он все время старался не дрожать, и у него это не очень-то получалось.

За дверью снова раздался тихий шорох. Дима прислушался и сказал:

— Кажется, ползут...

Дима приготовился к прыжку. Женька тоже... Больше так, конечно, для виду... Стал бы он еще прыгать на ужей! Дверь осторожно открылась, и на пороге комнаты появилась мама. Она некоторое время смотрела непонимающими глазами, а потом спросила:

— Чего это вы все уселись на столе?

Женька с Димой взглянули на Зинаиду, Зинаида посмотрела на маму и сказала:

— Вы только не волнуйтесь...

Не успела Зинаида договорить фразу, как мама стала прямо на глазах у всех волноваться. Она волновалась все больше и больше.

— Нет, тетя Валя, вы только не волнуйтесь... Мы должны сообщить одну неприятную новость...

— Подождите,— сказала мама,— подождите... сначала скажите мне: вы все живы?

— Живы...— ответили Женька с Димой нестройным шепотом.

— Вы все здоровы? — спросила мама.

— Здоровы...—ответили они.

— Так,— сказала мама,— это самое главное... А сейчас я пойду приму валерианку, а после этого вы сообщите мне неприятную новость...

Пока мама ходила за лекарством, Женька все время думал об одном: «Только бы она там где-нибудь не встретилась с ужом... Потому что если она встретится с ужом, то такой поднимется в доме шум!» Но шума не поднялось. Мама быстро вернулась обратно с пузырьком в руке, распространяя вокруг себя запах валерианки.

— Теперь говорите, что за неприятная новость! — сказала она.

— Дело в том,— сообщила с радостью, даже с восторгом Зинаида,— что Дима принес ужей для тренировки... какой-то... а они взяли и все куда-то расползлись!

— Как — расползлись? — спросила мама, делая большие глаза.

— Вот так, расползлись,— с прежним восторгом сказала Зинаида и показала рукой, как ужи, извиваясь, расползлись по комнате.

— Ай! — крикнула мама, прыгая на стол и роняя бутылочку с валерианкой.

Пока мама переживала на столе и задавала Диме всякие запоздалые вопросы, кот Васька, привлеченный запахом лекарства, спрыгнул со шкафа и стал жадно глотать из лужицы валерианку. Тем временем дверь в Женькину комнату снова стала тихо отворяться.

— Ужи! — в ужасе вскричала мама.

Но это были не ужи, это был папа. Он вошел с настороженным лицом и, увидев всех на столе, то ли от неожиданности, то ли от чего другого расхохотался.

— Напрасно смеешься,— сказала мама.— Когда узнаешь, что случилось,— заплачешь!

— А что случилось? — спросил папа.

— А то, что по нашей даче ползают змеи...

— Какие еще змеи? — спросил папа.

— Не змеи, а ужи,— поправил маму Дима.

— Это еще надо проверить,— сказала мама.— Дима принес в наш дом целый чемодан змей, а они все расползлись.

— Не чемодан, а всего четыре штуки,— сказал Дима,— и не змей, а ужей!

Папа подумал, потом почему-то поднялся на цыпочки и тихо сказал:

— Если они расползлись, то надо не сидеть на столе сложа руки, а ловить их.

Сделав такое мужественное заявление, папа на цыпочках подкрался к столу и сказал Женьке шепотом:

— Ну-ка, подвинься!

Женька подвинулся, и папа очень ловко вспрыгнул на стол, при этом так энергично, что мама чуть не упала со стола с другой стороны.

— Ой! — сказала мама и уцепилась за Женькино плечо.

А Дима опустил ноги и стал медленно сползать со стола.

— Ты куда? — сказал папа, хватая Диму за руку.

— За ужами!

— Сидеть! — сказал папа.

— Сами же сказали, что надо ловить...

— Сначала надо убедиться, что эти ужи действительно ужи, а потом уже их ловить...

— Значит, мы на этом столе так и будем до утра убеждаться? — спросила мама.

— Почему до утра? — сказал папа. — Сейчас мы привлечем ужей в комнату и убедимся, что это ужи. А после этого мы их переловим.

— Интересно, чем это вы будете их привлекать? — спросила мама.

— Чем? — сказал папа. — Свистом! Когда я был на строительстве в Индии, я видел, как там заклинали свистом змей.

— Точно, — сказал Дима. — Змеи на свист всегда выползают. — И он с удовольствием вернулся на стол, потому что это было очень интересно — не ловить просто ужей, а привлекать их свистом.

— А ты свистеть умеешь? — спросил папа Диму.

— Умею! — ответил Дима, заложил два пальца в рот и свистнул изо всех сил. Свист у него получился просто оглушительный.

— Нет! — сказал папа. — Таким свистом змей мож-

но только распугать. Надо свистеть нежно,— и папа показал Диме, как нужно нежно свистеть.

Дима повторил. Папа остался доволен.

— Так,— сказал он, обращаясь к Зинаиде и Женьке,— вы тоже свистите! Всем свистеть!

Сложив губы трубочкой, папа вывел негромко какую-то знакомую мелодию.

— Что это ты свистишь? — спросила мама.

— Арию индийского гостя,— сказал папа.

— По-моему, лучше арию Ленского из оперы «Евгений Онегин»,— сказала Зинаида.— И слова подходят: «Куда, куда вы удалились...»

Но папа предпочел арии Ленского арию индийского гостя.

— Три, четыре! — сказал он и взмахнул по-дирижерски руками.— Начали!!!

И все начали свистеть. Папа с Димой свистели вполне прилично. А Женька с Зинаидой от страха ужасно врали мелодию. А тут еще к хору присоединился пьяный Васька. К этому времени он слизал с пола всю валерианку и совершенно опьянел.

— Стоп! — сказал папа.— Так не пойдет! На такую какофонию ни одна змея не поползет!

Все замолчали. Только пьяный Васька продолжал что-то распевать своим хриплым голосом.

— Пошел вон! — сказал папа, обращаясь к Ваське.— Брысь!

На этот раз захмелевший кот хотя и нехотя, но все же послушался папу. Качаясь на четырех лапах, он подошел к окошку и прыгнул, но промахнулся и шмякнулся о стенку. Удар о стенку и валерианка, вероятно, так оглушили Ваську, что он тут же упал и сразу заснул. В комнате снова стало тихо.

— Непонятно,— прошептала мама,— почему же ужи не выползают?

— Всем молчать! — сказал папа. — Вы только дело портите. Свистеть буду я один!

— А может быть, вы не то свистели? — робко спросила мама. — Может быть, им надо что-нибудь танцевальное?

Папа что-то хотел ответить, но как раз в это время в полной тишине раздался за дверью шорох. Все настояжились. Шорох приближался.

— Ползут... — прошептал папа. — Ползут... — и снова принял за своего индийского гостя.

Он свистел так тонко и нежно, как будто играл на флейте. А шорох тем временем все приближался и приближался.

Женька и Дима не выдержали и стали опять тихонечко подсвистывать папе. Какофония возобновилась с новой силой, но, несмотря на это, шорох все-таки приближался. Потом дверь тихонько открылась, и из дверной щели высунулась голова соседки. Она смотрела на всех долго-долго, до тех пор, пока один за другим Женька, Дима и папа не прекратили свист.

— Так, — прошипела соседка, — вместо того чтобы ловить своих гадюк, они еще сидят на столе и еще свистят!

— Позвольте... — сказал папа.

— Не позволю! — прошипела соседка. — У нас тоже есть дети!

— Какие гадюки? — сказал папа. — Где вы их видели?

Как раз в это время соседка взглянула под стол, на котором все сидели, и глаза у нее вдруг просто вылезли из орбит.

— Удав! — крикнула она шепотом. — Удав! Под столом! Караул! Милиция!

Подняв юбку обеими руками, соседка подпрыгнула

на пороге и с криком и визгом выскочила из комнаты, продолжая кричать на улице:

— Удав! Милиция! Удав! Милиция!

На столе все вскочили. Стол был складной, и потому посреди него была щель, в которую можно было заглянуть. Женька посмотрел и увидел, что под столом, свернувшись кольцами, лежала черная огромная змея.

— Удав,— сказал папа.— У нас под столом удав.

— Я удавов не приносил,— стал клясться Дима.

— Ну, конечно,— сказал папа.— Он сам приполз, в гости к ужам!

Тогда Дима прыжком соскочил со стола, схватил чемодан и, раскрыв его, как папку, стал приближаться к удаву, лежащему под столом. Все покачнулось. Зинаида завизжала. Мама закрыла лицо руками. Стол пошатнулся. Ножки его подломились, и все полетели на пол, прямо в пасть к удаву. К счастью, крышка стола упала на пол плашмя и накрыла удава. Из-под досок торчал только его хвост, очень уж круглый и как будто обрубленный топором. Дима схватился за этот хвост и потянул удава на себя.

— Шланг! — заорал он.— Это же резиновый шланг, а не удав!

Теперь и мама, и Женька, и Зинаида могли убедиться, что это действительно был шланг для поливки папиной машины. Все вскочили на ноги и подняли крышку стола. А мама схватила бесстрашно черный шланг и громко закричала в окно в сторону соседской дачи:

— А разговоры подслушивать нехорошо! И шланги выдавать за удавов тоже нехорошо! Это же даже не уж! Это же шланг! — С этими словами она подняла еще какую-то желтую трубку и крикнула: — И вот еще шланг!

— А это как раз не шланг, а уж,— поправил ее Дима.

Крик, который вырвался одновременно из маминой, папиной, Женькиной и Зинаидиной груди, заглушил пикирующий вой пожарной сирены, раздавшийся за оградой дачи. Затем к пожарной сирене присоединила свой голос сирена неотложки, подлетевшей на всех парах, трели милицейских свистков и просто крики людей, бегущих со всех сторон посмотреть, что же такое ужасное вдруг здесь случилось.

Что выясняли между собой участковый милиционер и папа, откуда отряд пожарников извлек трех остальных Диминых ужей, что все это время кричала соседка, почему брандмайор записал номер не только дачного, но и служебного папиного телефона, зачем папе сунули в руки какую-то квитанцию, за которую он заплатил деньги, — в этом во всем Женька и не пытался разобраться. У него только одна мысль и была — как бы это все выдержать мужественно. Дима, например, был так спокоен, как будто ко всему случившемуся не имел ровно никакого отношения. Это он воспитывал в себе хладнокровие по методу... Женька никак не мог вспомнить, по какому методу, но совершенно точно представил себе, что за это хладнокровие им еще влепят, потому что папа с мамой считают, что человек, что-то натворив, должен немедленно раскаиваться, а не стоять столбом, как будто он тут посторонний.

Правда, Дима все-таки несколько смутился, когда приехавший на «Скорой помощи» врач, заметив какие-то подозрительные царапины у него на руках, вытащил из своего чемоданчика шприц и предложил им обоим снять штаны.

— Это еще для чего? — возмутился Дима.

— Для уколов, — объяснил врач.

Против чего-чего, а уж против уколов Дима взбунтовался принципиально, а за ним принципиально взбунтовался и Женька. Дима кричал, что он нигде не читал,

чтобы человеку, воспитывающему змей, вкатывали бы за это уколы!

— Во-первых,— сказал папа, стягивая с Димы штаны,— настоящий человек воспитывает змей у себя дома, а не в гостях! Во-вторых,— кричал папа,— настоящий человек согревает змей только на своей груди, а не на груди близкого родственника.— И он при этом содрал штаны с Женьки.— Вкатите этому укротителю, пожалуйста, двойную порцию,— сказал папа, указывая на Диму.— Я вас очень прошу!

Потом доктор пошел со своими инструментами на мамину половину и стал там делать уколы Зинаиде.

А потом на даче наступила полная тишина. Все разошлись по своим комнатам и улеглись спать. И только изредка доносившееся «ой» из маминой комнаты говорило о том, что Зинаида так же, как и Женька, еще не спит.

Женька лежал, свернувшись калачиком под теплым одеялом, и, слегка потирая место укола, испытывал, как всегда в присутствии Димы, в одно и то же время два противоречивых чувства: с одной стороны, он был рад, что спит один, без всяких там ужей... за компанию... а с другой стороны, может быть, было бы не так уж плохо, если бы рядом лежал, свернувшись колечком, такой желтенький, симпатичный и безвредный ужик.

С этими мыслями Женька и уснул, а когда проснулся, Димы на даче уже не было, он ушел с Зинаидой домой. Женька спросонья потер место укола и от неожиданной боли ойкнул. Затем повернулся на другой бок и увидел, что на его постели сидит мама — такая грустная-грустная!

— Ой! — сказал Женька громко, потом помолчал и добавил: — «Ой, цветет калина в поле у ручья!»

Потом он сунул руку под подушку и нащупал там

записку. Записка была, конечно, от Димы. Женька загородился подушкой от мамы и стал читать. «Все в порядке! — писал Дима. — Подготовка к путешествиям продолжается. Жди указаний!!!»

**Как капитан Соври-голова
чуть не научился читать мысли
на расстоянии, или Дым в рюкзаке**

— Так дальше не пойдет, — сказал Дима Женьке, — у тебя тут ни до чего не договоришься — все подслушивают, во все нос суют и вечно нас подозревают. Нужно что-то делать, и я придумал, что делать...

Дима все это говорил, забежав после обеда к Женьке, который с книжкой качался в гамаке. Женька уже совсем приготовился узнавать, что же это еще придумал Дима, но в дверях веранды появился папа с очень решительным лицом и воскликнул:

— А, ты уже тут! Привет!

— Здравствуйте, — сказал Дима.

Папа подошел к Диме, похлопал его приветственно по плечу. Женька ужасно обрадовался — подумать только, какой добрый и прекрасный человек его папа — все простил, все забыл: и ботинки, и змей. И теперь вот рад видеть Диму, до того рад, что не может оторвать от него рук. Женька просто залюбовался на эту картину.

А папа все продолжал хлопать Диму. Постучав руками по плечам, он стал хлопать его по животу, по спине и по бокам. А когда уж папа стал хлопать Диму по заднему месту и даже по ногам, Женька вдруг понял, что это он его не приветствует, а просто обыскивает. Обыскав Диму и не найдя ничего такого, папа на минуту задумался и сказал:

— А ну-ка, открой рот!

Дима открыл рот.

Папа заглянул ему в рот и сказал:

— Скажи — а-а-а...

Дима очень охотно сказал:

— А-а-а...

Не обнаружив ничего подозрительного во рту у Димы, папа стал выворачивать у него на курточке все карманы.

— Ничего,— сказал папа.

Дима вздохнул и пожал плечами — а что, мол, такого могло быть.

— Хорошо,— сказал папа,— может быть, все случившееся научило уже вас жить, как все нормальные дети...

И папа ушел.

— Пойдем на реку,— шепотом сказал Дима.— Я там все оставил.

— Что ты там оставил? — испуганно спросил Женька.

— Увидишь...

И они пошли на реку. Там в кустах Дима покопался немного и вытащил из травы старенький рюкзак. Он его едва вытащил — что-то в рюкзаке гремело и грохотало. Женька подошел поближе и пощупал рюкзак рукой. Там что-то было круглое и железное. Дима сел, достал из-за пазухи какую-то книжку и уткнулся в нее носом. Называлась книжка так: «Мои друзья из племени Нанкасе». Вспомнив, что это самое племя всего только и делает, что разговаривает при помощи дыма, Женька успокоился, даже не предполагая, что ровно через полчаса Дима подвергнет его таким испытаниям, перед которыми гибель любимых ботинок и возня со змеями будут выглядеть жалкими и незначительными событиями.

— Когда там, в театре, начало? — спросил Дима, бросив неторопливый взгляд на часы.

— В семь часов... — легкомысленно сказал Женька.

Диму такое его сообщение о времени вполне устроило.

— Я тебе про это племя говорил? Говорил! А вот тебе доказательство. — И он стал шепотом читать: — «...но больше всего меня удивил случай в Африке среди племени Нанкасе. Заметив на горизонте дым, я указал на него проводнику Мзинга и сказал: «Пожар». Мзинга всмотрелся вдаль и сказал: «Нет! Это наши люди сообщают, что в том месте у реки обнаружено много газелей». Так что готовься! К чтению твоих и моих мыслей при помощи дыма.

И только сейчас Женька сообразил, что хуже этого испытания Дима, пожалуй, ничего не мог и придумать. Мало ли какая недостойная мысль может мелькнуть в голове даже самого порядочного человека. В конце концов, он сам с ней, возможно, не согласится, и даже будет стыдиться, что так подумал, но куда потом денешься, если эта самая мысль уже всем известна?

Женька тут же представил, какая может разыгаться на этом несчастном для него берегу сцена, если Дима действительно сумеет (сумеет! сумеет!) при помощи дыма прочитать его мысли! Сначала к небу пойдет дым, потом туда же вместе с дымом повалят его мысли. Дима их, конечно, сразу же прочтает (прочтает! прочтает!) и заорет, конечно, на весь дачный поселок:

«Как?! — заорет Дима. — Что я вижу?! Он все еще жалеет о том, что мы съели его ботинки! И мечтает о какой-то кожаной курточке на молниях?! И думает, как бы ему увидеться с какой-то девчонкой из соседней дачи? Боже мой! И я эту скареду, этого пижона, этого донжуана принимал за порядочного и смелого человека!!!»

Нет, сейчас же, сию же минуту надо было отговорить Диму от этой ужасной затеи.

— Слушай, Дима,— сказал Женька,— а почему бы нам не изучить азбуку Морзе? С ее помощью тоже можно передавать мысли на расстояние!

— Азбуку Морзе? — зашипел Дима.— Связываться с разными там передатчиками?!

— Тогда, может быть, можно передавать мысли при помощи тамтамов? Я читал про такие барабаны... Или еще я читал про слоновьи бивни,— сказал Женька.— Если в них погудеть, то можно передать мысли на триста километров...

— Барабаны! Бивни! — сказал Дима.— Тебе же нужно секретно передать секретные мысли, а не барабанить и не гудеть по секрету всему свету!

Женька подумал, какую бы еще найти отговорку, и спросил:

— А штраф-то как?

— Какой еще штраф? — удивился Дима.

— Десять рублей... постановление Моссовета... в дачной местности нельзя разводить огонь...

— Огонь нельзя,— сказал Дима,— а дым можно!

— Так ведь дым без огня не бывает?

— А это что, по-твоему? — спросил Дима, подмигивая и хлопая по рюкзаку.

— А что это такое? — спросил Женька.

— Дым без огня! Вот что это такое!

Дима наконец развязал рюкзак и, оглядываясь по сторонам, вытащил из него круглую металлическую коробку с ручкой, похожей на кассету для кинолент, только потолще, и поднял ее к Женькиному носу.

— «Шашка нейтрального дыма,— прочитал Женька на этикетке, морщась от неприятного запаха.— По спецзаказу «Мосфильма».

— На киностудию за ними специально ездил,—

сказал Дима.— Три часа пиротехника уговаривал. Еле уговорил.

«Ну, все,— подумал Женька про себя,— не пройдет и часа, как я на глазах у Димы погорю со всеми своими жалкими мыслями!»

— Слушай,— сказал Женька.— А почему бы нам с тобой...

Но Дима не стал больше Женьку слушать.

— Конечно,— сказал он,— есть такие горе-товарищи, которые и дыма боятся как огня... и для которых штраф в десять рублей дороже интересов всего человечества, и которые могут придумать миллион отговорок, только чтобы...

С этими словами Дима повалился на песок и стал из всех сил переживать Женькину трусость и скупердайство. А Женька? Разве Женька мог перенести, чтобы Дима принял его за какого-то труса, не годного ни для одного стоящего дела? Нет, он не мог этого перенести, он встал и сказал:

— Хорошо, Дима, я согласен читать дым! Только давай не с помощью шашек, а с помощью папирос?

Женька думал, что от папирос мало дыма и Дима не сможет тогда прочитать все его мысли.

— Никаких папирос! Только шашки! — заорал Дима.

В кустах кто-то прошумел или что-то прошумело, и Дима мгновенно спрятал в траве и пустой рюкзак, и коробку с шашками. На поляне появился папа. Он подозрительно посмотрел на них и спросил:

— Значит, шашки?

Женька чуть не умер от ужаса, что папа обо всем догадался, а Дима почему-то совсем спокойно сказал:

— Шашки!

— Шашки — это хорошо,— сказал вдруг папа, глядя на обложку Диминой книжки,— и книжки — это то-

же хорошо! И шахматы тоже... хорошо! Шашки и шахматы я оставляю на веранде. Мы уходим, и я надеюсь, я надеюсь... я надеюсь... дача пустая... Вы меня поняли?

Женька пошел проводить папу до калитки, чтобы заодно выслушать все его инструкции, а когда он вернулся обратно на берег, там уже все было готово к чтению дыма.

Две шашки были уже извлечены из рюкзака и положены на землю недалеко друг от друга, рядом с кирпичами для сидения. Шашки оставалось только зажечь, что Дима сразу же и сделал при его появлении. Стоя на коленях спиной к Женьке, он посмотрел на часы, чиркнул спичкой, и тотчас же из-за его головы словно бы вылетела стайка черной мошкар. Дима обернулся, посмотрел на Женьку и потер руки.

— Сейчас...— сказал он.— Сейчас мы узнаем, чем ты дышишь...

Женька присел с закрытыми глазами на кирпич и, чтобы Дима не узнал, чем он дышит, стал, как попугай, твердить: «Мне не жалко, что мы съели ботинки... мне не жалко, что мы съели ботинки...»

Дым лез Женьке в глаза, поэтому он еще и жмурился, и морщил нос.

— Глаза открой! — закричал Дима.— Дым читают с открытыми глазами!

Женька открыл глаза и увидел, что из его шашки дым идет какого-то подозрительного черного цвета. При виде этого дыма он сразу же перестал думать о своих ботинках.

«Ой-ой-ой! — подумал он,— какой-то уж больно страшный дым... как бы пожара не было...» И еще он подумал, что сейчас Дима посмотрит на его дым, прочитает его и, вероятно, заорет: «Что я вижу? Из шаш-

ки идет обыкновенный дым, а этот неврастеник думает о пожаре! Трус! Ничтожная личность!»

Но вместо этого Дима почему-то закричал совсем другое.

— Слушай! — закричал Дима. — А почему это у тебя такой жидкий дым?!

Женька в первый раз посмотрел на Димин дым. Действительно, по сравнению с Диминым дымом Женькин дым представлял прямо-таки жалкое зрелище! Из Диминой шашки дым валил, как из паровой трубы, а из Женькиной поднимался какой-то жалкой струйкой.

— Э-э-э! — закричал Дима. — Да ты, наверное, ни о чем не думаешь.

— Как это не думаю! — закричал Женька. — Я думаю!

— А почему же у тебя такой жидкий дым? — не унимался Дима.

Женька хотел сказать, что, вероятно, какие мысли у человека, такой и дым у него, но удержался и только раскашлялся, потому что дым продолжал лезть и в глаза, и в рот, и в нос!

— Придется тебе еще одну шашечку под нос добавить! — сказал Дима, тоже кашляя.

С этими словами он достал из коробки еще пару шашек и запалил их.

Одну шашку Дима оставил себе, другую поставил Женьке под самый нос и стал ее раздувать. Из второй шашки повалил не только дым, но и полетели искры. При виде искр мысли о пожаре вспыхнули в Женькиной голове с новой силой, и он стал думать о том, что будет, если дача и вправду загорится.

Все, наверное, сгорит. И даже бабушкин железный сундук, куда папа с мамой сложили все кожаные вещи и предметы. И еще Женька подумал, что если Дима

прочитает сейчас его мысли, то это будет не так уж плохо. В конце концов, лучше пусть он сам погорит со своими мыслями, чем дача со всем имуществом.

— Дима,— сказал Женька,— ну, ты хоть одну мою мысль уже различил в дыму?

— Нет еще,— сказал Дима, тоже кашляя и чихая.

«Что же делать? — подумал Женька.— Пока Дима сумеет различить в дыму мои мысли, пройдет, может быть, час, а может быть, и больше, а дым идет все гуще, и искры летят вовсю, и запахло уже чем-то паленым...»

— Сейчас узнаем, о чем он думает...— прошептал Дима.

А Женька, чтобы хоть как-то помочь Диме и спасти положение, начал думать вслух.

— Я,— сказал Женька,— думаю сейчас о том, чтобы пожара не было.

А Дима и не слышал его голоса, он сам заорал:

— Сидишь неправильно! Далеко от дыма сидишь! Так, конечно, никакие мысли не прочтешь!

— Ничего себе — далеко! И так дышать нечем!

— Надо в самом дыму сидеть! — кричал Дима.— Чтобы мысли дымом пропитались, а дым — мыслями! Вот как надо!

С этими словами Дима сунул запросто свою голову прямо в дым, подержал немного, а потом вытащил обратно. Белое Димино лицо после этого сразу же превратилось в негатив. А по щекам его побежали слезы. Затаив дыхание, Женька повторил Димин маневр и тоже тихо про себя разревелся.

— Так,— сказал Дима, плача.— Теперь глотни его!

Женька глотнул. Ему уже было все равно, лишь бы Дима прочитал его мысли про пожар.

— Так,— сказал Дима, чихая, кашляя и плача.— Теперь другое дело! Теперь гораздо лучше!

Может быть, Диме действительно стало лучше, но когда Женька еще раз сунул голову в дым и потом еще раз глотнул его, ему сразу стало гораздо хуже. Он опять зачихал и закашлял, а по лицу у него побежали тройные слезы — одни из-за того, что дым ел глаза, другие оттого, что ему ужасно стало жаль дачу, третьи потому, что Дима и после глотания дыма не смог прочесть ни одной его мысли. А дым стоял над ними, как над морской эскадрой, и спины уже почему-то пекло.

— Сейчас узнаем, узнаем, о чем он думает! — бормотал про себя Дима.

Тогда Женька не выдержал и просто заорал.

— Не знаю,— заорал он,— о чем ты, Дима, думаешь, а я лично думаю о том, что наша дача уже горит! И нам с тобой, Димыч, надо не дым читать, а пожар гасить!

А Дима тоже заорал:

— Что ты мне про свои мысли кричишь! Ты мне про мои мысли кричи!

А Женька закричал:

— Свои мысли ты и сам знаешь! А мои не можешь прочитать, не можешь!

А Дима опять за свое:

— А я почему не могу их прочитать? Потому, что мой дым перепутался с твоим дымом и я не могу отличить свои мысли от твоих!

Женька заорал пуще прежнего:

— И все ты врешь! Мои мысли сейчас о том, что надо звонить по ноль один! А все остальные мысли — это твои, а не мои вовсе!

И тут, вместо того чтобы сказать спасибо Женьке

за помощь в прочтении мыслей, Дима вдруг ужасно рассердился:

— Некоторые типы говорят слова, чтобы скрыть свои мысли, только со мной такие штучки не пройдут! Нас не собьешь!

Но к этому времени Женька уже так нахвтался дыма, что ему все равно было, что там думает о нем Дима, ему так стало все равно, что он перестал помогать Диме читать мысли и совсем перестал интересоваться тем, что думает его троюродный брат. Он обернулся на дачу и увидел, что все окна у нее такие, как будто в комнатах кто-то проявляет при красном свете. Тут уж он просто завопил:

— Пожар! Пожар! Пожар!

Вероятно, его мысли о пожаре если не Димке, то кое-кому все-таки удалось прочитать. Потому что над дачей вдруг появился в воздухе вертолет, а со стороны реки, преодолевая дымовую завесу, стал подруливать катер речной милиции. А в глубине дыма за оградой раздались громкие голоса...

Как мама и папа Женьки и сестра Димки Зинаида наткнулись на них в черном тумане? Из-за чего мама упала в обморок? Что кричал командир пожарных, когда обнаружил дымовые шашки и не обнаружил никакого пожара? И что после этого началось? Как реагировала на все соседка Женьки, еще не успокоившаяся после истории с питоном? Почему милиционер с катера записал телефон? Чем пригрозил брандмайор Женькиному папе? Об этом нужно писать совершенно особенный рассказ. Сейчас можно сказать только о том, что Женька и Дима вели себя мужественно и героически. Дима потому, что это был его принцип. А Женька оттого, что уже ко всему привык. Конечно, как всегда, их

спокойное состояние рухнуло, как только приехал врач на «Скорой помощи». Он установил у обоих отравление угарным газом, правда не очень тяжелое. Врач достал две кислородные подушки и заставил Женьку с Димой дышать кислородом. Потом он заставил нюхать нашатырь, потом заставил раздеться и растер с ног до головы, а потом хотел обложить обоих грелками.

Дима все терпел, но из-за грелок просто взбунтовался. Взбунтовался и Женька.

Дима вопил, что он нигде не читал, чтобы, например, путешественникам, которые читали мысли с помощью дыма, давали после этого нюхать нашатырь и обкладывали грелками.

— Во-первых,— сказал Женькин папа,— вы дым не читали, вы его просто нюхали... Во-вторых,— сказал Женькин папа,— для того чтобы читать мысли на расстоянии, надо иметь не только расстояние, но и мысли...

Женьке показалось, будто отец хотел что-то сказать «в-третьих», «в-четвертых» и «в-пятых», но доктор сказал, что им нужен полный покой и тишина. После этого все ушли. И Женька с Димой остались в полной тишине и в полном покое.

Если не считать покашливания, Женька и Дима лежали молча. Судя по выражению Диминого лица, он опять обдумывал что-то совершенно невероятное. Но с Женькой он пока об этом не разговаривал, и Женька вдруг забеспокоился, что Дима почему-то больше не хочет, чтобы он в чем-то невероятном участвовал. Но убедившись, что ни с дымом, ни без дыма Дима все равно не прочтает ни одной мысли, Женька, как всегда, но почему-то с еще большим наслаждением предался своим ничем не выдающимся мыслям...

От автора

Вот вам пока шесть историй из полной приключений жизни капитана Соври-головы, то есть капитана Сого, то есть просто Димы Колчанова, и его троюродного брата Женьки. Женька, конечно, напрасно испугался, что Дима больше не станет принимать его в свои невероятные происшествия. Пройдет день, и капитан Соври-голова предложит ему лететь в космос. Это происшествие было невероятнее всех, уже случившихся. Но об этом в следующий раз.

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕРХПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕРХКОСМОНАВТА

3

МАЛЬЧИК В ЧЕРНОМ КОСТЮМЕ

235

КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА, ИЛИ 36 и 9

275

Для детей среднего школьного возраста

Валерий Владимирович Медведев

СВЕРХПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕРХКОСМОНАВТА

Заведующая редакцией *Л. Сурова*. Редактор *Т. Бойко*
Художественный редактор *П. Зубченко*. Художник *Н. Тамбовкин*
Технический редактор *Л. Маракасова*
Корректоры *З. Кулемина, Н. Сечина*

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», Москва, Чистопрудный бульвар, 8.

Л 49462. Сдано в набор 4/Х 1976 г. Подписано к печати 7/II 1977 г.
Формат 70 × 108^{1/32}. Бум. № 1. Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 15,39.
Тираж 75 000. Цена 70 коп. Зак. 1125.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

707001

MP